

К. 89
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Памяти К. А. Тимирязева.
	О международном Пролеткульте.
	Очерки организационной науки. Ст. 5-ая.
А. Богданов.	К вопросу об объеме и характере работ Пролеткульта.
В. Нунавин.	Самостоятельность или в путях буржуазной культуры.
В. Полянский.	Методы пролетарского творчества.
А. Богданов.	Англия, как поле пролетарской культуры.
Т. Неель.	Самостоятельное просвещение рабочих Англии.
В. Мак-Лейн.	Алексей Гмырев (рабочий-поэт).
В. Фриче.	К созыву 2-ой Всерос. Конф. Пролеткультов.
	За границей. Съезды. В провинции.
Хролина.	Ф. Меринг. „К. Маркс. История его жизни“. — В. Фриче.
Библиография.	„Новейшая европейская литература“. — Н. Степной.
	„Пролетарий“. — В. Белоцерковский. „Смех сквозь слезы“. — Е. Тарасов. „Стихотворения“. — Я. Бердников.
	„Цветы сердца“. — Н. Рыбацкий. „На светлый путь“. — Н. Отсоли. „Стихотворения“. — А. Кузнецов. „Стихотворения“. — Н. Квязов. „Первая книга стихов“. — „Кузница“. Журнал.

№ 15 — 16.

Апрель — июль 1920 г.

в Ленинграде

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 10 утра до 4 ч. дня.

№ 15—16.

Апрель—июль.

1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Памяти К. А. Тимирязева. — О международном Пролеткульте. Очерки организационной науки. Ст. 5-я. А. Воданов. — К вопросу об объеме и характере работ Пролеткульта. В. Кунакин. — Самостоятельность или в путях буржуазной культуры. В. Поланский. — Методы пролетарского творчества. А. Воданов. — Англия, как поле пролетарской культуры. Т. Коэн. — Самостоятельное просвещение рабочих Англии. В. Мак-Лейн. — Алексей Гимрев (рабочий поэт) В. Фриго. — К союзу 2-ой Всеросс. Конф. Пролеткульта. Нормы представительства. Порядок дня. Инструкция. Анкета. — Хроника Пролеткульта: За границей. С. Зад. В провинции. — Библиография. Ф. Меринг: К. Маркс. История его жизни. П.-ав. Лессега. В. Фриге. — Новейшая европейская литература. Вып. 1-ый В. Г.-Штеиниш. „Пролетарий“. В. Поланский. — В. Бедоцковский. „Смех сквозь слезы“. В. П.-ий. — Тарасов. „Стихотворения“. В. П.-ий. — Я. Бердников. „Цветы сердца“. В. П.-ий. — Н. Рыбалский. „На светлый путь“. В. П.-ий. — Н. Осолоди. „Стихотворения“. — А. Кузнецов. „Стихотворения“. В. П.-ий. — В. Князев. Первая книга стихов“. П. Рудков. — Кузница. — Журнал пролетарских писателей при литературном отд. Н. К. Пр. А. Воданов.

Памяти К. А. Тимирязева.

28-го апреля 1920 г. умер Клементий Арнадьевич Тимирязев, член Социалистической Академии и сотрудник нашего журнала.

На его гроб Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта возложил из живых цветов венок с надписью „Великому ученому и сотруднику „Пролетарской Культуры“.

Тов. А. Бодянов над его могилой от имени Социалистической Академии и Всероссийского Пролеткульта произнес речь.

Прощальный привет дорогому товарищу... Уже многое сказано — и еще столько хочется сказать, так много... и так бессильны слова... Но главное ясно. Умер большой человек. Человек науки, человек труда, человек идеала.

Человек науки... Не здесь входить в оценку его работы; но его дело известно всему свету. Он исследовал и раскрыл одну из величайших тайн жизни: точно показал, как из мертвых материалов воздуха и воды растение, силою солнечных лучей, строит живое вещество. Это была великая победа науки. И старый ученый мир признал ее, — тот мир, из которого вышел Клементий Тимирязев, и от которого он так далеко отошел душою... Он — один из тех немногих, кому выпала на долю честь читать почетную лекцию в Лондонском ученом обществе, высшем научном учреждении Европы.

Он был не только неутомимым работником в своей обширной специальности, но и неутомимым борцом за научное мировоззрение. Никто в России не сделал столько для торжества идей дарвинизма и научного материализма. Никто лучше не понимал, никто ярче и настойчивее не выяснял силу науки и научного мышления, как орудия реального творчества, строительства жизни, победы над природою.

Товарищи! мир науки имеет свою левую сторону, где бьется его живое сердце, и правую, где окаменевшее прошлое отстаивает себя против будущего. Тимирязев всегда стоял на крайней левой, всегда занимал самую прогрессивную позицию и неуклонно шел вперед, до конца сохраняя юношескую свежесть и гибкость мысли. Поразительна в этом отношении статья его „Дарвин и Маркс“, написанная за год до смерти. Он только в последний период своей жизни подошел ближе к общественным наукам; но никто глубже его не сумел понять и ярче выразить внутреннее родство дарвинизма и исторического материализма, этих титанических созданий двух величайших творцов науки XIX века. Статья эта была напечатана в журнале „Пролетарская Культура“. Она, товарищи, ему близка была и идея пролетарской культуры, эта идея, многих даже революционных социалистов отталкивавшая своей непревзойденной Довизной. Социалистическая Академия недаром написала на своем венке „Благородному представителю союза пролетариата и науки“. Он принимал пролетариат в его жизненном целом, во всем масштабе его движения—и как культурную силу.

„Благородному“... это слово первым приходит в голову, когда хочется характеризовать его личность. Основа его культуры была *непреклонная совесть* человека мысли и гражданина; та и другая составляли в нем одно. Еще и тогда, когда он не выступал на поле общественной деятельности, когда жил всецело научными интересами, эта совесть гражданина ярко сказывалась, и имела сильное влияние на всю его судьбу. Старый академический мир, товарищи, служил старому порядку; а старый порядок часто требовал от ученых, от профессоров того, с чем не могла мириться совесть истинного гражданина. В этих случаях,—а их было не мало,—Клементий Тимирязев не знал уступок, не допускал колебаний... Вспоминаю один случай, не очень значительный, но лично мне близкий. 26 лет тому назад в Московском Университете был разгромлен Союз Земледельцев, организация, собственно, просто взаимопомощи студентов, но по тогдашним условиям нелегальная, и потому—„революционная“. Правление университета предложило всем профессорам подписать заявление, что они осуждают эту организацию. Только пять профессоров отказалось—и среди них первый был Тимирязев. Из-за малоизвестной ему студенческой организации он рисковал всей своей ученой карьерой... Но его совесть не знала колебаний. Итак он поступал всегда. Понятно, что при том старом порядке он, несмотря на все заслуги, не мог сделать „высокой академической карьеры“.

Та же непреклонная совесть гражданина определила два его поразительно ярких, и исторически-важных выступления на закате его жизни: выступление против войны в то время, когда еще большинство даже социалистов, увлеченные волною, блуждали в кровавом тумане патриотизма; и выступление за полное принятие, полное признание октябрьской революции—в то время, когда даже часть оставшихся до тех пор верными международному социализму колебалась и отходила от работы на поле Советской республики. Оба раза ему приходилось идти на разрыв многих прежних связей, жертвовать массой прежних симпатий... Но его совесть не знала колебаний.

Социалистическая Академия может с полным правом гордиться не только тем, что она избрала Клементия Тимирязева одним из первых в свои члены, но также и тем, что он сам открыто подчеркивал это свое звание. Он был бесконечно равнодушен ко всяким титулам; но это звание было важно для него потому, что оно выражало его отношение к социалистической науке.

Странная вещь, товарищи! Утрата огромная, невознагражденная; но глядясь в этот чудный образ ученого и гражданина, охватывая взором гигантскую выполненную работу—как-то не можешь остановиться на чувстве грусти. Словно что-то главное не умерло... Да так оно и есть! Ведь, этот образ останется в истории, он врежется в памяти поколений; это дело продолжается и продолжится.

Спи же спокойно, учитель истинный! Спи, рыцарь без страха и упрека, до конца чистый, до конца светлый, до конца верный себе и своему идеалу! Спи, счастливцев, один из немногих, кому дана душа бессмертная в жизни человечества! ибо твоей душой было твое дело; а оно живет, над ним—смерть бессильна.

Слово победы, товарищи, только оно—достойно прозвучать, как прощальное слово над могилой Клементия Тимирязева.

О международном Пролеткульте.

Культурное пролетарское движение, организующееся в Пролеткультах, представляет особую, самостоятельную форму рабочего движения, на ряду с формами политическими, профессиональными, кооперативными. Эта сторона пролетарской борьбы и пролетарского творчества до сих пор отставала от других в развитии; она еще не успела и сложиться в международную организацию. Но несомненно, что она скоро достигнет этой ступени: жизнь быстро идет в таком направлении. А пока в сколько-нибудь широком масштабе Пролеткульты создала только Советская Россия, где они объединены всероссийским центром. В других странах они едва зарождаются и работают разрозненно.

Такое соотношение между страной культурно-отсталой и странами культурно-передовыми может показаться загадочным. Часть разгадки—но далеко не вся она—лежит, конечно, в благоприятных условиях советского строя. Помимо этого остается, однако, тот факт, что еще в до-советское, и даже до-революционное время именно в среде русского рабочего движения впервые было осознано самостоятельное значение пролетарской культурной борьбы и работы, необходимость особой, отдельной ее организации. Почему это так случилось?

Пояснением может служить аналогия из другой области. С семидесятых годов прошлого века германский пролетариат в политическом движении шел впереди английского, хотя экономическое развитие Германии в те времена далеко отставало от английского уровня, как отставало и экономическое движение германских рабочих. В политике же их высокая прогрессивность зависела как раз от политической отсталости Германии, с ее полу-дворянским, полу-буржуазным государственным строем, как раз от тяжелого, сравнительно с Англией, гнета, который пролетариат испытывал с этой стороны, и который усиленно возбуждал его активность, его сознание. На русский пролетариат, помимо невозможных государственных форм, которые с самого начала сделали его весьма революционным, исключительно тяжелым гнетом ложилась культурная отсталость России—и его собственная, и других классов. Наш передовой, сознательно борющийся пролетариат проигрывал важнейшие битвы, и потерял большую часть плодов нашей первой революции, благодаря культурной слабости как менее развитых широких пролетарских слоев, так и его естественных союзников—деревенской и городской бедноты. Этим возбуждалось и обострялось его культурное сознание, сильнее чем в передовых странах, где такие стимулы были гораздо более слабы.

Вот почему у нас всего раньше были сделаны решительные выводы относительно значения и задач пролетарского культурного движения. А новая революция еще нагляднее показала его жизненную необходимость для рабочего класса. Нашему пролетариату пришлось спасти Россию от экономической и политической гибели, пришлось взять на себя роль организатора общественной жизни при таких условиях, когда „культурные“ классы, буржуазия с буржуазной интеллигенцией, на деле проявили свою полную негодность для этой роли. Подавляющее бремя новых задач вновь и вновь

суровым опытом убеждает наших рабочих в том, что культурная подготовка класса—это и есть его *организаторская* подготовка. Мучительно ощущая на практике ее недостаток, они тем решительнее и энергичнее становятся на путь организованной революционно-культурной работы.

Новая культура создавалась и создается стихийно в широких пролетарских массах. Ее элементы возникают в области быта всюду, где складываются товарищеские отношения между людьми, из сферы производства переходя в жизнь семьи и во всякое иное общение; в области чувства и мышления всюду, где личное „я“ оттесняется и замещается в сознании людей коллективным „мы“, и где мир воспринимается некак поле индивидуальной борьбы за выгоду, а как поле общего труда для подчинения стихий. Пролеткультовское движение вносит в это творчество организованность, т. е., сознательность и планомерность. Нельзя сомневаться, что сумма новых элементов культуры, уже народившихся и вошедших в жизнь, много значительнее среди рабочего класса передовых стран, чем у нас; наше временное преимущество заключается в организационной инициативе,—как мы видели, вынужденной ходом вещей.

Та просветительная работа, которая велась раньше социалистическими партиями, профессиональными союзами, кооперативами, культуртрегерскими кружками, не могла сама по себе организовать элементы пролетарской культуры, потому что ближайшим образом ставила себе другие задачи. Она стремилась приобщить рабочие массы к „духовной культуре вообще“, рассматривая ее с точки зрения классовой борьбы и классowego творчества лишь там и постольку, где и поскольку прямо и очевидно затрагиваются пролетарские интересы. А культура „общечеловеческая“, выработанная старыми классами, была в действительности *их* культурой, удовлетворяла *их* потребности, служила для устройства жизни сообразно *их* социальной природе. Приобщение пролетариата к ней было приобщением к быту, мышлению, строю чувств этих старых классов,—и поскольку оно делилось не критически, без переоценки и приспособления к потребностям, к задачам пролетариата, постольку оно даже закрепляло его жизнь в формах прошлого, культурно подчиняло его господствующим классам.

Первым сознательным организатором элементов новой культуры следует считать Карла Маркса. Он заложил основу пролетарской науки, экономической и исторической, а равно и пролетарской философии; это было началом революции в целой культурной области. Сущность революции заключалась отнюдь не в том, что новая наука защищала интересы пролетариата: защита интересов вообще не ее дело, а может относиться лишь к ее применениям. Переворот был глубже, относился к самым способам научно-философского мышления: оно покояло старые точки зрения, индивидуалистическую и обычно примешанную к ней в различной мере авторитарную, становилось на иную, которую мы называем *коллективно-трудовой*, и которая точно соответствует производственному положению рабочего класса, т. е., является пролетарской.

„Социальным бытием определяется сознание людей“. В этой обобщающей формуле Маркса под социальным бытием подразумеваются условия и отношения производства, а в понятие „сознания“ включается вся духовная культура. Отсюда легко выводится принципиальное решение вопроса о пролетарском культурном движении. Социальное бытие, пролетариата, его роль в производстве и характер его трудовых связей, обособляет его от господствующих классов и противопоставляет им в революционной позиции. Этому должно соответствовать все его сознание, т. е. таким же революционным классом он должен явиться и во всех областях культуры. До последнего времени его активность и, особенно, оформляющие усилия сосредоточивались на политической и экономической борьбе. Поскольку здесь вырабатывались новые организационные формы и новые методы, постольку это было тоже культурным творчеством. Но теперь пришло время поставить

задачу во всей ее широте. То, что Маркс начал в одних областях мысли, должно быть не только продолжено, но распространено на все другие области; за пролетарской наукой должно последовать пролетарское искусство, рассеянные, но яркие зародыши которого уже имеются во множестве; новые формы быта, которые стихийно творятся в труде и борьбе рабочего класса, должны осознаваться и разворачиваться и охватывать всю его жизнь, прежде чем они охватят жизнь всего человечества. И, главное, каждое приобретение в этих направлениях надо немедленно делать достоянием широких рабочих масс, мирового пролетариата в его целом. Таков смысл нашего движения, такова его программа.

Что касается организации, то она неизбежно приспособляется к общим социальным условиям, которые в разных странах различны. У нас Пролеткульты входят в систему государственных учреждений и живут за счет государственного бюджета; в большинстве других стран они пока могут быть только терпимы государством, а местами, при обострениях империалистической военной диктатуры, вероятно, будут подвергаться стеснениям, и даже преследованиям. В связи с такими различиями положения изменяются и рамки деятельности. Объем ее, в смысле принципиального захвата, должен для западных Пролеткультов оказаться шире, чем для наших. В Советской России народный комиссариат просвещения выполняет целый ряд функций, относящихся к культурным потребностям рабочего класса: вся та общая просветительная часть работы, в которой они совпадают с потребностями других трудовых классов, лежит на Комиссариате, и тем самым снимается с Пролеткультов; таковы начальные образовательные курсы, библиотечное дело, наибольшая доля основной научно-социалистической пропаганды. Пролеткультам внегосударственным, конечно, приходится вести и эту работу; а в своем дальнейшем развитии они должны, в интересах ее единства и стройности, стремиться к ее сосредоточению в своих руках, освобождая от нее организации профессиональные, кооперативные и партийные, поскольку они теперь ее ведут. Только та часть культурно-просветительного дела, которая прямо связана со специальными задачами этих организаций, естественно, должна оставаться у них, как, положим, профессионально-технические курсы, партийно-агитаторские школы, и пр. Но и здесь желателен постоянный практический контакт и идейное согласование, которые, впрочем, всегда должны существовать между организациями всех форм рабочего движения.

Основное же ядро работы Пролеткультов повсюду одно и то же: революционно-культурное творчество, собирание нарождающихся элементов новой культуры, в области быта, науки, искусства, оформление, развитие, систематизация этих элементов,—словом их всесторонняя организация. Ее орудиями должны служить рабочие клубы с образовательными и художественными кружками при них; специальные студии того и другого типа, курсы, пролетарские университеты академии искусства, может-быть, не отдельно от них, а слитно с ними... Все такие учреждения должны группироваться на Пролекультах, местных и центральных, вместе с отделами литературными, издательскими, административно-хозяйственными и другими, (какие потребуются, вокруг общих руководящих коллегий.

Строение основного, инициативного и организующего аппарата, разумеется, не может быть однообразным при огромном разнообразии условий, но в некоторых существенных чертах предопределяется самой природой пролеткульского движения. Революционно-творческим в смысле классовой культуры является по преимуществу пролетариат индустриальный, концентрированный в крупных предприятиях; ибо в нем классовые черты выступают наиболее резко и определенно,—в особенности коллективизм труда и борьбы. Поэтому, естественной первичной ячейкой организации следует считать Пролеткульт фабричный или заводский: объединение культурно-активных рабочих отдельного крупного предприятия; в предприятии гигантском базой может быть и достаточно крупная его часть. Эти первичные

ячейки автономны каждая в своей сфере работы. Соединяясь по городским районам, по городам, по областям, они сообщая формируют свои местные комитеты, а на общих съездах — центральный. Общий организационный принцип — централизация связи при максимальной местной автономии в непосредственной работе. Для культурного творчества инициатива и свобода — основные условия.

В революционной атмосфере эпохи рост организаций должен идти быстро, и можно предвидеть, что в недалеком будущем выступит вопрос о международном съезде Пролеткультов. А до тех пор надо приложить все усилия к развитию идейных и практических связей движения в международном масштабе через обмен литературы, систематическую информацию, посылку делегатов, и всеми способами, какие окажутся возможны.

Культурный переворот есть необходимая часть и необходимое условие пролетарского социализма. В области культуры так же, как в экономической и политической, освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

Очерки организационной науки.

Расхождение и схождение форм ¹⁾.

I. Закон расхождения.

В опыте никогда не встречается двух абсолютно сходных комплексов. Различия могут быть практически-ничтожны — „бесконечно-малы“, но при достаточном исследовании они всегда могли бы быть обнаружены. Нельзя найти двух вполне сходных листьев на всех растениях мира, нельзя даже, как это ясно показывает молекулярно-кинетическая теория, найти двух вполне сходных капель воды во всех океанах мира. Это относится не только к „реальным“ комплексам, но и к „идеальным“, только мыслимым. Геометры могут „мыслить“ абсолютно-сходные линии, т.-е. словесно обозначать их, как таковые, но эти линии существуют ведь только в актах мышления, а два акта мышления, хотя бы одного и того же лица в разные моменты, сами не могут быть абсолютно одинаковыми.

Наиболее сходные, практически одинаковые формы получаются путем разделения, распада однородных комплексов; конечно и эта однородность только относительная. Кристалл, капля дистиллированной воды, кусок химически-чистого металла могут служить примерами таких комплексов. Пусть мы разделяем подобную единицу на две, возможно равные части; никакая техника не позволяет достигнуть полного равенства, нулевой разности величин. Следовательно, и в строении, в силу первичной неоднородности, как бы ни была она незначительна, и в размерах между комплексами-близнецами окажется некоторая *начальная разность*.

Этого мало. Неизбежно неодинакова и их *среда*, их внешние отношения. Пусть даже это „совершенная пустота“, т.-е. астрономическая эфирная среда, но и в ней, прорезываемой бесчисленными и бесконечно разнообразными волнами лучистой энергии, электрические и магнитные состояния в любых двух пунктах не могут быть тождественно-равными. А если это среда сложная, „материальная“, т.-е. молекулярная, то здесь различия еще несравненно значительнее и многообразнее. — Так или иначе, они всегда имеются.

Какова же дальнейшая судьба наших форм-близнецов? Как все в природе, они будут, очевидно, изменяться. Можно ли ожидать вполне одинако-

¹⁾ Это — пятая статья в ряду „Очерков“.

вых, точно параллельных изменений? Ясно, что нет. Они должны быть различны и в силу первоначальной разности самих комплексов, — потому что неодинаковые формы и в равных условиях неодинаково изменяются, — и в силу разностей среды, воздействиями которой изменения вызываются.

К первоначальным различиям присоединяются несходные изменения. Различия возрастают. А в зависимости от этого, дальнейшие изменения должны оказаться еще более несходными, и нарастание новых различий еще усилится, и т. д. Следовательно, расхождение исходных форм идет „лавинообразно“, в роде того, как растут величины в геометрических прогрессиях, — вообще по типу ряда прогрессивно восходящего.

Пусть дело идет о капле воды, разделенной на две, не точно равные между собою. Тогда, по законам физики, в одинаковой атмосфере та из двух, которая больше будет испаряться, относительно медленнее, та, которая меньше — относительно быстрее. Как это простейшее различие, количественное, так и другие, более сложные, — в данном случае, напр., концентрации растворенных веществ, имеющих даже в самой чистой дистиллированной воде, химические взаимодействия этих веществ, и пр., делают исходными пунктами развития новых, дальнейших различий; а поскольку самое разделение ставит их в неодинаковые условия среды, оно порождает и другой фактор расхождения. — Возникает два вопроса. Первый таков: не было ли подобного же прогресса различий и до разделения капли, — ведь обе ее части, находясь вместе, если мы их отделим одну от другой только мысленно, все же различались между собой в тех же отношениях, и даже среда их была не одинакова, потому что она не одна и та же с разных сторон капли, в разных пунктах. Второй таков: если различия растут в зависимости от двух факторов, то не могут ли оба эти фактора развивать их в противоположных смыслах, так что расхождения не получится, или даже в результате будет нечто обратное?

Первый вопрос решается следующим образом. Капля есть единый комплекс ровно постольку, поскольку все ее части находятся в непрерывной связи и взаимодействии, в постоянной *конъюгации*, в обменном слиянии активностей. Именно постольку же и происходит, очевидно, *выравнивание* развивающихся различий между частями комплекса. Напр., концентрация растворенных веществ изменяется в разных местах капли воды, — но тут же и происходит перемешивание и диффузия, которые стремятся уничтожить эту неоднородность. Между отдельными каплями такой *конъюгации* нет, и различия могут беспрепятственно возрасти, расхождение — усиливаться ¹⁾.

И так как для тектологии полной, абсолютной отдельности не существует, то можно сказать: поскольку отдельность имеется или развивается, постольку проявляется или прогрессирует действие закона расхождения. На второй вопрос следует ответить так: между отдельными комплексами в действительности возможно не только чистое расхождение, но и *схождение*: влияние среды может оказаться противоположным наличному различию комплексов, и увеличить их сходство. Предки дельфина, жившие на суше, отличались по форме тела от тогдашних рыб больше, чем дельфин от нынешних рыб, и т. п. Но каждый такой случай определяется специальными условиями, частично парализующими или маскирующими тенденцию расхождения, которая, однако, всегда продолжает оставаться. Между тем же дельфином и, положим, акулой расхождение не прекращалось и не прекращается в других отношениях, не связанных с механическими свойствами водной среды. Следовательно, здесь не нарушение общего закона, а при-

¹⁾ Разумеется, тут очень большое значение имеет легкость самой *конъюгации*, т. е. подвижность элементов комплекса, его внутренняя пластичность. Напр. в твердом куске железа электрические и магнитные активности *конъюгируют* и выравниваются, весьма быстро, тепловые уже гораздо медленнее, а химические — сравнительно очень медленно, так что одна часть его может совсем проржаветь, тогда как другая часть останется нетронутой. Малая подвижность элементов равносильна их значительной раздельности.

соединение к его тенденции еще других, противодействующих ее видимому проявлению. Закон тяготения, напр., не нарушается тем, что с силою брошенный предмет летит вверх, или что воздушный шар поднимается, а не падает; всякая закономерная тенденция может парализоваться иными, которые так же точно закономерны, и, в свою очередь, подлежат изучению. В бесконечно-сложной конкретности живого опыта даже ни одна тенденция не выступает вполне изолированно, в абсолютно-чистом виде.

Далее, привычные способы мышления порождают еще такой вопрос: можно ли говорить вообще о „расхождении“ комплексов и без того совершенно различных? Могут ли еще возрастать такие, напр., различия, какие имеются, положим, между двумя химическими элементами? И если атомы водорода и кислорода, соединенные в частице воды, будут разлучены силою гальванического тока, поведет ли это к их „расхождению“ по свойствам, к увеличению разницы между ними,—не останется ли она, скорее, тою же разницею двух элементов, какая была до этого?

Но надо иметь в виду, что всякие различия комплексов опыта, относительных и ограничены, так что их возрастание никогда не исключено. Это легко видеть на том же самом примере атомов водорода и кислорода при анализе воды, если рассмотреть ближе их соотношения.

Химическое соединение атомов есть, конечно, ингрессия, и как всякая ингрессия, предполагает наличие связи, т.-е. каких-то общих элементов между этими атомами. Каких именно, это еще не вполне выяснено теорией строения материи; принимается, что дело идет об электрических активностях, выражаемых „силовыми линиями“, связывающими противоположные электроны. Так или иначе, если связка разрывается, это должно означать, что ее составные активности парализованы в каких-либо пунктах другими,—которые были доставлены разлагающим воду током.

Выделенные атомы немедленно затем вновь группируются попарно, но уже водород с водородом, кислород с кислородом, составляя частицы газов, носящих эти названия. Разорванные связи замыкаются так быстро, что промежуточного состояния прямо наблюдать невозможно; оно обнаруживается лишь косвенным путем, в повышенной „силе родства“, т.-е. химической подвижности тел *in statu nascendi* („в момент рождения“). И однако за это неуловимое время происходит значительный процесс расхождения свойств.

Связь атомов водорода и кислорода в частице воды обуславливалась, конечно, определенным их *структурным соответствием*, в чем бы оно ни состояло. Раз исчезает эта связь, следует заключить, что оно исчезло. Изменение подобно тому, как если бы у винта и гайки исчезли совпадающие нарезки, их элементы общности: сравнение грубое, но верно выражающее сущность факта. Общее для водяной молекулы электрическое состояние замещается двумя резко различными для новых молекул водорода и кислорода. Так же и скорость „теплового“ движения: водяная частица обладала одной. общою, следовательно, для тех и других атомов (средняя при 0° С. около 615 метров в секунду); после разрыва для частиц водорода и кислорода скорость различная (при той же температуре первая около 1840 метров, вторая—460 м.). Сумма различий, очевидно, возрасла, и дальнейшее развитие знаний, можно с уверенностью предвидеть, обнаружит здесь же еще иные изменения разлученных атомов, а следовательно, и еще большее расхождение. То же можно сказать и о дальнейшей их судьбе в природе, в различной среде.

В познавательной жизни закон расхождения играет важную, направляющую роль. Он учит за всяким многообразием искать того сравнительного единообразия, из которого оно произошло, от сложного восходить к более простому, более „примитивному“—слово, выражающее и первичность, и несложность одновременно.

Но велико и прямое практическое значение закона. При раз'единении всякого комплекса, материального или не материального, при разрыве вся-

ких связей должно учитываться заранее дальнейшее неизбежное расхождение обособившихся частей. Напр., в политической и культурной жизни нашей полной противоречий эпохи расколы организаций были бы, наверное, менее часты, если бы руководители всегда ясно понимали, что в частичном и временном разединении необходимо скрывается тенденция ко все более глубокому и бесповоротному выделению из общей массы.

II. Дополнительные соотношения.

Полного разрыва связи, абсолютной отдельности комплексов нет и не может быть в нашем опыте, который весь объединяется мировой ингрессией. Но степени отдельности весьма различны. Для решения задачи в одних случаях бывает достаточно принимать во внимание отдельность, в других надо учитывать вместе с тем и связь.

Так, если дело идет о размножении какой-нибудь амёбы или бактерии, то клетки-дочери, которые расходятся в разные стороны, могут рассматриваться в ближайшем исследовании как вполне отдельные организмы. Однако, если вопрос касается судьбы не только той или этой клетки, но всего вида, то надо считаться и с их видовой связью, которая наглядно обнаруживается после ряда поколений в своеобразном браке между клетками — в копуляциях или конъюгациях. — А размножение зародышевой клетки сложного, напр., человеческого организма с самого начала приходится исследовать с обеих точек зрения. Тут клетки-дочери не удаляются одна от другой, а прямо остаются в связи и в общении, хотя и не сливаются воедино. Между ними сохраняется постоянная химическая конъюгация, вначале непосредственно, а потом, когда их станет очень много, то через посредство лимфы и крови — общей внутренней среды организма. Естественно, что и закон расхождения ограничивается в своем действии по отношению к химическому составу клеток и образованных ими тканей: при всем его различии, значительная общность химического строения остается; она-то и является носителем индивидуальности и наследственности.

Когда в решении тектологической задачи данные включают одновременно и отдельность, и связь комплексов, т.е. когда требуется исследовать изменения системы, состоящей из отдельных частей, это можно обозначить, как задачу на системное расхождение („системную дифференциацию“). — Одну ее сторону мы уже рассматривали: принцип относительных сопротивлений, закон наименьших дали нам ответ на вопрос об условиях сохранения или разрушения таких систем. Теперь пойдем дальше, и предполагая, что система не разрушается, последуем, как, в каком направлении она должна изменяться, развиваться под различными воздействиями среды ¹⁾.

О „сохранении“ систем мы уже знаем две важных вещи: во-первых оно никогда не бывает абсолютным, а всегда лишь приблизительным; во-вторых оно есть результат подвижного равновесия системы с ее средой, т.е. образуется двумя потоками активностей — ассимиляцией, поглощением и усвоением активностей извне, и дезассимиляцией, разусвоением активностей, их потерю, переходом во внешнюю среду. А это означает два ряда, непрерывные и параллельные, процессов прогрессивного подбора, положительного и отрицательного. Они могут количественно уравниваться, с колебаниями в ту или другую сторону, но каждый, как мы видели раньше, по самой природе своей выполняет особую тектологическую роль, имеет особое влияние на структуру системы. Оба вместе они регулируют ее развитие.

В каком же направлении они регулируют развитие? Очевидно, в сторону наиболее устойчивых соотношений, ибо менее устойчивые отрицательным подбором должны постепенно отбрасываться, а более устойчивые — положительным закрепляться.

¹⁾ Случаи разрушения придется изучать особо, в общей связи теории системных кризисов.

В то же время это развитие, надо помнить, идет путем расхождения, поскольку части целого обладают отдельностью. Получается, таким образом, *возрастание различий*, ведущее ко все более устойчивым структурным соотношениям. Представим это конкретно.

Вот зародыш какого-нибудь растения. По мере размножения его клеток, они оказываются во все более несходной среде: одни углубляются в почву, другие поднимаются в атмосферу; первоначально одинаковые, они неизбежно изменяются в смысле возрастающего расхождения. Основная его линия определяется тем, что неодинаковы преобладающие материалы для ассимиляции: в почве, главным образом, вода, соли; в атмосфере — углекислота, кислород, лучистая энергия солнца. Те и другие материалы, однако, входят в строение всех клеток, т.е. всеми частями системы ассимилируются и дезассимилируются. В каком же направлении подбор должен регулировать развитие? какие соотношения расходящихся частей будут наиболее устойчивыми? Такие, при которых эти части взаимно *дополняют* друг друга; и это вполне возможно именно благодаря сохранению их связи, которая поддерживается общей внутренней средой, движением и обменом соков растения. Клетки корня усваивают в избытке из своей ближайшей среды одни элементы, клетки листьев и ствола — другие; конъюгационным путем они передают друг другу свои излишки, взаимно поддерживая свою структурную устойчивость. Это — *дополнительные соотношения*. Развиваются такие различия, которые повышают связность и устойчивость системы, ее прочность под внешними воздействиями, словом, — ее организованность.

Взятый пример относится к самой типичной их группе — случаям „разделения функций“ или специализации. В области жизни они бесчисленны и бесконечно разнообразны. Вот еще иллюстрация: первичное, т. наз. „физиологическое“ разделение труда на заре развития человечества — между мужчинами и женщинами в родовой группе. Женский организм по необходимости с самого начала менее подвижен, чем мужской; беременность, кормление, уход за младенцем в значительной мере привязывают женщину к месту, обуславливают для нее жизнь в более ограниченной среде, чем та, в какой движется мужчина. Благодаря этому, в добывании жизненных средств, — а оно и есть общественная форма ассимиляции, — женщинам более доступны растительные объекты — корни, плоды, зерна; мужчины же могут несравненно свободнее охотиться и за животными. В то же время, дольше оставаясь на одном месте, женщины имеют возможность подвергать добытые материалы более полной обработке, облегчающей ассимиляцию при личном потреблении. Соответственно этому, системное расхождение и шло таким образом, что мужская и женская часть общины все более дополняли друг друга в производстве: мужчины, как охотники, добывали животную пищу, кожи, шерсть, а в дальнейшем создали скотоводство; женщины доставляли главную долю растительного материала пищи, и с течением времени положили начало земледелию; кроме того, женщины преимущественно готовили ту и другую пищу к потреблению, делали одежду из кожи и шерсти, и т. п.

Гораздо дальше и глубже разворачиваются дополнительные соотношения в новейшем разделении труда. Система производства здесь организована так, что каждый член общества выполняет лишь неизмеримо малую долю тех преобразований среды, которые необходимы непосредственно для сохранения его личной жизни; все остальное конъюгационно дается ему его социальной средой; но ею же усваивается, как бы разливаясь и распределяясь в ней, почти вся сумма результатов его личного труда: какую долю потребляет, напр., тот или иной рабочий из того, что он сам произвел?

В человеческом организме, представляющем колонию из 50—100 триллионов клеток, даже мысленно почти невозможно выделить долю участия каждой клетки в общей борьбе за жизнь с внешней природой: для каждой клетки в отдельности ассимиляция происходит за счет внутренней конъюгационной среды организма (крови и лимфы), за исключением части, которую

практически следует считать бесконечно малою. Это—результат системного расхождения, началом которого является равномерное деление одной клетки.

В развитии психики подобная же линия выступает не менее ясно. Цепь представлений, чувствований, волевых импульсов, относящихся к враждебным силам среды, и цепь, относящаяся к дружественным ее силам, как бы делят между собою руководство движениями организма: одна „усваивает“ себе из психических реакций то, что не подходит для другой, и обратно; каждая активно выступает в соответственных случаях, дополняя другую в деле поддержания целого, как его особый орган. Каждая из них в свою очередь складывается из более мелких специализированных психических органов—„ассоциаций“, те из еще более мелких, отдельных психических реакций; всюду разделение функций.

Еще отчетливее дополнительные соотношения в таких системах, как любой из современных языков, любая наука, право, мораль,—вообще всякая сложная культурная форма. „Части речи“ функционально дополняют друг друга; так же и разные отделы науки, права и пр.

Вся область жизни на земле может рассматриваться, в ее целом, как одна система расхождения. Она разветвляется на два „царства“—растительное и животное; между ними существуют во многом дополнительные соотношения. В числе их одно из наиболее важных и замечательных, это круговорот углекислоты. В организмах животных она является отбросом, для растительных—одним из главных средств питания; а кислород, выделяемый из нее зелеными, хлорофильными частями растений, для животных служит материалом дыхания,—как, впрочем, и для самих растений; дополнительный характер связи здесь, вообще, не совершенный. Но поскольку он есть, поскольку процессы ассимиляции—дезассимиляции в обоих царствах взаимно противоположны, постольку устойчивость обоих частей системы в огромной мере возрастает ¹⁾.

Но тот же круговорот углекислоты образует основу дополнительного соотношения уже между жизнью в ее целом—„биосферой“—и газовой оболочкой Земли—„атмосферой“. Количество углекислоты удерживается около определенного, постоянного уровня. Если, благодаря развитию животной жизни, а также лесным пожарам, выделению углекислоты в вулканических процессах и из иных источников, получается перепроизводство углекислоты, то немедленно за счет ее усиливается рост растений, и избыток ее поглощается; если, наоборот, растения, чрезмерно размножаясь, более значительно уменьшают содержание углекислоты в воздухе, то животные в свою очередь, пользуясь избытком своей основной пищи—растений, размножаются усиленно, и вместе с тем увеличивают массу выделяемой углекислоты. Так устойчивость состава атмосферы поддерживается биосферой, черпающей из нее материалы для усвоения.

Эта иллюстрация интересна тем, что обнаруживает возможность дополнительных соотношений не только среди форм жизни, где мы их привыкли находить и наблюдать. „Разделение функций“, „разделение труда“, „специализация“—понятия все биологические и социальные; они легко внушают мысль, что самый принцип дополнительных соотношений применим только к „живой“ природе, но не к „мертвой“, неорганической. Но такая мысль очень ошибочна. Тектологические основы дополнительных соотношений—ассимиляция и дезассимиляция, процессы подбора—одинаково свойственны всему „живому“ и „неживому“, так что и эта организационная тенденция должна равно обнаруживаться здесь и там при системном расхождении. Внимательное исследование подтверждает это.

¹⁾ Некоторые одноклеточные водоросли живут в „симбиозе“ с одноклеточными животными; так, зеленая зоохлорелла в теле сувойки; хлорофильные элементы зоохлореллы разлагают углекислоту дыхания сувойки, и выделяют из нее углерод для образования углеводов, нужных зоохлорелле, тогда как освобождающийся кислород вновь служит для дыхания сувойки. Та же форма дополнительной связи, а какая разница масштаба!

Такова, напр., связь той же атмосферы с „гидросферой“—водной частью оболочки Земли. Между ними существует целый ряд конъюгационных связей: круговорот воды—пара, растворение газов воздуха в воде, обмен тепловой, электрический, и пр. Обе стороны и здесь регулируют друг друга, взаимно поддерживая свою устойчивость. Так, атмосфера, путем дождей, снега, инея и т. д., теряет свою, газообразную воду; гидросфера получает ее в виде ручьев, рек, впадающих затем в моря и океаны; но она в свою очередь возвращает ей приблизительно такое же количество воды через испарение. Температурная устойчивость системы поддерживается тем, что непрерывная воздушная оболочка задерживает теплоту гидросферы, как и „литосферы“, твердой части земной коры, доставляемую почти всецело лучами Солнца; а гидросфера, обладающая громадной теплоемкостью, образует как бы резервуар, то поглощающий излишки тепловой энергии, когда нагревание усиливается, то отдающий эти излишки воздуху, а через него и литосфере, когда нагревание уменьшается; таким образом температурные колебания удерживаются в ограниченных пределах около одного основного уровня.

Надо заметить, что теплозадерживающая функция атмосферы, в свою очередь, регулируется обменом воды с океанами и морями, а частью также—углекислоты с биосферой. Дело в том, что главные составные части воздуха—кислород и азот—обладают весьма малой задерживающей способностью, а водяной пар, которого в воздухе сравнительно очень немного, несколько десятых процента, и углекислота, которой еще меньше, превосходят их в этом отношении в 16.000 раз. Таким образом регулирование их количества конъюгационными связями между тремя областями есть основное условие, благодаря которому сохраняется устойчивый, в среднем, температурный их уровень: типичное дополнительное соотношение.

Здесь, таким образом, ясно выступает это соотношение между органическими и неорганическими комплексами, а равно и между одними неорганическими. Оно явилось результатом развития в системе расхождения. Было время, когда атмосфера заключала в себе и всю внешнюю гидросферу, в виде водяного пара: температура земной коры измерялась сотнями градусов, и вода не могла быть капельно-жидкой. С понижением температуры „вода“ и „воздух“ разделились; а затем от них обособилась и „жизнь“; ведь, она по основному составу есть комбинация тех же химических элементов, какие образуют атмосферу и океаны: кислород, водород, азот, углерод, с прибавлением еще некоторых, имеющих, в виде растворенных соединений, также и в морской воде. Сотнями миллионов лет, в ряду бесчисленных процессов подбора, развились дополнительные соотношения между разделившимися, но и сохраняющими связь гигантскими группировками элементов земной оболочки.

Неорганическая природа, которая вообще характеризуется, по сравнению с органическим миром, большею простотой организационных форм, естественно, дает также и наиболее простые образцы дополнительных соотношений. Вот один из них:

Имеется пересыщенный раствор какой-нибудь соли; в нем идет кристаллизация. Это—процесс разрыва прежней связи, процесс разединения двух частей данной системы, и вместе с тем их расхождения. Он приводит к новой связи обеих частей: раствор не пересыщенный, а только насыщенный, и в соприкосновении с ним—наименьшее число кристаллов с наименьшей поверхностью. Когда это состояние достигнуто, то между обоими „фазами“ системы, жидкой и твердой, получается устойчивое обменное соотношение, круговорот растворенного вещества. Кристаллы непрерывно, теряют, „десассимилируют“ частицы, растворяемые, и таким образом „ассимилируемые“ жидкостью; и наоборот, жидкость теряет частицы, осаждающиеся на кристаллах, усвояемые, следовательно, ими; два потока изменений уравниваются, и форма всей системы сохраняется.—Мало того, при известных условиях она восстанавливается после ее нарушения внешними воздействиями. Предположим, напр., что от кристалла механически отбит кусочек. Тогда поверхность об-

менного взаимодействия обеих фаз возрастает, и оно усиливается. Раствор постепенно раздает отбитый кусочек, и взамен того отлагает частицы на кристалле, так что „рана залечивается“. Обе стороны как бы сообща регулируют форму своей поверхности соприкосновения.

Этот пример, по своей простоте, удобен для того, чтобы формулировать самую сущность дополнительного соотношения. Она сводится к *обменной связи*: в ней устойчивость целого, системы, повышается тем, что одна часть усваивает то, что дезассимилируется другою, и обратно. Эту формулировку можно обобщить на все и всякие дополнительные соотношения; только, в одних случаях ее применимость очевидна, в других, более сложных, она раскрывается лишь научным анализом. Так, в жизни общества, в его разделении труда, обмен продуктов есть выражение обмена трудовых активностей. Земледелец тратит, т.е., дезассимилирует свою рабочую энергию на производство хлеба; общество „ассимилирует“ эту самую энергию через потребление хлеба; в то же время другие трудовые элементы общества „дезассимилируют“ другие виды рабочей энергии, производя иные продукты; а земледелец ассимилирует те виды энергии, потребляя их продукты, полученные в обмен на свой хлеб. В организме картина еще сложнее, и еще труднее конкретно выделить то, что та или иная клетка усваивает из целого через механизм его распределения (обращение крови и лимфы, нервные импульсы и пр.), и что она „дезассимилирует“ в его пользу, рядом с теми ее элементами, которые она отдает только для того, чтобы они были удалены, как ненужные уже вообще организму. Но смысл соотношений тот же. — Неорганическая природа представляет массу случаев несравненно более простых обменных связей. Частью они, по видимому, ускользают от внимания именно потому, что слишком просты и привычны, не вызывают интереса к исследованию; частью же вследствие того, что не изучались с нашей точки зрения.

Дополнительные связи, как и все вообще организационные соотношения, никогда не бывают вполне совершенными, обмен активностями не доходит до конца. Так, напр., в разделении труда земледелец частью и сам потребляет свои продукты, а не только отдает их обществу; равным образом и большинство других производителей, в разной степени; кроме того, на ряду с обменными связями обнаруживается часто и борьба, взаимное противоречие частей—тех же членов общества или отдельных тканей, отдельных клеток организма; при этом часть активностей, отдаваемых одними из них другим, служит совсем не для усвоения, а напротив, для ослабления, разрушения этих последних, т.е. производит в них потерю, дезассимиляцию активностей. Но именно в неорганическом мире можно встретить, по видимому, крайнее развитие обменных связей. Это случай так называемой „полярности“, электрической, магнитной, где противоположные потоки активностей особенно точно поддерживают друг друга в определенных равновесиях.

Обыкновенно, такие случаи вовсе не рассматриваются с нашей точки зрения. Напр., связь магнитных полюсов, „северного“ и „южного“, не понимается в том смысле, что один из них „ассимилирует“ активности, „дезассимилируемые“ другим, и обратно. Однако та же идея выражается, лишь скрыто, в обычных формулах, по которым один полюс „поглощает“ силовые линии, „исходящие“ из другого полюса. „Силовые линии“, образующие „силовые потоки“, это, конечно, обозначение каких-то активностей, ближе не определяемых, но обнаруживаемых во вполне ясных действиях; а, следовательно, „исхождение“ по существу своему есть какая-то дезассимиляция, „поглощение“—какая-то ассимиляция. В гальваническом токе это вполне очевидно: положительный полюс усваивает энергию, исходящую из отрицательного, и обратно; они и существуют, пока продолжается эта циркуляция. — Также и атом вещества теперь понимается, как система, состоящая из электрического „положительного ядра“ и отрицательных „электронов“ или „корпускул“, при чем обе стороны находятся в непрерывном взаимодействии; оно почти абсолютно уравнивается в большинстве элементов, в тех, атомы которых „прочны“, и за-

метно неуравновешены в радиоактивных веществах. А „взаимодействие“ вообще нельзя себе представить иначе, как в виде взаимной передачи активностей, затраты с одной стороны, переходящей в усвоение другой, и обратно. Когда же этим путем достигается *устойчивость* системы, ее *сохранение* среди разрушительно направленных влияний среды, то ясно, что это—дополнительное соотношение, подобное обмену трудовой энергии, или химическому обмену сувойки и зоохлоремы, и пр. А если устойчивость достигается при этом такой высокой степени, как в большинстве атомов, с периодом жизни, надо полагать, не менее как в миллионы миллиардов лет, то приходится думать, что это—дополнительные связи наиболее высоко выработанные, что она—результат чрезвычайно долгого системного расхождения при чрезвычайно напряженном подборе.

Итак, во всех областях опыта, на всех ступенях организованности подтверждается одна и та же общая закономерность:

Системное расхождение включает в себе тенденцию развития, направленную к дополнительным связям.

Естественно и понятно, что человечество в своей практике следует этой закономерности, и в том смысле, что независимо от своей воли ей подчиняется, и в том смысле, что само ею пользуется, поскольку ее усваивает, поскольку ею сознательно овладевает. Это, прежде всего, *принцип всей общественной техники.*

Вся система производства, взятая в целом, состоит из *людей и вещей*: работников и средств производства, общественно-трудовых активностей с одной стороны, завоеванных обществом энергий природы в виде орудий, материалов и продуктов—с другой. Соотношение явно то же: совокупность вещей в производстве дополняет сотрудничество людей; за счет вещей, путем усвоения их энергии через потребление продуктов, поддерживаются и воспроизводятся рабочие силы людей; затраты же трудовой энергии людей служат для поддержания и воспроизводства комплекса технических вещей; так взаимно обусловливается устойчивость,—а на ее основе и развитие—обеих частей системы.

Тот же самый принцип господствует и над каждой сколько-нибудь отдельной частью этой системы. Топор, пила функционально дополняют своими активностями, скрытыми в их материальной форме, человеческий орган—руку; и от нее получают, „усваивают“ активности своего действия, применения. В самом топоре или в пиле каждая часть приспособляется к другим так, чтобы они все функционально дополняли друг друга путем взаимной передачи, т.-е. цепной ассимиляции—дезассимиляции активностей¹⁾. Каждое орудие становится тем совершеннее, чем более строго и точно осуществляется это соотношение. Машины же, высший тип орудий, разделением функций своих частей нередко до крайности напоминают живой организм, особенно механизмы автоматические, и тем более—механизмы, пока еще редкие, автоматически регулирующие; такова, напр., подводная самодвижущаяся торпеда, с ее сложным двигателем, ее рулями глубины и направления, и пр. Можно сказать, что машина, продукт наиболее сознательных форм творчества, строится человеком все в большей степени по его образу и подобию,—недаром она во все большем числе случаев заменяет его²⁾ рабочую силу.

Системное расхождение направляется по линии дополнительных связей силою подбора; а „сознание“ представляет аппарат наиболее интенсивного подбора наиболее сложных и разнообразных комбинаций; поэтому понятно, что в его работе это направление выступает особенно отчетливо, во всех его

¹⁾ Так, топорище „усваивает“ энергию движения, которая „затрачивается“ рукой. Движущий толчок дается на одном его конце и переходит до другого конца в виде волны сжатия, так что каждая следующая часть начинает двигаться, по мере усвоения этой энергии, позже предыдущей на некоторый промежуток времени, очень короткий, но теоретически вполне измеримый. Таким же способом часть этой энергии „дезассимилируется“ топорищем и „усваивается“ лезвием.

продуктах обнаруживается особенно ясно. И не только техника, область, где человек при помощи сознания организует вещи, но также другие сферы его деятельности,—где организуются сами люди в сотрудничество, и где организуется опыт в идеи—насквозь проникнуты тою же тенденцией.

Опытный организатор в какой бы то ни было области, устраивает ли он экономическое предприятие, или государственное учреждение, или группу профессиональную, политическую и т. п., всегда старается комбинировать людей так, чтобы они дополняли друг друга в интересах дела; если надо, направляет соответственным образом самую подготовку, обучение каждого из них, т. е. прямо вызывает желательное их расхождение в стороны дополнительных связей; и даже самую ограниченность отдельных лиц стремится использовать так, что она облегчала выполнение их специальной роли, которая и должна быть выбрана в полном соответствии с нею.

Те же соотношения стремится выработать организатор опыта—ученый, философ, художник—в своих понятиях, схемах, образах. Пусть имеется классификация живых организмов, в первую очередь, положим, на „животные“ и „растения“. Она устойчива, т. е., удовлетворительна, только до тех пор, пока всякое живое тело, которое не укладывается в рамки понятия „животное“, находит себе место в рамках понятия „растение“, и наоборот. Когда окажется, что некоторые организмы не укладываются точно ни в то, ни в другое, совмещаая элементы обоих типов, т. е., что дополнительное соотношение двух понятий неполно и неточно, то система должна была измениться. Геккель пробовал выделить третье царство—„протистов“, простейших, куда вошли бы формы, недостаточно определившиеся в ту или другую сторону; другие биологи предпочли пользоваться дополнительным понятием о промежуточных типах, третьи—вместо противопоставления растительных и животных организмов взять за основу растительный и животный тип жизненных отправления, и т. п. И точно так же содержание каждого из этих основных понятий должно распределяться между более частными так, чтобы они всецело дополняли, и только дополняли друг друга,—и т. д.; лишь при этом условии классификация признается вполне строгою и логичною. Всякое отступление от дополнительных связей, всякая неполнота в них признается несовершенством, недочетом системы, влечет изменяющую работу и активный подбор со стороны научного мышления¹⁾. Задача так и ставится: данная система понятий должна охватить все богатство жизненных форм, и каждое из цикла ее понятий должно вполне дополняться совокупностью остальных, и само в такой же мере дополнять их.

Совершенно подобным образом ставится задача для любой научной теории, философской доктрины, для любой правовой, моральной системы. И та же тенденция лежит в основе искусства: художественность произведения требует того, чтобы были строго выдержаны дополнительные соотношения между образующими его комплексами—образами и их сочетаниями.

Там, где в системе принцип дополнительного соотношения не выдерживается, там лежат ее пункты пониженного сопротивления. В частности, область „духовной культуры“, идеология отличается особенной напряженностью отрицательного подбора, потому что это высшая организационная область социальной жизни; здесь такие пункты невыдержанности становятся точками приложения дезорганизующей работы критики; в результате получается либо общее крушение системы, либо частичное разрушение и затем перестройка.

Как видим, закономерность системного расхождения—„дифференциации“—одна и та же во всех областях и на всех ступенях бытия. Чем выше уровень организационных форм, тем с большей отчетливостью и строгостью она обнаруживается.

¹⁾ Оно и отличается от „обыденного“ мышления высшей строгостью, т. е. интенсивностью этого подбора.

III. Противоречия системного расхождения.

Системное расхождение включает в себе и другую тенденцию. Вместе с условием устойчивости — дополнительными связями, оно развивает также определенные условия неустойчивости: порождает „системные противоречия“. Противоречия эти, на известном уровне их развития, способны даже перевешивать значение дополнительных связей. Случаи такого рода бесчисленны в опыте; они — основной материал для поэтической формулы Гёте: „Нелепым разумное стало, И благо во зло обратилось“.

Любой сложный организм, напр., человеческий, путем дифференциации элементов развивается прогрессивно до известного предела, за которым начинается упадок — старость. Этот упадок, в свою очередь, прогрессирует вплоть до его естественного конца — смерти. В чем тут дело?

Системное расхождение означает возрастание организационных различий между частями целого, увеличение тектологической разности. Это и есть основа противоречия.

Сила организма заключается в точной координации его частей, в строгом соответствии раздельных и взаимно связанных функций. Это соответствие сохраняется при постоянно идущем возрастании тектологических разностей, но не безгранично: наступает момент, когда оно уже не может вполне удерживаться, и начинается идти на убыль. Части целого становятся „слишком различны“ в своей организации, — настолько различны, что расходятся и по самому темпу жизни, и по силе их относительного сопротивления среде. А это неизбежно ведет к дезорганизации, более медленной или более быстрой, смотря по сумме условий.

Как влияет расхождение темпа жизни, это легко наглядно пояснить такой аналогией. Пусть часовщик сделал несколько часов, очень точных, и одновременно пустил их в ход; завод же их действует неопределенно долгое время, — или они заводятся по мере надобности, но только не проверяются. По закону расхождения они будут не одинаково отклоняться от истинного времени: одни будут спешить, другие отставать, и притом в разной мере. Чтобы они составляли одно целое, как организм, стрелки их, предположим, связаны нитями. Ясно, что при этих условиях они неизбежно остановят друг друга, рано или поздно¹⁾.

Нетрудно представить, каким образом несоответствие темпа жизненных функций, взаимно необходимых, может и должно шаг за шагом дезорганизовать всю систему. Напр., почки служат для выделения определенных ядов, образующихся при жизнедеятельности разных тканей тела, как продукты их непрерывного частичного распада — дезассимиляции. Достаточно, чтобы деятельность почек оставала от этого процесса, и организм хронически отравляется.

Несоответствие относительных сопротивлений различных элементов тела дезорганизует его еще более непосредственным путем. Элементы менее устойчивые просто вытесняются более устойчивыми: первые отмирают сравнительно быстрее, и если размножаются, то сравнительно медленнее, чем вторые. Так, в нашем организме к старости клетки наиболее специализированные — нервные, железистые и т. п. — вытесняются клетками соединительной ткани, наименее специализированными и наиболее стойкими при вредных воздействиях.

Повидимому, происходит даже прогрессивное истребление клеток высшего типа так называемыми „фагоцитами“, т. е. „поглощающими клетками“ — белыми кровяными шариками и некоторыми другими, обладающими той же спо-

¹⁾ Эта аналогия с одновременно заведенными частями служила старым философам для пояснения предустановленной гармонии между элементами мира — монадами, или между телом и душой. Так как гармонии этой не существует, то сравнение особенно пригодно для того, чтобы пояснить развитие дисгармоний.

способностью элементами. Процесс подбора совершенствует все клетки в их специальной функции. В ряду поколений фагоцитов тоже выживают и преимущественно размножаются те из них, которые наиболее приспособлены к своей роли, т.-е., которые легче побеждают бактерий и всякие другие живые клетки в своей повседневной борьбе. Таким же образом клетки, напр., печени и почек лучше приспособляются к условиям своей деятельности: переносят большее количество ядов, которые выделяют из крови и пр. Но это отнюдь не означает, что увеличивается их сопротивление возросшей боевой силе фагоцитов. А между тем фагоциты вовсе не рассуждают о том, на кого они нападают—на чужих или на своих, и пожирают без различия те элементы, которые не способны оказать им достаточного сопротивления ¹⁾. Уже это одно должно, в конце-концов, неизбежно вести к упадку организма.

Еще нагляднее выступают противоречивые тенденции в социальной жизни—при развитии общественного разделения труда. Оно в огромной степени повышало производительные силы человечества; но также оно вело и к тому, что первоначально целостные общины распадались на индивидуальные хозяйства, связанные лишь рыночным обменом. А в рыночном обмене самое сотрудничество отдельных хозяйств имеет форму *борьбы*, между покупателями и продавцами за цену, между продавцами за сбыт, между покупателями за возможность купить товар. Борьба же означает активности, направленные противоположно и в той или иной мере друг друга уничтожающие, т.-е. наличие дезингрессий; хотя она *результатом* своим может иметь и прогресс, но *сама по себе* она—явление дезорганизационное. Это относится и к рыночной борьбе. Наблюдая процесс торга, особенно в примитивных, азиатских его формах, нельзя не видеть, что он сводится к ряду взаимно-уничтожающихся усилий, которые в совокупности иногда дают небольшую растрату сил, особенно, когда заканчиваются разрывом переговоров, следовательно, полной дезингрессией затраченных активностей. Еще гораздо значительнее те дезингрессии, которые заключаются в усилиях конкурентов подорвать друг друга, и те, которые возникают затем из общего несоответствия между спросом и предложением со стороны разных отраслей, и т. д.

На основе рыночной борьбы из того же разделения функций возникает и борьба классов, с ее огромными, растущими дезингрессиями, и борьба социальных групп, единиц менее крупных, соответствующих специализации внутри классов... Так дезингрессии растут и накопляются, уменьшая живую силу развития. Но до последнего времени она все же их далеко перевешивала.—В этом росте противоречий легко уловить те же два основных момента. Расхождение темпа обособленных функций обнаруживается в том, что отдельные отрасли производства, доставляющие одна для другой орудия и материалы, расширяются не пропорционально: одни отстают, другие перегоняют, так что целому ряду их не хватает то сбыта, то необходимых средств их работы. А затем и производство в целом обгоняет рост потребления в целом, и происходят общие кризисы „перепроизводства“, с огромным разрушением производительных сил, с широко развертывающимися процессами дезорганизации.

Расхождение величины относительных сопротивлений приводит к тому, что из числа частей целого—хозяйств и предприятий—более слабые разрушаются в борьбе, в конкуренции с более сильными; при этом некоторая доля дезорганизованных экономических активностей, т.-е. рабочих сил и средств производства, поглощается, усваивается побеждающими,—это называют „концентрацией“ хозяйств или предприятий,—а остальное бесплодно гибнет, умирая, распадаясь, разными путями рассеиваясь в природе.

¹⁾ Они, собственно, „выбирают“ свои объекты, т.-е. на одни нападают, на другие нет, на основе так назыв. „хемиотропизма“—химического притяжения и отталкивания; напр., одни из бактерий химически их привлекают, другие, напротив, вызывают реакции удаления. Но так как фагоциты *нормально* должны уничтожать поврежденные, разрушенные, или даже ставшие просто ненужными клетки самого организма, то их хемиотропизм и не может *вообще* спасти от них его ткани.

Развитие обоих моментов расхождения все более углубляло и взаимную особенность обширнейших частей системы, и их практические дезингрессии. На известной ступени они неизбежно должны были перевесить силу дополнительных связей между частями, и привести к разрыву этих связей, к общему крушению организационной формы целого. Результатом должно явиться или преобразование структуры, или простой распад. Такое положение и выразилось для системы новейшего, финансового капитализма в гигантском кризисе мировой войны и вышедших из нее революций.

Проследить противоречия системного расхождения всего легче для нас именно на обществе, как такой области опыта, которая всего ближе к наблюдателю, всего доступнее для него. Здесь можно заметить дезорганизационную сторону процесса даже тогда, когда она еще ничтожна по сравнению с положительно-организационною; напр., уже с самого начала разделение труда не могло не уменьшать, хотя бы в слабой степени, взаимного понимания между людьми, на котором основывается точная координация действий. Гораздо труднее констатировать такую же двойственность соотношений, напр., в отдельном организме. Однако, несомненно, что и там еще на первых ступенях разделения функций, задолго до начала упадка, выступают, наряду с обменом активностей, также зародыши борьбы и конкуренции. Они вполне ясно проявляются в различных нарушениях и болезнях, связанных с самым ростом организма. Так, конкуренция тканей из-за питания обнаруживается исхуданием тела в периоды быстрого развития скелета или нервной системы, а также нередко—полового созревания. О прямой борьбе говорят упомянутые нами факты „фагоцитоза“, и т. д. В патологии, учении о болезнях, картины подобных противоречий гораздо более яркие, и встречаются на каждом шагу. Но современная наука принимает, что патология от физиологии, ненормальные процессы жизни от нормальных, отличаются не по существу, а лишь относительно: нарушаются пропорции различных элементов и функций, но не создается ничего существенно нового; некоторые из постоянных тенденций преувеличиваются, другие ослабляются, расстраивается их равновесие, и только. Следовательно, в той борьбе между клетками или тканями организма, которая наблюдается при болезнях, можно с полным основанием видеть ненормальное усиление некоторых моментов или сторон их обычной, физиологической борьбы.

Удобную иллюстрацию системных противоречий развития представляют сложные технические комплексы—машины, научные инструменты. Их совершенствование большей частью имеет вид прогрессивной дифференциации частей, в роде развития организмов. Орудие усложняется для того, чтобы с большей интенсивностью и точностью выполнять свое назначение, и в то же время становится „нежнее“, т. е. доступнее дезорганизующим влияниям. Как-нибудь песчинка или даже, может-быть, пылинка, резкое колебание температуры, влажности, электрического напряжения, нередко способны повести к порче, к негодности такого инструмента: при огромном числе взаимно-дополняющихся частей их относительные сопротивления таким случайным, иногда почти неучитываемым воздействиям должны оказываться весьма неодинаковыми, а судьба целого определяется, конечно, наименьшим из них; между тем подобные воздействия отнюдь не просто „случайны“, они, в общем, необходимый момент *среды*, и случайно только выступление того или иного из них в то или иное время. Затем, конечно, с увеличением числа частей возрастает сумма их „трений“, т. е. внутренних дезингрессий в их движениях. Следовательно, и здесь дифференциация бывает организационно - выгодной только до известного предела, за которым ее противоречия получают перевес. Тогда машина отвергается из-за чрезмерной тонкости и сложности, как было со многими изобретавшимися механизмами для производства и для военного дела, со многими научно-измерительными, самопишущими и саморегулирующимися инструментами.

Примером противоречий системного расхождения в неорганической природе можно взять ту же группу: „атмосфера—гидросфера—литосфера“. Гидросфера „разъедает“ литосферу, извлекая из нее растворимые вещества и разрушая ее кристаллические породы. У атмосферы же она понемногу отнимает, путем растворения, кислород, передавая его затем окисляющимся веществам твердой коры, где он и остается. Твердая кора, в свою очередь, отнимает воду у гидросферы для кристаллизации некоторых своих пород, кислород у воздуха для окисления других, и даже некоторое количество азота в виде аммиачных и селитренных солей, образующихся при содействии определенных микробов биосферы; углекислота известняков, меловых пород, доломитов была также некогда извлечена из атмосферы. Но и воздух, вместе с водой, непрерывно действует разрушительным образом на литосферу путем „выветривания“, размельчающего твердые породы. Так, рядом со взаимно-дополнительными связями частей земной оболочки, выступают, хотя и более слабые в нашу геологическую эпоху, взаимно-дезорганизационные соотношения, зависящие от различия состава и состояния этих частей.

Нынешние теории строения материи, как мы видели, дают основания считать атомы высоко-дифференцированными системами—„полярного“ строения, с положительным электрическим ядром и движущимися в зависимости от него отрицательными электронами. Но вместе с тем эти теории представляют атомы в процессе разрушения, идущего только разным темпом, от неизмеримо для нас медленного, до неизмеримо быстрого; разрушение это предполагает, конечно, как причину, системные противоречия. Если теперь материя разрушается, то когда-нибудь она должна была складываться, организоваться, прогрессивно развиваться. Это развитие, в таком случае, должно было идти путем системного расхождения элементов, образующих атомы, расхождения, которое и привело к их полной полярности. Если так, то вполне естественна мысль, что идущее разрушение атомов есть результат противоречий их крайней системной дифференциации, выработанной мириадами веков.

Так по всем ступеням организующегося бытия проходить своеобразная двойственность системного расхождения: развитие ко все большей устойчивости форм через дополнительные связи, и к их последующему разложению—через накапливающиеся противоречия.

IV. Разрешение системных противоречий (контра-дифференциация).

Из системных противоречий вытекает организационная задача, тем более настоятельная, чем сильнее их развитие, задача их разрешения или устранения. Жизнь ее решает или отрицательным путем,—разрушается самая система, напр., умирает организм, или положительным путем,—преобразованием системы, освобождающим ее от противоречий. Первый случай будет рассматриваться в учении о системных кризисах, ко второму мы перейдем теперь.

Это решение в основе своей очень просто. Если дезорганизующие противоречия возникают из расхождения частей системы, то ослабить или устранить их может то, что уменьшает или уничтожает это расхождение, т. е. очевидно, *конъюгационные* процессы между теми же частями. Так и бывает в действительности.

Вот иллюстрация из области сложных, но близких нам—социальных явлений, задача, решение которой не раз давалось романистами. Муж и жена занимаются, по принципу дополнительной связи, он так наз. „делами“, она домашним хозяйством. На этом они дифференцируются до того, что во многом начинают уже не понимать друг друга. Возникают недоразумения, столкновения в мелочах, споры и ссоры; семья шаг за шагом дезорганизуется. Развязкой может явиться или ее разрушение—разрыв самой дополнительной связи, или переворот в отношениях супругов. Если они поймут действительную причину разлада и, стремясь столкнуться, усилят взаимное общение,

станут знакомиться ближе с делами и интересами друг друга, словом, — разовьют взаимную *конъюнкцию* опыта, то гармония семьи может восстановиться на новых основаниях, более широких и глубоких, чем прежде.

Решение простое, но оно заключает в себе определенную тектологическую трудность. По основному смыслу, оно является *контра-дифференциацией*, т.-е. противоположно тому расхождению, в котором вырабатывались дополнительные связи. Сохранятся ли они в достаточной мере при таких условиях? Если нет, то, поскольку от них зависела устойчивость системы, результат должен получаться отрицательный.

В нашем примере возможен, хотя бы, такой ход вещей. Муж настолько захвачен общественными, партийными делами, что без ущерба для этой своей функции уже не может уделить ни времени, ни энергии на обмен переживаний со своею женой; а то и она, в свою очередь, настолько поглощена детьми, кухней, уборкой, что свободных сил у нее больше не остается, и скольконибудь отвлекаться от всего этого она может только ценой переутомления, накопления мелких неудач и недочетов в хозяйстве, его постепенной дезорганизации. Тогда попытки решения задачи приводят обе стороны к неудовлетворенности собою и друг другом, к развитию новых дезинтессий на месте преодолеваемых старых, и если минус не покрывается плюсом — к окончательному крушению. Такой исход тем более вероятен, чем дальше уже успела зайти дифференциация, чем труднее устанавливается взаимное понимание, т.-е. действительное общение обеих частей системы.

Между тем в других случаях контра-дифференциация ведет не к ослаблению, а к расширению, к совершенствованию тех же специальных функций. И не только тем способом, что, уменьшая дезинтессии, она увеличивает практическую сумму активностей системы, но еще иным путем.

В нашем примере, муж, живя социально-политической жизнью, положим, имеет дело с широкими, неопределенно разветвляющимися для его сознания массами, находящимися в смутном брожении, закономерность которого для него далеко не оформлена; их сила то кристаллизуется в неожиданно-мощный, победоносный порыв, то расплывается и распыляется в какой-то стихийной апатии; временами успех самых смелых планов достигается с поражающей легкостью, временами он не дается самым напряженным, самым упорным усилиям. На почве этой изменчивости и неустойчивости среды у нашего социального политика складываются точка зрения и методы, включающие оттенок утопизма и авантюризма: постановка задач широких и глубоких, но слишком часто без достаточного расчета их выполнимости, смелость и решительность выполнения, но также и своего рода игра на неопределенный риск. Отсюда возникают неизбежно неудачи, порою очень тяжелые, но которые при ином отношении к делу могли бы быть избегнуты. — С другой стороны, жена в своей узкой сфере вынуждена развивать максимальную организаторскую планомерность и практичность: ей приходится все рассчитывать до конца, все предусматривать, согласовать все мелочи своего хозяйства, не имея зато возможности заглядывать дальше: складываются точка зрения и методы ограниченного практицизма.

Что получается тогда при успешной контра-дифференциации? Взаимное проникновение точек зрения, взаимное усвоение методов, развившихся в разной обстановке, на разных функциях. Один приобретает некоторую долю недостающей ему практической трезвости, организационной расчетливости; другая — больше практической широты, организационной смелости. Что первое нужно и полезно при всяких условиях, нечего и доказывать; что второе важно даже в узких рамках семейного хозяйства, это легко иллюстрировать на таких задачах, как руководство воспитанием детей, как помощь им впоследствии родительским опытом в деле заключения браков, и проч. Обе специальные функции тогда выигрывают и как специальные; их „коэффициент полезного действия“ повышается.

Развитие человечества сопровождалось расселением людей по разным территориям и приспособлением к своей специальной среде. Так обособлялись общины одного племени, племена одного народа, народы одной расы, наконец, путем накапливающихся различий, особые расы. Расхождение имело системный характер: тяготение к дополнительным связям ясно проявлялось в том, что разошедшиеся группы и коллективы с течением времени развивали обмен своими особенными продуктами и своим несходным опытом. Системные противоречия обнаруживались в возраставшем культурном отчуждении, взаимном непонимании—тут на первом плане стоит расхождение в области языка,—столкновениях интересов, вражде, войнах племен и народов, в колоссальной растрате энергии, которая отсюда получалась. Ослаблялись и преодолевались эти противоречия также контра-дифференциацией, в виде всякого рода конъюгационных процессов: брачного смешения, взаимного влияния диалектов и языков, заимствования технических приемов, знаний, обычаев, общения литератур, вообще всякого рода культурной взаимной ассимиляции. Чем сильнее она идет, тем более организованным, тем более устойчивым становится сожительство племен и народов и рас на земной поверхности.

Обычный ход вещей таков: по мере углубления дифференциации накапливаются противоречия; рано или поздно это разрешается кризисом. Формы кризиса бывали различны; чаще всего—война, завершающаяся мирным договором или завоеванием; иногда и без нее союзный договор, создание общих органов власти, регулирующих отношения сторон. Решение задачи оказывалось иногда положительным, удачным, иногда отрицательным—исходом в упадок, в разложение связей; то и другое возможно при всякой форме кризиса. Война, напр., много раз приводила к самой тесной конъюгации борющихся сторон, к их равноправному смешению или к поглощению одной из них другою; но случалось, что и мирное государственное или союзное объединение приводило затем к дезорганизации. Так или иначе, но действительное разрешение противоречий и здесь являлось только в результате общения, большего или меньшего взаимопроникновения разошедшихся системных комплексов.

В чем же заключается тот механизм, который при контра-дифференциации способен осуществлять разрешение системных противоречий? Каковы, ближайшим образом, методы, которыми это достигается? Исследование вопроса, очевидно, надо начинать с простейших случаев, а не таких сложных, как предыдущие примеры. Дело идет, ведь, просто о конъюгации между частями системы, которые стали разнородны. Что же способна дать вообще конъюгация между разнородными комплексами?

Простейшая разнородность, это такая, которую можно выразить числами, т. е. количественная. Пусть имеется две капли воды, в которых растворена обыкновенная соль—хлористый натрий; но одна является раствором трехпроцентным, другая—однопроцентным. Сольем обе вместе; они смешаются и раствор будет весь двухпроцентный. Произошло *количественное выравнивание*. Это первое, чего можно ожидать при всяких конъюгациях. Не на нем ли основывается разрешение системных противоречий?

Да, в первую очередь это так и есть; и не мало случаев, где эта сторона дела имеет очень важное значение. Возьмем пару иллюстраций.

Как известно, жизнедеятельность каждой клеточки сопровождается выделением определенных продуктов, которые для нее не нужны, или даже вредны, ядовиты. Но клетке не всегда удается выделить все вещества этого рода, и некоторые могут в ней накапливаться; в малом количестве они ей не вредят, но за известным пределом начинают мешать ее функциям, ослаблять, отравлять ее. Пусть для клеток известного вида один из таких продуктов становится ощутительно-вреден, начиная с количества 5 каких-нибудь единиц. Копулируют, сливаются две клетки этого вида: в одной выделение этого вещества шло хорошо, и его имеется только 1 единица, в другой—плохо, и накопилось целых 5 единиц, подавляющих ее жизнеспособность. После копуляции

и обратного деления на две в каждой оказывается 3 единицы данного вещества, и оно уже не отравляет их.

Более того. Слабость выделения одной клеткой и его повышенная энергия, проявляемая другой, могут также выровняться при этом, так что и в дальнейшем обе клетки будут удерживать его количество на безвредном уровне. И при том, если для данного вещества вторая клетка дала возможность преодолеть жизненное противоречие, то для какого-нибудь другого это, может быть, делает первая, в свою очередь поддерживая общую жизненность.

Первая клетка погибла бы от вещества А, вторая от вещества В; путем контра-дифференциации обе спасаются. Почему? Потому что они решили организационную задачу, которую ставит закон *наименьших*. Судьба их определяется *наименьшими относительными сопротивлениями*, — и наибольшие, которые рядом с этим имеются в других отношениях, помешать этому не могут. Но они взаимно выравнивали свои наименьшие и наибольшие сопротивления, привели их к некоторым „средним“ величинам, которые теперь и стали на место прежних наименьших.

Таково общее элементарное решение задачи преодоления *наименьших*; метод его сводится к тому, чтобы конъюгацией повысить наименьшие за счет наибольших. Он, конечно, и применим постольку, поскольку, во-первых, эта конъюгация возможна, и во-вторых, поскольку она сама не приводит к такой коренной перестройке системы, при которой прежние наименьшие и наибольшие уже не выравниваются, а вообще теряют значение.

Так, предположим, имеется рельс, который в одной части способен, не ломаясь, выдерживать тяжесть в 1500 пудов, а в другой — только в 500 пудов. Чтобы конъюгировать ту и другую часть, их надо еще привести в легко-подвижное, пластичное состояние, какого они при данных условиях не представляют. Это можно сделать, напр., путем переплавки. Тогда можно ожидать средней около 1000 пудов, которая будет, вместе с тем, и наименьшей. Но самая переплавка может, в зависимости от температуры, притока кислорода и пр., значительно изменить структурные свойства стали, и результат получится тогда совершенно иной.

Скорость эскадры, как мы знаем, определяется наименьшей из скоростей ее отдельных единиц. Если возможно буксирными цепями „конъюгировать“ быстроходные корабли с тихоходными, то наименьшая оказалась бы повышена. Нечто подобное представляет „ездящая пехота“, которая позволяет совместить до некоторой степени быстроту удара, свойственную кавалерии, с его силой, характеризующей пехоту.

Половое скрещивание представляет выработанный природою, и широко применяемый также человеком метод контра-дифференциации, выравнивающей особенности индивидуальные, расовые, иногда даже видовые. Так, напр., для транспорта в горных странах требуются животные очень сильные и выносливые, и очень спокойные, с твердой походкой, лишенной нервности. Лошадь сильна, но нервна и сравнительно мало вынослива; осел свободен от нервности и вынослив, но, по малому росту, не так силен. Их ублюдок — мул совмещает все нужные качества. Но, разумеется, далеко не всегда смешение дает такие простые результаты; иногда оно порождает совершенно новые и неожиданные структурные изменения, иногда же его продукты с самого начала оказываются неустойчивы, так что, напр., между видами, как-будто не менее близкими, чем лошадь и осел, скрещивание совсем не удается.

Пусть в тех двух капельках воды, которые служили нам первой иллюстрацией, растворена не одна соль в разных пропорциях, а две различных. Если одна из них, положим, тот же хлористый натрий, а другая хлористый кальций, то дело сведется, как и раньше, к выравниванию растворов на половинной пропорции той и другой соли. Но если одна хлористый кальций, а другая — углекислый натрий (сода), то получится нечто иное. Из воды выделится осадок — углекислая известь, в виде белого порошка, по составу одинакового с мелом; а в растворе останется опять хлористый натрий, и еще оста-

ток той из двух прежних солей, которая была в сравнительном избытке. Почему так произошло?

Современная теоретическая химия принимает, что при встрече двух разных химических соединений их элементы вступают во всевозможные комбинации, но из них удерживаются только те, которые устойчивы; прочие же, неустойчивые, немедленно вновь распадаются. Другими словами, все эти комбинации становятся материалом для подбора, отрицательного и положительного. В данном случае должны были образовываться всяческие сочетания наличных атомов; но одно из них тотчас же, по мере образования, закреплялось подбором, потому что прямо отрывалось от всей системы и уходило из сферы дальнейшего взаимодействия, а значит, и от дальнейших изменений. Это—углекислый кальций, который в воде нерастворим, выпадает из нее в виде твердого осадка. Другие соединения продолжают возникать, распадаться, перегруппировываться в вихре реакции; но как только среди этих перегруппировок вновь получаются частицы углекислого кальция, они так же выпадают, и тем закрепляются, и т. д. Понятно, что дело идет таким образом до тех пор, пока не исчерпается весь материал для этого соединения; а затем продолжается подбор остальных группировок, до устойчивого подвижного равновесия. Оно получается тогда, когда оставшиеся соли и их ионы распределяются в таких пропорциях, что распадение и образование вновь каждой комбинации совершается с одинаковой скоростью, так что и то и другое взаимно покрывается.

Здесь перед нами второй момент контра-дифференциации, момент, который нередко сводит к нулю значение первого—количественного выравнивания. Именно, *конъюгация дает новый материал для перегруппировок и их подбора*, т.-е. вообще для структурного преобразования всей системы.

Если, в приведенном примере, наличности двух простых химических соединений в двух каплях воды было достаточно, чтобы дать начало таким сложным рядам процессов подбора и таким новым структурным соотношениям, то можно себе представить, насколько богатый материал для того и другого дает, напр., половая конъюгация двух живых клеток. Надо полагать, что именно в этом, а не в элементарном выравнивании состоит ее основное организационное значение,—хотя и оно, как было упомянуто, может оказаться полезным для сохранения жизни. Конечно, следует заранее принять, что из этого богатого материала новых комбинаций значительное большинство всегда будут неблагоприятны. Но жизнь не даром воспроизводится размножением в несчетных экземплярах. Пусть только очень немногие сочетания окажутся удачными,—они-то и сохраняются, и будут поддерживаться дальнейшим размножением.

Простейшая форма полового скрещивания, это копуляция и „конъюгация“ одноклеточных организмов—бактерий, амёб, инфузорий и пр. За последнее десятилетие она усиленно изучалась. Опыты Вудрёфа над инфузорией *Paramecium aurelia*, нормально конъюгирующей через несколько десятков поколений, выяснили, что при известных условиях она может обходиться без конъюгации в ряду нескольких тысяч поколений, оставаясь при этом вполне жизнеспособной. Условия эти были таковы: после каждого деления клетки Вудрёф брал одну из двух и переносил в свежий питательный раствор, который часто сменялся, при чем принимались все меры к удалению ядовитых для клетки продуктов ее жизнедеятельности. Ясно, что тут устраивалась идеальная среда, с почти полным устранением не только вредных, но даже и вообще изменяющих влияний. В обычной жизненной обстановке потомство клетки окружено такими влияниями, притом разнообразными для отдельных особей, и неизбежно подвергается, на их основе, системному расхождению, дифференциации. При этом, даже если каждая клеточка приспособляется успешно, ее жизнеспособность все-таки неизбежно будет понижаться хотя бы в смысле *сужения*: приспособленность специально к такой-то среде, к таким-то внешним влияниям, а не иным; а кроме того, конечно, постоянной успеш-

ности в этой жизненной борьбе ожидать нельзя. Именно такая дифференциация и эта ее неблагоприятная сторона делает вообще нужной контра-дифференциацию, как решение задачи. Поскольку в опытах Вудрефа устранена задача, излишним становится ее решение. В действительности, наверное, условия, ее порождающие, и здесь отсутствуют не вполне, а только ослаблены во много раз—в сотни, может-быть, в тысячи раз; и соответственно дольше они должны накапливаться, чтобы возникла жизненная необходимость решения.

Но в чем оно реально заключается? Тщательные наблюдения Дженнингса обнаружили, что после конъюгации средняя смертность той же инфузории *повышалась*, а размножение *замедлялось*. Этот, как будто неожиданный и парадоксальный результат, внушающий с первого взгляда мысль о вреде конъюгации, на самом деле, однако, вполне соответствует тому, чего мы могли бы тектологически ожидать. Она дает богатый материал новых комбинаций для подбора; но, как мы сказали, из этих комбинаций, из возникающих изменений большинство, и значительное, надо заранее принять *неблагоприятными*, потому что процесс идет стихийно, в нем нет никакой плановости. Нет ничего, поэтому, странного, что для отдельных клеток конъюгация чаще вредна, чем полезна, иногда, вероятно, и прямо губельна. Но нелепо допустить, чтобы сложный рефлекс, при помощи которого выполняется конъюгация, существовал и выработался специально для того, чтобы вредить жизни. То, что, в среднем, плохо для отдельных особей, может, в целом, быть полезным для *вида*. И это обнаруживается в других опытах того же Дженнингса. Он воспитывал многочисленные поколения *Paramecium*, так сказать, отдельными линиями, тщательно устраняя возможность смешения различных линий, и подбирая в каждой строго равные особи. Из этих параллельных рядов в одних конъюгация допускалась, в других нет. Те и другие подвергались вредному воздействию, необычной для них, повышенной температуре, 32° C. Оказалось, что из 51 чистой линии *не конъюгировавших* погибло 35, выжило 16, т.-е., 69% против 31%; из 47 линий *конъюгировавших* погибло 11, т.-е., всего 23%, выжило 36, т.-е. 77%. Во втором случае, значит, жизненная устойчивость под разрушительным воздействием оказалась *значительно выше*: процент выживших в 2 1/2 раза больше, погибших в 3 раза меньше.

Сам Дженнингс и делает тот вывод, что в благоприятных условиях жизни конъюгация не нужна, в неблагоприятных же она очень важное и ценное приспособление. Она дает больше простора для изменений жизненной формы и их подбора: конъюгировавшие линии более гибки и обладают для развития более богатым материалом в каждой их особи¹⁾.

Итак, для *особей* конъюгация повышает смертность и замедляет размножение; для *рас* она повышает жизнеспособность в борьбе с разрушительными силами.

Никакая конъюгация—не только эта, биологическая, но и никакая иная, в самом общем, тектологическом смысле слова,—не может совершаться без растраты активностей. Дело идет о *перестройке* системы, среди подбора ее элементов и их связей, группировок,—подбора, в первую очередь, конечно, как и всегда в природе, отрицательного, особенно же, когда перестройка идет, как здесь, по типу кризиса. Для каждого из прежних комплексов их слияние, хотя бы и частичное, означает включение в свой состав ряда новых комбинаций, по происхождению чуждых, не к этому составу и строению приспособленных. Тем напряженнее должна быть работа отрицательного подбора.

¹⁾ Дженнингс полагает, что и замедление в дальнейшем делении клеток тоже выгодно, потому что каждый акт деления временно их ослабляет, а это при неблагоприятных условиях особенно вредно. Тектологически, это замедление, если оно окажется постоянным и обязательным, может быть понято, напр., таким образом. Клетки, выжившие после конъюгации, обладают уже, очевидно, повышенной структурной устойчивостью, а деление клеток есть, во всяком случае, *структурный кризис*; и естественно, что возрастание структурной устойчивости может его отдалить.

Такая работа, с растратой жизненных активностей, неизбежна и при конъюгации клеток. Растрата может быть больше или меньше; выгоды соединения также различны, по степени, а равно и по самому характеру. Общий результат перестройки может быть и плюс и минус, повышение жизнеспособности конъюгант или ее понижение. При огромной физической и химической сложности клетки нет ничего удивительного, что результат чаще отрицательный, и средняя смертность возрастает. Но мы знаем тектологическую роль отрицательного подбора: ценой разрушения, он ведет к большей организационной связности, стройности; и в тех случаях, где его разрушительная функция не заходит дальше известного предела, повышение структурной устойчивости способно перевешивать, иногда очень значительно, понижение устойчивости количественной, т.е. общей суммы активностей системы.

Чем сильнее расхождение конъюгирующих комплексов, тем относительно больше должны быть внутренние противоречия конъюгированного целого, и значит, тем сильнее растрата активностей. Но это одна сторона дела; другая не менее важна. Чем слабее расхождение, тем менее энергична перестройка, и тем меньше она способна дать новых организационных комбинаций, новых приспособлений. Очевидно, должен существовать некоторый „оптимум“, т.е. наилучшее соотношение, в данном случае—наиболее выгодная степень расхождения клеток-особей, при которой получаются самые благоприятные результаты для жизни и развития вида. Так как расхождение в потомстве каждой клетки растет с каждым поколением, то, в обычной обстановке данного вида, через некоторое определенное число поколений должен наступать этот приблизительный оптимум расхождения, взятого опять-таки, разумеется, в среднем, для массы особей. Естественный подбор и должен принаравливать развитие соответственного инстинкта или рефлекса к этому оптимум, вырабатывая определенную периодичность конъюгаций или копуляций. Для иных одноклеточных организмов такой период бывает в несколько десятков, для других—в несколько сотен поколений.

Во всех других случаях контр-дифференциации могут быть прослежены те же черты: роль отрицательного подбора, неблагоприятная для количественной устойчивости форм, но тем более благоприятная для структурной, когда разрушение не заходит далеко; незначительность результатов конъюгации при слишком слабом расхождении; возрастающая вероятность ее неблагоприятного или даже губельного исхода—при слишком сильном. Ограничимся несколькими примерами.

История рассказывает о том, ценою затраты каких усилий, каких иногда потоков крови и какого разрушения продуктов труда покупалось объединение государственных организаций, слияние народов и племен, даже самых близких между собою. При этом с тектологической точки зрения, как уже отмечалось, не существенно различие между „насильственным“ и „мирным“ слиянием; разница в количестве и интенсивности дезингрессий; но они всегда имеются налицо. Даже самая мирная взаимная ассимиляция рядом живущих племен идет через бесчисленные трения и мелкие столкновения, возникающие на основе расходящихся интересов и взаимного непонимания, т.е., в сущности, различной структуры сливающихся социально-культурных комплексов. Чем расхождение больше, тем большей суммы дезингрессий можно ожидать, тем вероятнее „насильственной“ тип контра-дифференциаций, через прямую борьбу.

Подобным же образом, объединение партийных, научных, культурных организаций, хотя и заранее связанных общностью социальной среды, родством социального состава и своих жизненных тенденций, обходится всегда в немалую сумму усилий и сопровождается всегда устранением некоторых элементов. Первое означает затрату активностей на взаимное приспособление сливающихся организаций; второе—прямую потерю через отрицательный подбор комбинаций, не приспособленных к новой структуре. Так, напр., при слиянии политических партий или фракций, во избежание внутренней борьбы, приносятся в жертву некоторые элементы программные и тактические; рав-

ным образом, становясь излишними или неудобными, упраздняются некоторые частные органы, должности, особые центры; выбрасываются, обыкновенно, и некоторые члены организаций, недовольные объединением, или способные служить препятствием к нему. При слишком большом расхождении конъюгирующих комплексов растрата активностей и новые противоречия могут оказаться так велики, что жизнеспособность целого будет ниже, а не выше прежнего; и дело кончится захирением или обратным распадом.

Брак есть частичная психо-физиологическая конъюгация двух особей с образованием более сложного целого—семьи. И здесь растрата сил обеих сторон на взаимное приспособление бывает всегда, только величины ее весьма различны. Обыкновенно она более чем покрывается положительными результатами брака, но иногда достигает такой степени, что целое получается неустойчивое, и конъюгаты вновь расходятся с пониженной жизнеспособностью, или даже искалеченными. Этот случай соответствует чрезмерному их жизненному расхождению. Слишком же слабая дифференциация делает связь, так сказать, „бессодержательною“, бесплодную для развития обеих сторон. Впрочем, благодаря неравномерному развитию разных систем организма, в частности, нервной и половой, брак, бесплодный и бессодержательный для личной жизни супругов, может быть не таким, а более удачным в смысле создания потомства; но равным образом возможно и обратное. Этот двойственный характер брака, включающего конъюгацию двух психических личностей для жизненного сотрудничества, с одной стороны, и двух половых клеток для зарождения новой жизни—с другой, порождает в нынешнем человечестве много противоречий и несоответствий; и будет порождать их до тех пор, пока научная мысль и научная техника не овладеют вполне условиями наилучшего сочетания зародышевых элементов и гармонического развития человеческого существа с самого зарождения.

Надо заметить, что в половом размножении вообще особенно наглядно выступает работа отрицательного подбора. Когда скрещиваются значительно разошедшиеся разновидности одного вида, напр., разнообразные, выработанные искусственным подбором породы домашнего голубя, то получается возвращение к первоначальному, недифференцированному типу,—к типу дикого голубя, от которого эти породы произошли. Отбрасывается, следовательно, целый ряд элементов и группировок, приобретенных в процессе расхождения и закрепленных у каждой породы наследственностью; приобретения одной конъюгаты не подходят к строению другой, и разрушаются в силу этого противоречия, но также и обратно.

Здесь особенно ясна „контра-дифференцирующая“ роль полового размножения. Оно, как видим, не только повышает жизнеспособность, ослабленную расхождением,—но кроме того вообще противодействует безудержному расхождению, и это необходимо, потому что такое расхождение, суживая жизнь каждой формы, рано или поздно приводило бы ее к гибели на основе односторонности развития, приспособления к ограниченным, специальным условиям, и невозможности приспособиться при их изменении. Понятно почему половое размножение особенно нужно высшим организмам, и менее важно для низших: чем сложнее формы, тем легче происходит и тем значительнее развертывается расхождение в потомстве.

Если перейти к высшим областям человеческого творчества, то мы найдем те же соотношения и закономерности. Как создается, напр., простейшее обобщение? Путем конъюгации, обыкновенно, целого ряда родственных между собою представлений. При этом из образующегося целого устраниаются элементы *различия*, т.е. именно расходящиеся, несовместимые между собою.

Марковский принцип научного социализма явился результатом характерной контра-дифференциации. Социально-революционная тенденция в то время была резко дифференцирована в две стороны: идеал „коммунизма“ в головах утопистов, представителей наиболее передовых, горячо сочувствовавших трудовым массам интеллигентов, и рабочее движение, как оно на

деле складывалось и смутно оформлялось в головах трудовых масс идеей общей борьбы за лучшую жизнь. В синтезе Маркса то и другое подверглось очищению от целого ряда прежних элементов. Из идеи рабочего движения были устранены: враждебность машинной технике, профессионально-цеховая узость, представления о грубо-материальном характере его целей, о стихийной непосредственности действия. Идеал коммунизма был освобожден от моральной и филантропической окраски, от связи с верою в возможность осуществления его, убедив высшие классы в его справедливости, от обычных религиозных примесей к нему, и т. д. Целое получилось несравненно более стройное и жизненное.

В мире неорганическом соотношения того же типа. Все конюгации материальных тел, от астрономического „брака миров“, т.-е. столкновения или тесного сближения звезд и туманностей, до простого слияния двух капель жидкости, сопровождаются распадом атомов, в гигантском или ничтожном количестве, растратой энергии, в лучистой форме или через ее энтропическое рассеяние. И всюду, следовательно, перестройка формы идет на основе отрицательного подбора, упрощающего и гармонизирующего путем разрушительных процессов.

Контра-дифференциация бесконечно распространена в природе. Мы видели ее примеры на всех ступенях организованности. Теперь заметим, что к ней, в сущности, должны быть отнесены и все вообще случаи *выравнивания напряжений*: выравнивание температуры между телами через лучистый обмен или теплопроводность, выравнивание механических давлений через волны сжатия и расширения, выравнивание электричества в проводниках через разряд или ток, выравнивание состава жидкостей, газов через диффузию, и т. д. И здесь, как во всякой контра-дифференциации, простое количественное выравнивание — только первый момент; лишь в научном отвлечении дело может сводиться к нему одному; реально же всегда за ним выступает и второй момент — структурные изменения в подборе нового материала комбинаций.

Идея связи всего существующего, „мировой ингрессии“, представляет всю доступную нам вселенную, как бесконечно-развертывающуюся дифференцированную систему, а все процессы выравнивания, идущие в каждом ее пункте — как непрерывную контра-дифференциацию. Эта сторона природы изучена гораздо больше, чем механизм ее первичного расхождения; на ней-то и строятся разные теории о грядущей гибели бытия, путем его расплывания в безразличии, в универсальном выравнивании, тепловом и всяком ином. Но до сих пор наука не знает, как образовались те разности, которые теперь выравниваются, как сформировались те атомы, которые теперь распадаются, в чем основы самой дифференциации мира. Пока это так, всякие построения о предельной контра-дифференциации вполне произвольны.

V. Тектология борьбы со старостью.

Попробуем теперь применить намеченные закономерности к одному частному, но жизненно-интересному вопросу — о методах борьбы со старостью. До сих пор он рассматривался, как вопрос специальных прикладных наук — медицины и гигиены, опирающихся на специальные теоретические, — физиологию с патологией. Но если старость, как указано в предыдущем, есть частный случай общего организационного факта — противоречий системного расхождения, то вопрос может быть поставлен и тектологически; а эта постановка всегда является наиболее широко-обобщающей, т.-е. наиболее пригодной для выяснения *методов* решения задачи.

Старое, специализированное научное мышление подходило к задаче следующим образом. Оно старалось анализировать явления старости, как всякой другой болезни, и затем искало против них соответственные лекарства, и предупреждающую диету. Так, одни видели основу процесса в порче кровообращения — утрате упругости сосудов и обизвествлении их стенок, и против этого направляли гигиенические и лечебные меры; другие, придавая

особенное значение утрате некоторых внутренних выделений, связанных с половой жизнью, пытались заместить их дополнением извне, приемами вытяжек из семенных желез и т. п.; третьи, принимая за исходный пункт хроническое отравление организма ядами кишечника, вырабатывали против него пищевую диету, и т. д. Во всем этом, несомненно, очень много верного, и на этих путях уже сделаны ценные завоевания. Но такие методы все ограничены в одном смысле: они *принципиально-частичны*. Между тем старость, по своей природе, не частичное повреждение организма, и даже не простая сумма частичных повреждений, хотя бы очень многих. Это болезнь, так сказать, тектологическая, охватывающая все строение организма; частичные методы против нее, по медицинскому выражению, только паллиативы, т. е. средства борьбы не с болезнью в целом, не с ее основой, а только с отдельными „симптомами“, частными проявлениями. И сами творцы указанных методов, вообще, признают это, считая, что они борются скорее против „преждевременной“ старости за „нормальную“, „естественную“; а таковой, по их мнению, является самая поздняя старость, какая возможна при наилучшей жизненной обстановке. И эта старость понимается уже, как нечто непреложное; для нее, сознательно или бессознательно, скрыто или явно, принимается, в сущности, метафизическое основание, какое-то „исчерпывание“ жизнеспособности элементов организма,—как будто она есть какая-то особая, в определенном количестве вложенная в него сила, а не постоянно изменяющееся отношение между его активностями и активностями его разрушающими.

С тектологической точки зрения, возможна и иная, *принципиально-общая* постановка задачи, какая именно, это должно быть уже ясно из предыдущего. Дело идет о *разрешении противоречий системного расхождения*. Метод — не частичный только, а целостный—тоже нам известен: *контра-дифференциация*. Вопрос же заключается в том, как его возможно было бы применить.

Если при исследовании вопроса мы будем иметь в виду только отдельный организм, то немедленно обнаруживаются трудности, повидимому, непреодолимые. Во-первых, конъюгация вообще дает положительные результаты только до известной ступени расхождения; когда оно зашло дальше этой ступени, слияние оказывается слишком дисгармонично, сопровождается слишком большой растратой активностей; а еще дальше—дело сводится к неизбежному неуспеху, к полному крушению, к разрушению. В организме человека степень дифференциации клеток разных тканей несравнимо больше, чем то расхождение, какое существует между способными к конъюгации клетками одного вида, хотя бы и сравнительно высоко развитого, как, положим, инфузории *Paramecium*. Для биолога ясно, что, напр., конъюгация нервной клетки с поперечно-полосатым волокном мышцы была бы жизненной нелепостью. При том же всякая подобная контра-дифференциация неминуемо расстраивала бы в корне сложные дополнительные соотношения—основу жизненной устойчивости организма; а задачи этого типа вообще разрешимы лишь постольку, поскольку после конъюгации сохраняются необходимые дополнительные связи.

Во-вторых, и чисто технически прямая конъюгация разнородных тканей организма невыполнима без их разрушения, потому что все их функции устойчиво связаны с их положением в организме, а оно, в свою очередь, закреплено скелетной системой (кости, хрящи, соединительная ткань).

Если так, то на каком пути искать решения? На том, на котором его ищет и находит наша великая наставница в тектологии—Природа. Она, когда ей приходится решать задачи подобного типа, расширяет круг данных: не ограничивается одной особью, а берет две, или даже больше. Копуляция и конъюгация одноклеточных организмов, слияние половых клеток у высших являются именно способами борьбы против отрицательной стороны системного расхождения. Индивидуальное сужение жизнеспособности, индивидуальный ее упадок преодолеваются объединенными силами особей; и достигается даже то, что не без основания некоторые биологи называли „бессмертием протоплазмы“.

Кон'югация между человеческими существами известна нам до сих пор в двух формах. Во-первых, половая, как и у других организмов; она, очевидно, весьма частичная. Впрочем, и она на деле не сводится *только* к слиянию двух клеток из какой-нибудь сотни тысяч миллиардов, образующей родительские организмы; это видно из фактов "отраженной наследственности", когда женщина, имевшая детей от первого мужа, продолжает приносить похожих на него детей уже в другом супружестве¹⁾. Во-вторых, общение опыта, кон'югация переживаний, путем речи, мимики, искусства и других способов выражения и восприятия, выработавшихся в ряду функций нервно-мускульного аппарата. Эта кон'югация отнюдь не является только "психической", что показывают ее результаты при повторном и длительном общении, какое бывает, напр., между супругами. Благодаря зависимости всех органов и тканей от нервно-мозговой деятельности, за 15—20 лет совместной жизни приобретаетась и вешнее физическое сходство между супругами, которое бывает в среднем не меньше, а иногда больше обычного сходства между братьями и сестрами.

Медицина уже успела присоединить к этим двум третью форму, пока еще *односторонней и весьма частичной, но все-таки прямой физиологической* кон'югации; это различные *прививки* органов и тканей: прививка кожи при больших ожогах, переливание крови, вливание кровяных сывороток, и т. под. Опыты Алексиса Карреля над животными с прививкой иногда целых сложнейших органов, напр., почки, от одной особи к другой, раскрывают самые широкие перспективы в этом направлении.

Практически такие прививки представляют решение знакомого нам типа задач—"на определенные сопротивления". В известной части организма или известной его функции недостаточны его относительные активности-сопротивления; их приходится, так сказать, добавлять извне: при большой потере крови можно, во избежание гибели организма, пополнить кровью другого человека; при опасности со стороны внедрившихся дифтерийных микробов и их ядов—впрыснуть парализующую их сыворотку от "иммунизированного" животного, и т. д. Из этой постановки задачи вытекает и *односторонность* кон'югационного акта: переливание крови от одного человека к другому, но не обмен ею, не общее ее смешение,—и его *частичность*.

Иной характер имеет контра-дифференциация. Она может рассматриваться, как решение задачи общей, задачи "на неопределенно-изменяемые сопротивления". И, конечно, именно к этому типу принадлежит задача борьбы со старостью. Само собою намечается решение на манер кон'югационного обновления живых клеток. Но эти клетки, с их коллоидным, полужидким строением, легко могут физически смешиваться, целиком или обмениваясь некоторой частью своей живой ткани. Два человеческих организма, с их наружным скелетом—кожей, и внутренним—костями, хрящами и т. д., так просто смешиваться не способны. Что же здесь возможно? При современной научной технике, вполне возможна прямая, непосредственная кон'югация тех тканей различных организмов, которые имеют жидкую форму,—т.е. крови и лимфы. Это те ткани, которые составляют внутреннюю кон'югационную среду организма, которые поддерживают его химическое единство, путем непрерывного обмена со всеми прочими тканями. Технически дело должно сводиться к несколько усложненной операции переливания крови,—к одновременному, обменному переливанию от индивидуума А к индивидууму В, и от В к А, при чем ни тот ни другой не несет количественных потерь.

Что может дать такая операция? Разумеется, было бы наивно предполагать,—как думали в старые времена некоторые алхимики,—что молодая кровь просто, так сказать, механически способна омолодить старый организм заключающимся в ней избытком "жизненной силы", а старая столь же простым путем состарить молодой. Но не менее ошибочно было бы видеть в ней просто питательную жидкость. Она—живая ткань, очень сложная и имеющая

¹⁾ Об этой форме наследственности будет речь дальше.

огромное организационное значение. В ней живут лейкоциты, ведущие свою борьбу против внутренних врагов—микробов; в ее сыворотке вырабатываются антитоксины—„противоядия“—к микробным и иным ядам; в ней циркулируют „гормоны“, внутренние выделения целого ряда специальных желез, регулирующие во многих отношениях жизнь организма. Являясь внутренней средой организма, средой для всех его органов и тканей, кровь „соотносительна“ с ними, как всякая среда, носит на себе их структурный отпечаток, как их жизненное дополнение. Поэтому она, как показывают точные исследования, по своему составу *индивидуальна*, т. е. не одинакова в разных организмах. Она не может не влиять на все органы и ткани, как все они на нее влияют. При ее передаче от организма к организму, с ней неизбежно передаются, в той или иной мере, напр., „иммунитеты“—способность противостоять разным заражениям; передаются лейкоциты, с той или иной степенью боеспособности; передаются гормоны, с их регулирующими тенденциями, и т. д.

Наиболее вероятный вывод таков. Конъюгация жидких тканей организмов должна иметь не частичное, а *общее* влияние на их жизнедеятельность. Есть все основания полагать, что молодая кровь, с ее материалами, взятыми из молодых тканей, способна помочь стареющему организму в его борьбе по тем линиям, по которым он уже терпит поражения, т. е., по которым он именно „стареется“; в какой мере помочь, это, конечно, может выяснить только опыт.

Но нет ли оснований предполагать, что зато старая кровь должна „старить“ молодой организм? Это весьма мало вероятно. Сила молодости заключается, ведь, в ее огромной способности ассимиляции, переработки всякого материала. Она, как известно, легко справляется даже с прямой потерей довольно большого количества крови, быстро ее восстанавливая. Следует ожидать, что она будет справляться и с материалом ослабленной, ухудшенной крови, кроме, разве, случаев заражения; при том и в более старой или, вообще, худшей крови должны находиться, все же, и такие элементы для развития, которых в этой лучшей не было.—Впрочем, нет никакого основания ограничивать подобную конъюгацию именно сочетанием старого и молодого, или сильного и слабого: расширение жизни здесь зависит вообще от *выхода за пределы индивидуальности*, от прибавления индивидуального к индивидуальному для жизненного согласования.

Сами собой намечаются некоторые важные частности. Пусть, напр., в одном организме в силу индивидуальных условий его зарождения и развития, накапливаются преимущественно одни токсины, которых не может полностью удалять из его тканей или парализовать его кровь, в другом же—другие. Тогда обмен крови должен приводить к глубокому очищению и освежению организма, к освобождению организма от специфически вредных для него внутренних ядов.

Далее, передача иммунитетов против разных болезней. При обмене крови она возможна в самых широких размерах потому, что количество переливаемой с обеих сторон крови может быть очень велико, составляя довольно значительную часть общего его количества. Кроме того, следует ожидать передачи не только тех иммунитетов, которые приобретаются перенесением болезни или прививкой токсинов, но также иных, передачи которых до сих пор достигать не умели,—иммунитетов, зависящих от возраста (у взрослых против некоторых детских болезней, и обратно), от наследственности, и т. п.

Но, быть-может, главным приобретением окажется положительное увеличение суммы элементов развития. Мы, правда, еще точно не знаем, в какой именно мере кровь и лимфа служат носителями органических свойств, воплощенных в остальных органах и тканях. Но с организационной точки зрения немислимо, чтобы при непрерывном и тесном общении с ними эти жидкие ткани не отражали на себе их строения и состава. Есть и прямое указание на это: если

существует наследственность приобретенных свойств,—а ее признавать в известной мере, повидимому, приходится современной науке,—то через какую же иную среду, если не через кровь и лимфу, могли бы передаваться зародышевым клеткам из других частей тела необходимые, так сказать, «отпечатки» происшедших там изменений¹⁾.

Разумеется, на указанном пути есть много трудностей, и даже опасностей: мы знаем по другим формам конъюгации, что сочетание индивидуальных комплексов далеко не всегда бывает благоприятным, не говоря уже о возможности передачи болезней, и т. под. Но, очевидно, что из этого вытекает только необходимость планомерного исследования и осторожной постановки опытов, начиная с животных. Кстати сказать, над животными такие опыты технически уже выполнялись, но—совершенно с другими целями. Для выяснения того, как действуют на организм внутренние яды, продукты переутомления и т. под., устраивалось перекрестное кровообращение,—искусственно соединялись сонные артерии двух собак таким образом, чтобы кровь одной питала мозг другой, и обратно. И те, кто делали этот опыт, даже не замечали, повидимому, того, что вместе с тем они делают в огромном масштабе прививку живой ткани: почти половину крови животного (при достаточной продолжительности опыта) заменяют чужой кровью.

Главная причина, по которой исследование до сих пор не вступило на путь, раскрывающий перед ним огромное поле работы и перспективы невиданных побед, это индивидуализм современного научного мышления, для которого идея глубокого физиологического обмена жизни личностей должна представляться не только чуждой, но прямо отталкивающей. Конечно, развитие преодолеет это препятствие²⁾.

VI. Схождение форм.

Схождение форм имеет иной организационный смысл, чем контра-дифференциация—иное и происхождение. То и другое всего легче иллюстрируется на техническом процессе отливки. Всякое данное количество металла, и даже разных металлов или других веществ, обладающих определенной плавкостью, пройдя через одну и ту же отливочную полость, приобретает одинаковую поверхность, охватывающую одинаковый объем,—весьма полное геометрическое схождение. Оно получится и в том случае, если будет применена не одна и та же отливочная форма, а несколько одинаковых. Очевидно, основа таких фактов заключается во влиянии на различные комплексы со стороны тождественной или сходной среды, определенным образом их изменяющей.

Механизм по существу не сложен. Частицы расплавленного вещества движутся по всевозможным направлениям, распространяются во все стороны. Эти движения ведут к заполнению всей полости; но на ее границах они останавливаются. Там выступает противодействующее им сцепление твердых частиц, ничтожная доля которого достаточна, чтобы образовать полную дезингрессию с поступательными активностями жидких частиц. А полная дезингрессия означает и отрицательный подбор, и на его основе—тектологическую границу. Последующим застыванием жидкости, лишаящим ее подвижности частиц, эта граница закрепляется, чем, собственно, и достигается техническая цель отливки. Повторение операции с новыми количествами расплавленного вещества дает новые экземпляры, подобные первому.

Обобщить это можно следующим образом: *схождение есть результат сходно направленного подбора со стороны сходной среды*. Разница с контра-дифференциацией вполне ясна: там расхождение, или его отрицательные последствия, парализуются прямой конъюгацией самих разошедшихся форм; здесь такой кон-

¹⁾ Не случайное, конечно, совпадение и тот факт, что безопасное, не ведущее к разрушению кровяных телец передвигание крови возможно, вообще, в тех же рамках, как и успешное половое скрещивание, т.-е., между животными одного вида.

²⁾ Некоторые технические подробности и теоретические соображения к тому же вопросу см. „Тектология“, ч. I, стр. 142—148.

югации нет, сходство комплексов определяется не их собственным общением, а их отношениями к среде.

Роль „отливочной формы“, конечно, в разных смыслах и в разной мере, может играть всякая определенная среда. Так, млекопитающее, перешедшее с суши в воду, как дельфин или кит, приобретает много черт, общих с телом рыб; это результат влияния водной среды. Она представляет, напр., большие механические сопротивления; в зависимости от них, подбор вырабатывает внешнюю форму тела данных животных как бы по модели тела рыб, выработанный раньше подбором в условиях той же среды. У высших позвоночных, как человек, и у высших моллюсков, как спрут, устройство глаз представляет огромное сходство, несмотря на полную самостоятельность развития этого органа в обеих ветвях животного царства. Здесь сходжение определялось общей „оптической“ средой: приспособление к эфирным волнам в известных границах длины. У некоторых видов муравьев наблюдается техника скотоводства, и даже земледелия, вполне аналогичная человеческой: те и другие приспособлялись, хотя и в разном масштабе, к животной и растительной среде, как основному материалу жизненной эксплуатации.

Биологические науки на каждом шагу имеют дело с фактами сходжения. Там они получили общее обозначение „аналогий“, и противопоставляются явлениям „гомологий“. Напр., „гомологичными“ сравнительная анатомия признает руку человека, переднюю ногу лошади, крыло птицы, передние плавники рыбы. Это—органы однородные по происхождению, развившиеся из общего начала; но они утратили большую часть сходства, благодаря различному жизненному применению, различному, следовательно, линиям приспособления к среде; гомология, следовательно, выражает *расхождение* форм. Аналогичны, напротив, органы разнородные по происхождению, но ставшие подобными благодаря сходным функциям; напр., тот же глаз человека и глаз осьминога, с их параллельными частями, с их чувствительными слоями сетчатки, расположенными в обратной последовательности; или кости скелета позвоночных и „кость“ каракатицы; или крыло птицы, с его скелетной основой, и крыло бабочки, происшедшее из складки хитинового покрова. Водоросль *Caulerpa* представляет гигантскую (размерами до нескольких дюймов) клетку; в ней можно различить вполне ясные корень, стебель и листья; но эти органы, конечно, только аналогичны состоящим из бесчисленных клеток корням, стеблям и листьям высших растений. Можно также сказать, что разведение тлей у муравьев-скотоводов и культура грибов у их американских родичей-земледельцев только аналогичны, но не гомологичны скотоводству и земледелию людей. „Родство функций“, которым объясняются все аналогии в этом смысле, есть именно сходное отношение к среде; и тот же механизм подбора, который по линии расхождения форм делает неузнаваемым их первоначальное родство, может создавать поразжающую иллюзию такого родства по линиям сходжения.

В мире неорганическом сходжение форм распространено не в меньшей степени. Так, все нынешние космогонические теории признают возможность вполне независимого образования сходных мировых форм, именно—как форм равновесия в космической среде. Сатурн с его кольцами находит полную внешнюю аналогию в некоторых планетарных туманностях; а физический опыт Плато воспроизводит ту же архитектуру на вращении масляного шара в уравновешивающей его смеси жидкостей. Звездное скопление Млечного Пути, к которому принадлежит и Солнце, сходно по фигуре не только с другими звездными скоплениями, но и с некоторыми настоящими туманностями. Атмосфера Марса и его полярные снега, по имеющимся данным, качественно подобны атмосфере Земли с ее осадками. Задержанное движение твердого тела в воздухе производит звуковые волны, задержанное движение электрона в эфире—электромагнитные колебания, световые или одного с ними типа; те и другие вибрации представляют огромные сходства с точки зрения математического анализа. Строение атома, по современным взглядам, аналогично строению планетных систем, в частности, повидимому, того

же Сатурна с его кольцами. Таких примеров можно было бы приводить без конца.

В каких же, вообще говоря, условиях возможны сходные отношения к среде и ведущее к схождению действие подбора? Конечно, и для этого необходима некоторая, заранее наличная, *организационная однородность* комплексов: чем различнее самая их организация, тем менее вероятно одинаковое отношение к среде. Люди и муравьи могли „сойтись“ в выработке приспособлений для добывания пищи, потому что те и другие—животные коллективно-трудовые; еще сильнее схождение муравьев и термитов во вполне независимо создавшейся у них архитектуре жилищ,—потому что они не только однородны по социальности своего типа жизни, но и близко родственны по строению организмов. На Марсе и на Земле могла образоваться, после их охлаждения из огненно-жидкого состояния, атмосфера, сходная во многих отношениях, только потому, что обе эти планеты сформировались из однородного материала, как дети одной туманности.

Правда, эта структурная однородность в иных случаях представляется очень отдаленною: примеры с вибрациями, порожденными в воздухе телом молекулярного состава, в эфире—электроном, или с кольцами Сатурна, кольцами туманностей в межзвездной среде, и масляным кольцом в жидкой среде опыта Плато. Но схождение и простирается в подобных случаях лишь на самую общую, так сказать, принципиально-архитектурную форму, выражаемую алгебраической или геометрической схемой; а соответственная степень общес-структурного родства может существовать и между самыми отдаленными в других отношениях системами: на этом, ведь, основана самая возможность универсально-тектологического обобщения.

Такое обще-тектологическое схождение можно назвать „формальным“, в отличие от более глубокого—обозначим его, как „действительное“—выступающего в первых наших примерах, где дело идет о системах общего происхождения, разошедшихся в ходе развития: таких, как рыбы и водные млекопитающие, или Земля и Марс.

Действительное схождение находится в более близкой связи с контра-дифференциацией, чем это представляется с первого взгляда. Рассмотрим эту связь на такой иллюстрации. В одну и ту же школу собираются дети разных общественных классов и групп, разного воспитания, способностей, характера, темперамента. Выходят они из школы с некоторой суммой уже общих для всех них знаний, прижитых убеждений, навыков умственных, волевых и физических. Если мы будем сравнивать два выпуска, разделенные целым курсом школы, прямо не соприкасавшиеся, то общность, созданная между ними школою, представится, как типичное „схождение“: оно—результат воздействия одинаковой среды, которую образует педагогическое учреждение с его обстановкой, учителями, программами, учебниками, обычаями, и проч. Если же мы возьмем учеников одного курса, то общности между ними будет больше, но ее происхождение будет уже двояким: для одной ее части—такое же, как и в предыдущем случае, для другой—на основе их прямого взаимного общения; т.-е., схождение плюс контра-дифференциация. Однако, мы могли так разграничить лишь потому, что мысленно вполне отделили учеников от школы, и противопоставили им ее, как „среду“, как нечто внешнее. Но сразу же ясно, до какой степени это разделение условно. С полным основанием можно рассматривать педагогический процесс, как живое общение воспитателей и всего учреждения с попадающей в него молодежью, т.-е., как процесс конъюгационный. Что одна сторона при этом имеет на другую большее влияние, чем обратно, это, конечно, ничего не меняет, потому что конъюгация вовсе не характеризуются непременно равномерностью взаимных изменений обеих сторон; на деле такой равномерности даже никогда не бывает. Очевидно, что в такой постановке вопроса уже все „схождение“ сведется к прямой конъюгации разнородных комплексов, т.-е., к той же контра-дифференциации. А если затем применить эту точку зрения к воспитанникам разных школьных

циклов, то окажется следующее: сменявшиеся поколения воспитанников, хотя бы и не соприкасались прямо, прошли через конъюгационное общение с одной и той же организацией—данном учреждением; именно отсюда приобретенная ими общность знаний, навыков, и т. д.; другими словами, и она обусловлена контра-дифференциацией, но только косвенной.

Это относится и ко всякому вообще „действительному“ схождению. Так, процесс отливки есть конъюгация расплавленной массы с отливочной формой, их „контра-дифференциация“. Правда, с химической стороны общение очень слабое, быстро образуется дезингрессия и граница; однако, некоторое, минимальное химическое смешение и взаимодействие все-таки есть; и кроме того, надо помнить, что конъюгация не перестает быть таковою, когда приводит не к положительному результату, а к отрицательному, не к ингрессии, а к дезингрессии. Со стороны же тепловых, электрических активностей конъюгация весьма полная, и контра-дифференциация, даже в смысле выравнивания этих активностей между двумя сторонами, выступает достаточно резко. По отношению к пространственной форме взаимное влияние обоих комплексов весьма неравномерно; но все же и тут оно взаимно, что становится весьма заметно на порче отливочной формы после ряда повторений отливки; неравномерность же влияния, как было сказано, существа дела не меняет. И все последовательные количества металла, прошедшие через ту же отливочную полость, „контра-дифференцированные“ с нею, тем самым косвенно „контра-дифференцированы“ между собою.

Равным образом воздействие водной среды на рыбу и дельфина, придавшее аналогичные формы их телу, может рассматриваться, как огромный ряд конъюгационных процессов этих жизненных форм с однородными комплексами активностей-сопротивлений воды: тектологически, тут жидкость играет роль „отливочной формы“ для движущихся в ней живых тел.

Интересную иллюстрацию принципа отливочной формы дает природа в так называемых „псевдоморфозах“ кристаллов. Среди нерастворимых осадочных минеральных пород имеется какой-нибудь включенный кристалл более растворимого вещества. Циркулирующая там вода мало-по-малу разъедает его и, унося его вещество, отлагает взамен какое-нибудь другое, бывшее в ней растворенным. После полной замены, это последнее оказывается как бы отлившимся по форме первого кристалла, образуя „псевдокристалл“ совершенно чуждого ему вида.

В технике широко применяется прием „обратной отливочной формы“. Обычно, сама отливочная форма готовится по модели того, что должно отливаться, путем ее облещивания пластическим, твердеющим, тугоплавким веществом: та же отливка в другой практической разновидности и в другом направлении. И любопытно, до какой степени далекие по внешнему характеру процессы укладываются в схему этого приема. Стоит только указать из области научной техники,—фотографию и фонограф. Фонографическая запись звуков представляет след звуковых дрожаний иглы в пластичной массе вращающегося валика: это—слепок различных последовательных положений иглы, соответствующий „форме“, сделанной по модели. Когда затем игла вновь проходит по этому следу, она должна вновь занимать прежние положения, т.-е., воспроизводить прежние дрожания, а это означает—записанные звуки; здесь, таким образом, запись играет роль отливочной формы для движений иглы. Принцип фотографии тот же, только вместо звуковых вибраций там иные, световые, или, точнее, электро-магнитные, а роль пластического материала для слепка выполняет светочувствительное вещество пластинки, разлагаемое энергией этих колебаний.

Человеческая речь и ее понимание построены по типу обратной отливочной формы, так сказать, в текущем состоянии. Звуки слов представляют, если сравнивать с фонографом, как бы врезанный в воздух след нервномозговых вибраций одного человека; этот след немедленно выполняет обратнотформирующую роль для подобных же вибраций в другом организме.—Ту

же схему, через все усложнения, можно разглядеть и во всякой иной символической форме — письма, искусства, науки...

Для обратной отливочной формы в природе иллюстрацией может служить упомянутый нами псевдоморфизм кристаллов. Тут схема усложнена той своеобразной чертой, что удаление формовочной модели идет весьма постепенно, а в то же самое время происходит ее замещение материалом новой отливки. — Иллюстрация еще более интересная, это „отраженная наследственность“, когда дети от второго супруга бывают похожи на первого. Каков бы ни был ее механизм во всей своей конкретной сложности, но его тектологическая схема, почти несомненно, все та же. Воспроизводительный аппарат молодой матери оказался достаточно пластичным, чтобы дети от первого отца оставили в нем какой-то отпечаток, след некоторых особенностей своего строения. По этому отпечатку затем до известной степени формируются и новые дети, уже от другого отца. Тут, может быть, имеется даже своего рода „затверждение“ первоначально мягкой формы: как известно, с годами организм становится менее пластичным.

На ряде примеров мы показали, что всякое „действительное“ сходжение есть лишь косвенная контра-дифференциация. К „формальному“ сходжению это, как будто, неприменимо. Там и среда, определяющая формирование, может быть совсем разной, — напр., межзвездная среда с одной стороны, и смесь жидкостей у Платона — с другой; и сами формируемые ею комплексы совсем разного происхождения. Однако налицо имеется сходное отношение комплексов к их среде. А самая возможность такого сходного отношения означает тектологическое единство форм, как и их среды.

Но откуда само тектологическое единство? Чем дальше развивается наука, тем больше выясняется, что и оно есть не что иное, как результат генетического единства, что в нем выражается связь происхождения, лишь более отдаленная. Она разворачивается на весь мир доступного нам опыта; а тем самым и формальное сходжение сводится лишь к более косвенному действительному сходжению.

VII. Вопрос о жизненной ассимиляции.

Не случайно почти все те примеры, на которых мы в самом начале работы иллюстрировали возможность всеобщих организационных форм и законов, а, следовательно, и тектологии, как науки, относились к области фактов сходжения. Всякий комплекс заключен в своей среде одновременно и как отливочный материал и как формовочная модель, определяясь этой средой в первом смысле и частично определяя ее во втором. И всякая повторяемость форм, а, следовательно, всякая наблюдаемая закономерность основывается, в конечном счете, на каком-нибудь сходжении.

Поэтому его схема должна в первую очередь руководить нами, когда требуется объяснять непонятную еще повторяемость фактов, загадочную закономерность. В ряду таковых, одна из самых близких к нам, самых интересных — *жизненная ассимиляция*.

Живой организм характеризуют, как машину, которая не только сама себя регулирует, но и сама себя ремонтирует. По мере того как элементы тканей организма изнашиваются, он заменяет их материалом, взятым из окружающей среды и „ассимилированным“, т. е., приведенным к химическому составу этих самых тканей. „Мертвую“, взятую извне материю протоплазма превращает в свою живую материю, не какую-нибудь вообще, а вполне определенную, химически тождественную с молекулами этой именно протоплазмы. Между тем, из сотен тысяч видов растений и животных каждый отличается своим особым химизмом, иным составом белков, чем все прочие, — и в процессе своей ассимиляции образует именно эти белки, из такого же питательного материала, из какого другие виды образуют другие белки. В этом и заключается основная загадка.

Если пищу для организма служат воспринятые извне чужие белки,—напр., когда человек ест мясо других животных или плоды, стебли, корни растений,—то организм сначала, при „переваривании“, разрушает эти белки, разлагает их на составные части, различные амидо-кислоты. Затем в тканях из амидо-кислот он воссоздает уже свои собственные их комбинации, свои специфические белковые вещества. Что же касается растений, то большинство из них сами образуют, сначала углеводы, а затем амидо-кислоты, из углекислоты воздуха и воды почвы с ее солями и кислотами.

Итак, почему различный материал, получаемый живою протоплазмой, отливаеся под ее действием в специфические формы ее собственного состава? Напр., почему амидо-кислоты разрушенных белков нашей пищи из числа миллионов возможных комбинаций укладываются именно в те, которые свойственны именно белкам нашего тела? Новые материалы в различных, изменяющихся пропорциях присоединяются к старому составу: почему не происходит того, что бывает при всяком прямом смещении—контра-дифференциации, т.-е., изменения этого состава на иной, так сказать, промежуточный между старым составом и новыми материалами?

Существует одноклеточное животное-хищница, называемое ацинетой. Она присасывается к какой-нибудь инфузории, и по сосательным трубочкам втягивает в себя ее плазму, которая прямо течет в плазму хищницы и смешивается с нею. Но если бы это было простое смещение, то, очевидно, состав ацинеты был бы лишен всякой устойчивости: каждый раз она превращалась бы в нечто среднее между прежнею ацинетой и высосанной жертвою.—Так же и наша пища, хотя не столь быстро, но не менее радикально изменяла бы наш состав. Чтобы этого не получилось, необходимо принять, что в нашем организме, равно как и в организме ацинеты, поступающие материалы проходят через какую-то химическую отливочную форму, откуда могут выйти только в виде специфических для данного организма соединений. Как найти эту отливочную форму?

Здесь нам придется ввести два довольно простых организационных понятия. Первое из них весьма обычно: „регулятор“.—Это приспособление, которое служит для того, чтобы поддерживать какой-нибудь процесс на определенном уровне. Напр., при машинах часто имеется регулятор скорости хода. Если он поставлен, положим, на 1000 оборотов махового колеса в минуту, то при всяком переходе скорости через этот уровень он замедляет движение; а когда, напротив, скорость не достигает этой величины, он действует ускоряющим образом; менее совершенные регуляторы действуют только в одну сторону, напр., при паровом котле не допускают чрезмерного давления пара, которое могло бы взорвать его. Ясно, что регулятор есть одна из разновидностей „отливочной формы“ в нашем смысле слова: при помощи его вызывается „схождение“ разных фаз данного процесса на определенной величине.

Второе понятие производное от первого, но сложнее,—*бирегулятор*, т.-е., „двойной регулятор“. Это такая комбинация, в которой два комплекса *взаимно* регулируют друг друга. Напр., в паровой машине может быть устроено так, что скорость хода и давление пара взаимно регулируют друг друга: если давление поднимается выше надлежащего уровня, то возрастает и скорость, а зависящий от нее механизм тогда уменьшает давление, и обратно. В природе бирегуляторы встречаются нередко; пример, хотя бы знакомая нам система равновесия „вода—лед“ при 0° С. Если вода нагревается выше нуля, то соприкасающийся с ней лед отнимает излишек теплоты, поглощая ее при своем таянии: если происходит охлаждение, часть воды замерзает, освобождая теплоту, которая не дает и температуре льда опуститься ниже нуля. В общественной организации бирегулятор очень распространен в виде систем „взаимного контроля“ лиц и учреждений, и т. п.

Бирегулятор есть такая система, для которой не нужно регулятора извне, потому что она сама себя регулирует. И, очевидно, если бы живая

протоплазма оказалась химическим бирегулятором, тем самым было бы объяснено, почему вступающие в нее материалы не могут изменить ее состава, а сами укладываются в его рамки.

Из белков пищи получают их структурные элементы, амидо-кислоты, которые затем поступают в ткани организма. Строение этих тканей *коллоидальное*: жидкость с рассеянными в ней („диспергированными“) более твердыми частицами. Жидкость—это вода с растворенными в ней солями, их „ионами“ и другими кристаллоидными веществами, а также газами. Рассеянные частицы—молекулы белков. Каждая из них, громоздкий химический комплекс, которого атомный вес измеряется обыкновенно тысячами, представляется как бы островком в этой жидкости.

При своем очень сложном строении, белковые молекулы очень непрочны: их распадение, как и образование из амидо-кислот, происходит весьма легко, при незначительных затратах энергии, или с освобождением незначительного ее количества. Очевидно, что между ними и их жидкой средой должно существовать определенное структурное соответствие, гарантирующее их прочность,—т.-е., что две эти части образуют *систему равновесия*, как ее образуют вода и лед при 0°. Если такое равновесие существует для белка *данного* состава и строения, то для иных белков его, вообще говоря, в этой среде быть не должно, и попадая в нее, их молекулы подвергаются разложению и перегруппировкам своих элементов.

В эту же среду поступают частицы амидо-кислот переваренной пищи. Они находятся в растворе и, естественно, вступают между собою в соединения. Согласно взглядам современной теоретической химии, при такой встрече элементов и группировок должны получаться *все возможные комбинации*, лишь с различной скоростью реакции, притом с различной устойчивостью ее результатов. Непрочные сочетания тут же распадаются, устраняются отрицательным подбором; удерживаются только прочные, устойчивые. А устойчивы в *данной* среде, как мы уже знаем, только те, которые соответствуют составу ее наличных белковых молекул. Но это и означает, что поступившие амидо-кислоты „ассимилируются“, группируются в такие же, а не иные белки.

С этой точки зрения понятно, почему всякая протоплазма воссоздает из всякой пищи именно свои белки; и понятно, каким образом в высоко дифференцированном организме каждая из его различнейших тканей воспроизводит свои изношенные протоплазменные элементы, и растет, оставаясь все тою же по составу.

Но если живая белковая среда есть действительная система равновесия, в которой состав белков регулируется составом дисперсионной жидкости, то надо полагать, что и состав этой жидкости, в свою очередь, регулируется ими, т.-е., что перед нами бирегулятор. При большой легкости распада и воссоединения, белковые молекулы, действительно, должны быть способны регулировать состав жидкости; напр., при убыли в ней растворенных амидо-кислот ниже нормального количества—прямо пополнять их за счет своего распада. Те же амидо-кислоты могут служить для связыванья каких-либо неорганических ионов при их избытке, и для их освобождения при их недостатке, и т. п.

С другой стороны, надо помнить, что смежные ткани организма, несомненно, образуют системы равновесия, взаимно регулирующиеся путем диффузии жидкостей и растворенных веществ.

Двойственное строение коллоидов вообще включает в себе условия, подходящие для двустороннего регулирования. В высшей степени вероятно, что именно на этом основана неразрывная связь жизненных процессов с коллоидным строением вещества.

Наше построение, конечно, является гипотезой; но легко видеть, что это гипотеза „рабочая“, т.-е., намечающая путь исследования, путь ее практической проверки. Без предварительных построений такого типа исследование не может идти вперед, а могло бы только топтаться на возрастающей

груде фактов. Дальнейшее исследование подтверждает или опровергает такую гипотезу, или приводит к ее видоизменению.

Для тектологии же всякое такое построение является решением задачи — гармонично организовать наличные данные. С прибавлением новых данных, не укладывающихся в это решение, специальная наука отвергает или перестраивает его. Но для тектологии, для собирания организационного опыта и выработки организационных методов, оно и тогда может сохранять свое значение, поскольку помогает учиться решению организационных задач вообще. Так, если бы наше понимание механизма ассимиляции оказалось неверным, или недостаточным, его основная мысль — идея бирегулятора, ее приложения в теоретическом исследовании, как равно и в практических построениях, — не потеряла бы от этого своей тектологической пригодности. И в истории науки найдется немало давно отживших теорий и гипотез, которые, однако, могут еще служить ценным тектологическим материалом. В этом смысле тектология сохранит и бережет для человечества много его труда, кристаллизованного в истинах прошлого. Несомненно, что и нынешние истины отживут и умрут в свое время; но тектология гарантирует нам, что даже тогда они не будут просто отброшены, не превратятся в глазах людей будущего в голые бесплодные заблуждения.

А. Богданов.

К вопросу об объеме и характере работ Пролеткульта.

За два года своей работы Пролеткульта не только широко развили свою пропаганду, но и выдвинули целый кадр работников-энтузиастов, прекрасно разбирающихся в вопросах пролетарской культуры, ищущих новых путей и методов в разрешении стоящих перед Пролеткультом задач.

И естественно, что на IV съезде Всероссийского Совета Пролеткульта вопрос об объеме и характере работ вызвал продолжительные и горячие прения.

Эти прения и заставляют нас высказать несколько соображений по затронутому вопросу.

1.

Пролеткульта — это культурно-творческие организации пролетариата, это лаборатории, в которых он собирает и вырабатывает свои культурные ценности, краеугольный камень грядущей прекрасной жизни.

Пролеткульта-лаборатории. Значит ли это, что они работают и творят, замкнувшись в своих стенах, не слыша и не видя, что делается вокруг, за стенами этих лабораторий? Конечно, нет. Если такое творческое отшельничество не возможно было даже буржуазному ученому, который при своих научных работах вынужден был поддерживать интенсивную связь с миром науки, то оно абсолютно невозможно для Пролеткульта. В нем творятся ценности новой культуры. А что такое культура? Это — вся наша жизнь с ее материальными и идеологическими достижениями; отдельные ее элементы так причудливо переплетаются между собой, что часто даже немислимо искусственно отделить их друг от друга. И естественно, Пролеткульта в своем творчестве одинаково проникают во все поры строительства новой жизни.

Организация народного хозяйства со всеми его функциями — распределением, транспортом, строительством и т. п. — глубоко интересна для наших работников; вопросы юстиции, которая в целях определенного правопорядка регулирует человеческие отношения; городское строительство с новыми зданиями и планами; постановка и системы воспитания, Трудовая армия, Красная армия... Словом, вся жизнь, весь быт всегда должны быть предсто-

знанием нашего работника и быть не в хаотическом, разрозненном состоянии, а в организованном, чтобы был ясен контур строящегося дворца новой жизни, чтобы виден был не только его план, но и самое выполнение плана, чтобы отчетливо сознавалось, какой камень пригнан и положен к месту, прочно, а какой следует перенести или даже выбросить совсем.

Такая огромная задача стоит перед Пролеткультами?

Да, задача огромна.

И что же, все стороны жизни, которых и не перечтешь, мы должны основательно изучать?

Да, мы должны их понять и осмыслить, а в известных пределах изучить; изучить не в их деталях и мелочах, а в *методах* строительства, чтобы потом, если эти методы строительства окажутся разнородными и противоречивыми, найти *единый метод* строительства, который должен лечь в основу творчества в области науки и искусства, а так же и быта, вырастающего на новой хозяйственной базе.

Но ведь до сих пор Пролеткульты сосредоточивают свою деятельность, главным образом, на искусстве, — на литературе, театре, музыке, живописи и т. д. и отчасти науке. Значит, они ошибаются?

Ничуть. Наука и искусство это — обобщение социального опыта, его выражители, и в свою очередь они служат дальнейшей организации общества. Но чтобы этот опыт был организован правильно и выражал точно соотношения различных элементов жизни, надо жизнь понять во всех ее проявлениях, надо пристально взглянуть во все ее стороны.

Мы предугадываем вопрошающий взгляд читателя, — да может ли каждый работник разрешить поставленную задачу?

Конечно нет. Отдельному человеку эта задача не под силу; Пролеткульты поэтому всегда и везде выдвигают метод коллективной работы, коллективного творчества. А это и дает им возможность в своей работе всегда поддерживать самую живую связь с другими советскими учреждениями, устраивая, например, для обсуждения отдельных проблем совместные с ними заседания.

Народный Комиссариат Труда, по скольку нам известно, разрабатывает планы рабочих городков. Это тесно связано с вопросами не только удобства, но и красоты, искусства, в частности архитектуры. Разве этот вопрос не интересует Пролеткульты? И разве мы не должны критиковать их проекты, если они снимок с мешанских рабочих жилищ в Новой Зеландии?

Обсуждается вопрос о наказуемости и ненаказуемости аборта. И этот вопрос интересует нас, поскольку он входит определенной своей стороной в новый быт и определяет отношения женщины к обществу в целом. И много других вопросов.

И только в том случае, когда мы будем обнимать всю жизнь, мы сумеем скорее и легче выявить и объединить элементы пролетарской культуры.

Когда мы говорим о творческом характере нашей работы, это не чуть не значит, что мы будем что то выдумывать, сидя у себя в Пролеткультах, будем высасывать из пальца, или выжимать из своего мозга. Творить это значит организовывать живую действительность, а чтобы ее объединять, надо знать ее составные элементы, понимать механизм их движения и превращения во все более совершенные формы.

И пусть каждый работник Пролеткульта собранные им частицы нового общественного опыта несет на собрание руководителей и студийцев, чтобы разобраться в нем, обобщить его, и коллективными силами преодолеть трудности в его обработке.

С чего же начать эту грандиозную работу?

Сознательный пролетариат все должен делать обдуманно и организованно; следовательно, и в нашей работе должен быть какой то план более или менее стройный, поскольку выработать таковой позволяют современные условия. Нельзя допускать, чтобы каждый Пролеткульт делал то, что ему

вздумается. В работе должна быть последовательность. Мы должны идти от этапа к этапу, и переходить к дальнейшему строительству не ранее, чем основательно проработана и выполнена предыдущая задача. Никто не станет строить здание с крыши, а сначала заложит фундамент и выведет стены. Так должны поступать и мы.

Если бы в данный момент мы ударились в беспочвенные фантазии о строительстве городов-садов с разработкой детальных планов площадей, улиц, парков, при чем каждая улица представляла бы из себя в художественном отношении гармонически целое, и со стороны архитектуры, и живописи, и изречений и даже музыки, и чтобы это единство выражало красоту грядущей жизни, то пришлось бы сказать: преждевременно, хотя и интересно. Надо еще проработать многое в отдельных областях, там найти пульс пролетарского мироощущения и мироотношения, а потом уже и комбинировать их. Ни в коем случае непозволительно забегать вперед, не учтя и не осмыслив текущего, особенно в практической работе.

Все это так, но вы скажите конкретнее, с какой именно стороны жизни начать нашу работу? Будем ли мы изучать сначала хозяйство, потом юстицию и т. д., или же какнибудь иначе?

Тут неправильна самая постановка вопроса. Мы хотим музыке придать пролетарский характер. Нужно ли быть знакомым со строительством хозяйства, и в частности промышленных предприятий? Несомненно; производственный процесс, работа машин в известной доле будут определять ритм музыкального произведения. А возможно ли привлечь сюда судебные дела? Да, возможно. Они ведь выявляют психологию различных столкновений в обществе, они вскрывают и ритм и интенсивность и колоритность человеческой психологии, они вскрывают зачастую коллективную сущность той или другой группы, — разве тут композитор не найдет элементов своего творчества? И разве эти элементы не помогут разрешить ему вопрос о быстроте и интенсивности выражения тех или иных переживаний?

Нужно подходить в каждой работе ко всем сторонам жизни, но брать из них то, что имеет непосредственное отношение в определенных организационных заданиях.

II.

Из предыдущих суждений в согласии со всем направлением работ Пролеткульта, ясно, что в наших студиях мы занимаемся работой исключительно творческой. Иначе. Наша задача не в просвещении широких рабочих масс, а в воспитании в них самостоятельности, чтобы через посредство этой самостоятельности пролетариат мог выявить свою духовную сущность, которая станет сущностью социалистической культуры.

Эта сторона работы требует огромнейшего напряжения. Российский пролетариат в значительной своей части стоит на довольно низкой ступени культурного развития, и в постановке своих задач Пролеткультам часто приходится сталкиваться с этой отсталостью и даже откладывать задуманное. Как тут быть? Не должны ли мы внести в нашу работу часть обычной культурно-просветительной работы? Ни в коем случае. Мы вполне понимаем тот трагизм, который переживают наши работники. Но мы не должны одну работу подменять другой, мы не должны катиться по линии наименьшего сопротивления. Наша работа и организация ценны постольку, поскольку они умеют преодолевать препятствия и выявлять новое. Иначе и ни к чему Пролеткульты. Мы должны воспитать людей с новыми взглядами во всей жизни, чтобы потом послать их в советские учреждения на смену тем, которые работают там за страх, но не за совесть, да и при своей добросовестности не могут сбросить одежды ветхого Адама, почувствовать красоту новой жизни и отдаться творчеству ее с глубоким самозабвением. А чисто просветительной работой мы пользуемся равно постольку, поскольку она не отделима от творческой работы.

Рабочий свои душевные волнения и радости коллективного строительства хочет передать в звуках, мы даем ему соответствующую обстановку и чисто просветительные указания, что такое гармония звуков, и как она разрешается. Как столяр-художник не может создать художественной мебели без умения владеть рубанком и стамеской, так и скульптор не сможет хорошо работать, если он не ознакомится с массой, над которой он работает, и с теми инструментами, что необходимы в работе. Но это не значит, что мы должны заняться устройством в стране для широких трудовых масс школ скульптуры, музыки, живописи и т. д. Тем более, конечно, уже не наше дело так или иначе вмешиваться в так называемое внешкольное образование¹⁾. Борьба с безграмотностью, разрабатывать библиотечную сеть в стране и т. д., это, несомненно, заманчивая работа, но она, как понимает всякий, не наша. Во всякой работе, в том числе и культурной, есть разделение труда.

Следовательно, повторяем мы, в нашей творческой работе просветительная работа допускается поскольку она неразрывна с творческой работой. Ясно, например, что если в студию попадает не коммунист, мы должны его воспитать коммунистом, иначе он не сможет выявить новой сущности жизни даже и при своей талантливости. И курс лекций общий для всех студийцев ни в какой степени не идет в разрез с чисто творческой работой.

Усиленно и всегда настаивая на чисто творческой работе и при том среди пролетариата, индустриального преимущественно, Пролеткульт иную позицию должен занимать вне своих студий.

Все свои достижения он несет в широкие пролетарские массы, в первую очередь в городскую бедноту, затем в крестьянство, приобщая их к духовному миру пролетариата; несет непосредственно сам и через другие организации: Коммунистическую Партию, через Профессиональные Союзы, Отделы Народного Образования и т. д. По мере накопления творческих сил из рядов пролетариата, Пролеткульты должны помогать другим учреждениям вытеснять „Всерабисы“ с их футуризмом, буржуазно-мещанским репертуаром, с проповедью формы в ущерб содержанию и т. д., которые хотя и поют „Интернационал“, но сеят буржуазное гнилое семя, а также помогать ставить и всякую другую работу.

Работу, так сказать, распределительно-потребительскую, Пролеткульт выполняет посылкой различных своих студий на фронт, где решаются судьбы Советской России и новой культуры, и в другие места для пропаганды, агитации в различные „недели“, постановкой спектаклей и вечеров пролетарского творчества, — тут Пролеткульт показывает свои достижения, и если они ценны, пусть питаются ими все; их должно передать другим, чтобы ввести в жизнь уже планомерным государственным путем. Сами же Пролеткульты снова пусть вернутся к своей чисто творческой работе.

В широком общении с массами и учреждениями Пролеткульты почерпнут новые силы, найдут новые элементы творчества, а главное испытают жизненную ценность своих достижений.

Пролеткульт творит силою пролетарских масс, организуя социальный опыт пролетарскими методами, но он творит не внутри себя и не для себя, а для всего общества без различия составляющих его групп.

Надо быть в таком контакте с трудовой массой и организациями, чтобы они чувствовали в нас нужду и нас старались использовать, но несколько не нарушая нашей основной творческой работы.

Мы живем в такой момент, когда каждое учреждение „ходит, яко лев рыкая, иский кого поглотити“. И когда мы говорим о контакте с другими и об интенсивном использовании нас, то это, конечно, не значит, что мы должны попасть на зуб каждому проголодавшемуся по делу „льву“.

¹⁾ Этот архаический термин, наконец, устраняется. Внешкольный отдел Нар. Ком. Просв. уже преобразован в Политпросвет Отдел.

Самое серьезное внимание следует обратить на организацию и работу фабрично-заводских пролеткультов, которые фундамент нашего здания, — через которые мы вовлекаем массу в нашу работу и возбуждаем в ней самостоятельность, развивая ее по мере участия в работах высшего порядка.

В противном случае нам угрожает опасность превратиться в простые школы, хотя и со своими методами работы, настолько развивая самостоятельность пролетариата, сколько обучая его и производя над ним опыты. Это печальный исход.

Когда мы в противовес тенденции расширения работы выдвигаем и отстаиваем тенденцию углубления работ, то мы этим, понятно, не хотим сузить поле нашей деятельности; мы не отказываемся и не можем отказаться от роста наших организаций, мы стремимся поставить работу даже в интернациональном масштабе, — мы только не хотим выдвигать в данный момент принципиально новых видов работы.

Мы знаем, что места не всегда справляются с нашей работой и отклоняются от нее; это явление усилится еще значительно при расширении видов работы, особенно в сторону наименьшего сопротивления, в сторону чисто-просветительную. И это явление будет наблюдаться до тех пор, пока мы не создадим устойчивого кадра пролеткультовских работников. Те, которых мы уже имеем, в значительной своей части разбросаны в Красной армии, в Партии, в Профессиональных Союзах, отчасти в Отделах Народного Образования, — и, к сожалению, не всегда они на культурно-просветительной работе.

Серьезное внимание мы должны обратить и на клубы „Пролетарской Культуры“. Их не нужно смешивать с обычно распространенными типами рабочих клубов. Клуб Пролеткульта — это лаборатория быта. Хорошее помещение, хорошее устройство и удобства, пролетарские украшения, прекрасно оборудованные библиотека и читальня, интересные пролетарские вечера, концерты, дискуссии, информационное бюро, быстро и точно дающее по всем вопросам сведения, — все это не конечный идеал нашего клуба. Это одна сторона клубной жизни, маленькая. Идеальным клуб будет тогда, когда он сумеет коммунистически воспитывать и не только в политическом отношении, но и во всех жизненных отношениях.

Наш клуб, несомненно, одна из самых сложных и трудных лабораторий. Пусть их будет не много, но пусть эти немногие клубы — лаборатории новой жизни — объединив достижения студий, как оазисы в пустыне, манили бы к себе, служили бы предметом подражания и не столько стройностью своей организации, сколько приближением к такому внутреннему строю клубной жизни, который в своем развитии воспитал бы человека, в котором высокий облик коммуниста можно видеть даже без партийной книжки.

Вовлекая в работу пролетарские массы через фабрично-заводские пролеткульты и организуя их идеологию и психику в клубах-лабораториях, мы должны сосредоточить усилия на формировании количественно сильного кадра работников из рабочих, которыми мог бы располагать центр и места, в первую очередь для углубления работ, а потом уже и для расширения, но не в сторону наименьшего сопротивления, а в сторону постановки более сложных проблем творческих работ и покуда еще не новых, а начатых, но не доведенных до конца.

III

Словом, Пролеткульты не должны расширять своей работы в сторону чисто культурно-просветительную; эта волна нас и так захлестывает, тенденция броситься в эти волны весьма опасна и может, особенно на местах, всю работу незаметно, постепенно, свести к просветительству, что исказит облик нашей организации и даже обезличит ее.

Расширение возможно, только в чисто творческой работе, да и то в смысле углубления начатых работ, а не в смысле новых заданий, рассчитан-

твенных на десяток лет, когда условия жизни коренным образом изменятся, и онаши прежнеевременные работы пойдут на смарку. Но и в расширении работы, в нашем понимании, должна быть логичность и строгая последовательность. Если кто-либо попытается упрекнуть нас в отсутствии революционного порыва и смелости творчества, мы заметим, что не всякий прожект, прикрытый революционной фразой, хотя бы и дерзновенно-смелой, есть действительно революционный прожект по своему внутреннему существу. Предвещая перспективы будущего и на них строя свою культурно-творческую политику, мы должны твердо помнить, что перескочить через неизбежные исторические этапы у нас нет сил.

Но зато у нас есть силы избежать наклонной плоскости и вести упорную творческую работу, руководствуясь здоровой революционной логикой, а не фантастическими прожектами хаотической структуры.

Не станем, товарищи, увлекаться скороспелыми грандиозными планами, откуда за ними нет прочного теоретического обоснования.

Идейное углубление, — стройная организация, широкая пропаганда и агитация, — вот задача дня.

В. Кунавин.

Самостоятельность или в путях буржуазной культуры.

В середине мая в Москве предполагался всероссийский съезд пролетарских писателей и поэтов, созываемый частной группой. Так как в устройстве съезда, как было им признано, имелось много организационных недочетов, а Организационное Бюро съезда стало в оппозицию к Всероссийскому Пролеткульту, на деле вышел съезд не пролетарских писателей, а писателей вообще из народа. И это вынудило поэтов, группирующихся вокруг пролеткультов, в частности петроградских и тамбовских товарищей, заставить Организационное Бюро предполагаемый съезд признать неправомочным и объявить его совещанием, а самый съезд, согласно постановлению 1-го совещания пролетарских писателей и 1-й Всероссийской Конференции Пролеткультов, созвать вместе с Ц. К. Пролеткульту на 20 сентября, на какое число Ц. К. объявил съезд пролетарских писателей и поэтов.

Из 116 членов совещания коммунистов оказалось всего 54 человека, и этот состав дал возможность отдельным поэтам и даже из рабочих не только вывить свою частью синдикалистскую, частью неопределенно трудовую точку зрения, но и увлечь тех, которые кроме голых фраз о пролетарской культуре и коммунизме ничего не усвоили и даже до сего момента не могли понять, что есть глубокая разница между мироотношением пролетария и крестьянина. Это больше всего сказалось в обсуждении организационных вопросов, и в частности в вопросе об идейной связи будущего профессионального союза пролетарских писателей и поэтов с пролеткультами. Профессионально-синдикалистские тенденции обнаружило прежде всего само Организационное Бюро. Оно и его ближайшие единомышленники с жаром отстаивали ту точку зрения, что пролетарские писатели и поэты есть соль и цвет пролетарской культуры, что они вдохновенные руководители и идеологи пролетариата, что они самые главные в процессе созидания пролетарской культуры, а все остальные так себя, что пролетарские художники, музыканты и артисты должны внимать „божественным глаголам“ поэтов и следовать за ними, тем более, что они, по заявлениям отдельных хвастливых, самонадеянных и самовлюбленных поэтов, уже превзошли буржуазных поэтов. Раз, так, то естественно, что профессиональный союз пролетарских писателей и поэтов в идеологической работе должен существовать самостоятельно от пролеткультов; для пролетарских

писателей необязательны даже постановления всероссийских съездов Пролеткультов; наоборот, пролетарские писатели и поэты должны диктовать свою волю всему пролеткульту, как люди высшей категории; пролеткульты же только стесняют их свободу творчества, почему некоторые из них уходят из пролеткульты, объединяясь с имажинистами и футуристами в буржуазно-спекулятивном кафе поэтов, где гражданин Есенин устраивает скандалы, а писатели из рабочих разрисовываются на стенах в золотых цепях, с венками и пальмовыми ветвями.

Попробуем разобраться в этом хаосе мелкобуржуазных и синдикалистских мыслей и настроений.

I.

Пролетарские писатели и поэты суть идеологи и вожди рабочего класса, а другие к ним прислушиваются и идут за ними.

Так ли это?

Прежде всего тут скрывается старая буржуазная точка зрения на роль писателя и поэта в обществе. В буржуазном обществе писатель, выражая идеалы и надежды той или иной общественной группы, всегда стоит выше этой группы; он пророк, он вождь, а окружающие—толпа, чернь, внимающая его откровениям. В представлении буржуазной толпы поэт—высшее существо, наделенное от бога, от природы особыми качествами, которые дают ему духовную власть над массой.

Пролетариат не может смотреть на своих поэтов такими глазами. Поэты его братья, вышедшие из рабочей среды и кровно с ней связанные, вне которой они вянут и мрут, как цветы без влаги. Пролетариат не только дает свое содержание и свою форму для словесных образов, но точно указывает поэту и путь его творчества, чтобы он не сбился со своей дороги и, увлеченный старой культурой, не завяз в ее путях. Поэт не руководитель, а выразитель тех настроений, которые роятся в уме и сердце рабочего. И поскольку это ему удается, постольку он может являться вдохновителем, объединяющим широкие пролетарские слои в строительстве новой жизни.

Но и в этом процессе поэтам принадлежит не исключительная роль, как некоторые гордо заявляли на совещаниях.

Пролетариат организует свою коммунистическую жизнь посредством науки и искусства. Наука организует общественный опыт в различных теориях и схемах, а искусство—в образах. При этом искусство играет в одних отношениях преобладающую, но в других подчиненную роль и даже второстепенную. Всякое искусство питается в значительной степени подсознательным опытом и в выявлении своих образов проверяется сознанием,—у пролетарского художника классовым сознанием, воспитанным на марксизме, на принципах исторического материализма. При отсутствии классового сознания художественные образы могут оказаться противоречащими всему мировоззрению пролетариата. Научный контроль над искусством неизбежен. Уже одного этого достаточно, чтобы перестать претендовать поэтам на исключительную роль и не очутиться в положении карлика с шапкой Мономаха на голове.

Где широкие массы не в силах осилить научную мысль, всегда более или менее отвлеченную, там на первый план выступает искусство; его образы воспринимаются легче, чем научные схемы. Но так как первые воспринимаются чувством, то обычно бывают неустойчивы, пока не закрепятся в сознании в виде определенных представлений. Поэтому мы и пропаганду среди мало сознательных элементов всегда начинаем через революционную поэзию и беллетристику, поднимаясь от этой первой ступени к высшей, к изучению марксизма, как экономической и социологической системы.

Это тоже должно бы умерить гордый пыл некоторых поэтов.

Кроме того, искусство выявляется не только в поэзии, но и в музыке, театре, в живописи, скульптуре и т. д. И все эти виды искусства одинаково ценны для пролетариата, они одинаково организуют пролетариат, вдохновляя

его в борьбе и строительстве. И нередко песня поэта имеет значение постольку, поскольку она распеваётся, поскольку словесные образы переложены в звуковые гармонии; и пьеса нередко бывает мертвой, пока артисты не передадут её словесные образы в живом захватывающем действии.

Можно ли, следовательно, поэту гордиться своим превосходством и кичиться какой-то особой ролью?

Мы ведь первые выступили на сцену, — говорят они, — а пролетарских художников, музыкантов и артистов нет. Это неверно и самообман. Тут скрывается близорукость. Есть пролетарские и художники, и музыканты, и артисты. Но ведь их не видно. Да, не видно, — но это ещё не значит, что их нет. Надо уяснить, почему их не видно. Во-первых, их меньше, потому что в силу определенных условий, всегда и везде литература выступает прежде других видов искусства, но это ещё не даёт права на постоянный захват главной роли: лист появляется всегда прежде цветка, из которого образуется плод, но не лист самое главное, и первые листья, как известно умирают, а чрезмерное развитие листьев часто вредит полноте плода. Во-вторых, свои настроения передать в словесных образах, часто далеко не совершенно и подражательно, пролетариату значительно легче, чем в линиях, красках и звуках. Передать в стихах пролетарские переживания от природы легче, чем передать их же на полотне в красках и линиях. В-третьих, печатать пролетарскую поэзию, особенно сейчас, гораздо легче, чем пролетарские картины и музыкальные произведения; о пролетарской скульптуре и говорить не приходится; а все это есть. В-четвертых, если в поэзии больше пролетарского содержания, чем в других видах искусства, то надо сказать, что зачастую это обуславливается тем, что вместо художественных образов дают рифмованную прокламацию.

И тут я хочу позвать познакомиться с гётевскими советами „молодым поэтам“, которые так хорошо знал Ф. Энгельс, когда в 18 лет грешил поэзией:

„Каждый юноша пусть знает:

Там, где дух и ум высок,

Муза лишь сопровождает,

Но вперед их не ведет“.

Словом, все говорит за то, что в творчестве пролетарской культуры все деятели равноценны и все они должны стоять на своем месте, не кичась, не выставляя грудь вперед, а двигаясь одним сплоченным батальоном, дружным товарищеским коллективом, в котором все вожди и все строители. Претендовать же на исключительную роль — значит выявлять мешанский индивидуализм, хотя бы и профессионально групповой. Надо помнить, что часть всегда есть часть и меньше своего целого. И, оторвавшись, она умирает, как обломившаяся от дерева ветвь.

К сожалению, некоторые поэты-рабочие не могли этого понять. Профессионально-синдикалистский душок мешал им расширить свой горизонт и взглянуть дальше своего плетня.

В 1848 году братья Бауэры, издавая в Шарлоттенбурге „Всеобщую Литературную Газету“, возмнили себя самих „воплощением критики абсолютного духа, который сознательно выполняет роль мирового духа через них, противопоставляя их всем остальным человечеству“. Очевидно, лавры Бауэров манят и некоторых поэтов из рабочих. Но пусть они знают, что Маркс и Энгельс жестоко высмеяли братьев Бауэров в своей книге „Святое семейство“.

Кстати, эта книга недавно вышла из печати Государственного Издательства, и иным поэтам, витающим в туманах самовлюбленности и малограмотности, прочесть ее весьма не бесполезно.

II.

Профессиональный союз пролетарских писателей и поэтов не может считаться со Всесоюзным Пролеткультом ни в центре, ни на местах; это сте-

снимает поэтическое творчество, в Пролеткультах сидят в большинстве не поэты и даже вообще не художники.

Нет более обывательской мысли, чем эта.

Пролеткульты строго пролетарские организации, ведут они работу по строительству пролетарской культуры во всем ее объеме, а не в какой-либо отдельной части. Тут все должно быть согласовано и объединено в строгой и закономерной гармонии трудового коллектива, в котором поэт, художник, ткач и член Трудовой Армии одинаково творят пролетарскую культуру.

И вдруг Пролеткульты стесняют творчество.

Тут некоторые поэты, как токующие глухари, до того забываются и увлекаются своею ролью, что даже не замечают опасности для себя, не чувствуют, как подрубают тот сук, на котором сидят. Пусть эти поэты знают, что Пролеткульты могут жить без них, а они без Пролеткультов нет; вне культурно-творческой армии пролетариата, они погибнут в путях Брюсовых, Бальмонтов, Шершеневичей и т. п. и уже начинают гибнуть, как, например, М. Герасимов. Если пролетарские поэты боятся, что Пролеткульты стеснят свободу их творчества, значит они боятся влияния своего класса, тогда напрасно они просят их; значит у них нет веры в самих себя, что они выстоят в этой выстраивающейся армии пролетарской культуры.

Мы будем опираться на Пролеткульт, но мы будем самостоятельны. Мы будем работать в студиях Пролеткульта, проводя там идеологические линии, намеченные в недрах своего профессионального союза.

Вот это и есть сепаратизм, вот это и есть ремесленно-цеховой синдикализм.

Синдикалисты требуют, чтобы в социалистическом обществе предприятия были отданы в распоряжение профессиональных союзов, а не центрального государственного органа, который регулировал бы все общественное хозяйство. Марксисты давно разбили этот пережиток старой идеологии, и вдруг он совершенно неожиданно выплыл, да еще так выпукло, на съезде пролетарских писателей и даже нашел защитников среди числящихся в коммунистической партии. Как синдикалисты в области экономической, так и иные поэты в области идеологической пытаются обособиться от других творческих групп.

Этот буржуазно-синдикалистский план мертв, мертв даже при своем зарождении; его проповедники и защитники разведут только отдельных лиц, помешают разглядеть настоящую дорогу, отличить ее от случайной тропинки, обрывающейся в буржуазной трясине, а не целому классу.

Если бы пролетарские писатели и поэты захотели в идеологической работе замкнуться в своем профессиональном союзе, то возможно, что подобные построения могут охватить пролетарских художников, музыкантов и артистов. Они создадут свои профессиональные союзы и будут вариться в собственных идеологических измышлениях, боясь, что Пролеткульт, т. е., пролетариат, со знанием и организованно идущий в культурно-творческой работе, стеснит их комфортаристические (коммунисты-футуристы) и синдикалистские порывы. Тогда целое распадется на части. Но такое положение длиться продолжительное время, как ясно для всякого, не может. Встанет задача сначала координирования работ, а потом и организационной связи всех родов творчества, т. е. все вернется к тому положению, которое сейчас так не нравится некоторым индивидуалистически настроенным молодым коммунистам, мало заботящимся на счет теоретических обоснований своих эгоистических, раскольнических хотений. К несчастью синдикалистствующих поэтов, пролетариат в целом не станет на их точку зрения, и они останутся в блестящей изолированности; он не даст кромсать свое тело, он не даст распылять развернувшееся культурно-творческое движение. Он великодушно предоставит тем, которые хотят быть только и только поэтами, свободу творчества, вернее свободу умирать вдали от широкого русла культурно-творческого процесса.

Это тем более неоспоримо, что синдикалистские планы отдельных поэтов расходятся вообще с тенденциями советского строительства. Коммунистическое хозяйство и коммунистическое общество, представляя полную возможность выявления каждой личности и отдельным группам своей оригинальности в спаянном коллективе, тем не менее характеризуется в своем организационном строительстве строгой централизацией, как бы ни были сложны отдельные части этого механизма. И за три года Советской Республики мы все мало-по-малу выбираемся из мещанско-сепаратиско-самостийных течений и из «горизонтального» положения власть становится в положение „вертикальное“; т.-е. местная власть, „так хорошо знакомая со своими местными задачами“, все крепче и организованнее централизуется, действуя на своих местах в полном согласии с теми решениями, которые принимаются в центре, в выбранных теми же местами.

И маленькой, в 5—6 человек, кучке поэтов из рабочих, хотя бы и при поддержке суриковцев, кубиковых и других, колеса исторического развития не повернуть вспять. Надорвутся и останутся сзади. Пролетарские поэты выдвигают лозунг: „да здравствует пролетарская культура и идеологическая самостоятельность пролетарских писателей“, — нет ли тут сходства с лозунгом: „да здравствуют советы, долой большевиков“; с лозунгом, не так давно выдвигавшимся среди малосознательной массы, которую идеологически обманывала буржуазия.

Пролетарские поэты боятся в пролеткультах рабочих не поэтов. Это они будут им, поэтам, указывать. Никогда этому не бывать. Это не мирится с их профессиональной, мещанской гордостью. Но с точки зрения коллектива такой постановки вопроса быть не может. Маркс считал поэтов чужаками, говорил, что к ним нельзя прилагать мерку обыкновенных и даже необыкновенных людей; пусть они поют, но задабривайте их лестью и не подступайте к ним с резкой критикой. Может кому-нибудь и нравится эта убийственная всепрощающая снисходительность. Мы предпочитаем стоять на точке зрения Ф. Энгельса, который писал: „если ты сделаешься пастором, держись каких тебе угодно ортодоксально-христианских взглядов, но если ты станешь поэтом, я разделаюсь с тобой посвоему“.

III.

Пролеткульти могут стеснять самостоятельность творчества, поэтому пролетарские поэты должны создать свой профессиональный союз самостоятельный в идеологическом отношении, — т.-е. постановления Всероссийского Пролеткульта, для него необязательны.

Странная история. Пролеткульт есть организация прежде всего создающая условия для творчества пролетариата, для его самостоятельности, и вдруг он может стеснять самостоятельность пролетарских поэтов.

Тут что-нибудь да не так! А дело вот в чем. Защищающие указанную синдикалистскую позицию обычно повторяют: — мы поэты прежде всего, и Пролеткульт должен нам дать все условия для нашего творчества. Он должен все подыскать, все организовать, он должен достать бумагу и напечатать нас, он должен устроить нам эстраду и т. д., и т. д. Сами же они в этом деле не хотят ударить палец о палец. Они, видите ли, поэты; им некогда заниматься этой черной работой, они хотят только печататься и выступать на торжественных и многолюдных собраниях. Это говорят даже те поэты, которые заявляют, что они превзошли буржуазную поэзию, которые считают себя признанными руководителями в деле строительства пролетарской культуры и, не стесняясь, поют друг другу дифирамбы. Они хотят использовать пролеткульти, но не работать в них.

Да. Пролеткульт смотрит на дело несколько иначе. Он полагает, что поэт не только поэт, уединяющийся в студию, чтобы писать, печататься, получать гонорар, а летом жить на даче (для творчества, конечно,) не несая никаких общественных обязанностей, особенно в наше трудное время. На-

оборот, чем пролетарский поэт сознательнее, тем больше участия он должен принять в устройстве литературных студий,—заботясь не только о своих стихах, но и о том, чтобы передать другим то, что знаешь сам, не становясь в роль поэта-барина, которому все должны сделать его же товарищи. „Это должны сделать специально нанятые работники, поэт не должен тревожить свою музу“, говорят они. Не напоминает ли это вам, читатель, поэтов буржуазного мира, поэтов дворянских усадеб, где прислуга подчас оттачивала им карандаши.

Кроме того, сейчас, видите ли, в точном смысле пролетарской поэзии еще нет; Пролеткульт не скоро еще наметит точные ее контуры, а между тем он полемизирует с комфутиристами, имажинистами и даже запрещает выступать в кафе буржуазных поэтов, где можно помериться силой с Шершеневичем, Маяковским, Бальмонтом и многими другими. А ведь Бальмонт сказал, что поэт должен быть свободен, как птица, и сам Андрей Белый, „лучший знаток поэзии“, подтвердил, что они уже сказали новое.

Да. Пролеткульты борются и с футуризмом и с имажинизмом, и супрематизмом, и в самих коммунистах-футуристах видят влияние умирающей буржуазии с ее извращенными вкусами. Верно, что Пролеткульты не могут сейчас указать точные пути пролетарским поэтам. Это целый процесс, и он идет параллельно развитию общественной жизни, а не по мановению волшебной палочки. И мало сознательны те, кто предъявляют к Пролеткультам требования, которые не сможет в данный момент разрешить „даже“ Коммунистический Интернационал, и менее всего способны разрешить, конечно, несколько утерпевших равновесие духа поэтов.

Но зато организованный в Пролеткульты пролетариат хорошо знает свои цели, свои задачи и зорко следит за теми, которые, прикрываясь пролетарским парусом, плывут вопреки к старым берегам.

Недаром приехавшие пролетарские поэты сразу потребовали от московской группы поэтов-рабочих, группирующихся при Литературном Отделе Нар. Ком. Просвещения, чтобы они оставили буржуазное кафе поэтов на Тверской, в котором находится приют тем, кому тесно и душно в Пролеткульты.

Поборники идеологической самостоятельности пролетарских поэтов не вполне еще определились, их точка зрения путаная; они еще с оглядкой, с причитаниями о Пролеткульте примыкают к разным футуристам и прочим истам, но некоторые уже начинают форму, даже чужую, буржуазную, предпочитать содержанию. И тут при похвалах буржуазной критики и своей беззаботной легкомысленности на счет теории, легко может произойти превращение в одну из разновидностей буржуазных истоков. И самостоятельность, то этим поэтам нужна, чтобы легче объединиться с этими истами и вместе с ними от имени пролетариата творить мнимую пролетарскую культуру. Какая уже тут самостоятельность. Не самостоятельность, а бессилие вырваться из пут буржуазной психологии и идеологии. В момент борьбы, разрушения старого мира они шли в ногу с борющимися, праздничали, а когда наступили будни, пришла „мелкая“ творческая работа, которой на деле создается новое общество, им стало скучно; их „муза“ не находит материала для творчества, — требует удобств, чтобы надумать пролетарскую поэзию, в тихом уединении содержание променять на форму, а свою пустоту прикрыть утонченностью, вычурностью и т. п.

Пролеткульты всего этого не ободряют. Покойный Ф. И. Калинин на страницах „Пролетарской Культуры“ не раз подчеркивал мещанско-буржуазную сущность защитников самостоятельности искусства, вскрывая безжизненность этих „живых трупов“ и их „высоких измышлений“.

И если некоторые поэты, жадные до внешней оболочки и трупного запаха, ищут самостоятельности от Пролеткультов, пусть будут самостоятельны.

Эти уклонения и блуждания и даже полный разрыв отдельных поэтов с пролетарскими массами исторически понятны. Это детская болезнь движения. Она пройдет. А культурно-творческие организации пролетариата, Пролеткульты, должны быть непоколебимы, когда на них набегает мутная волна буржуазной культуры.

IV.

Непоколебимость, однако, не означает беспечности. Болезнь пройдет, но все же ее нужно локализовать и парализовать вначале, чтобы она не затаилась на более продолжительное время и не поразила других предрасположенных к ней.

Что же делать? Прежде всего надо усилить пропагандистскую работу на счет основ марксизма; не надо забывать, что партийная книжка не гарантирует от беспечности и легкомыслия в области теории; в обычной же работе необходимо товарищески ставить в такие условия жизни, чтобы, воспитывая их в духе коммунизма, парализовать мещанско-индивидуалистические настроения, не гоняясь за теми, кто бойко умеет подбирать рифмы и прочесть науку о стихе В. Брюсова и А. Белого. Перед каждым работником Пролеткульта всегда должна стоять полная картина всего культурно-творческого движения пролетариата, а не какой-либо отдельной его части. А раз человек сосредоточится на одной какой-либо части, или уйдет в часть, отдалится этой части, не думая о целом, то с ним, несомненно, произойдет та же история, которую мы наблюдаем над учеными в буржуазном мире. Замыкаясь от мира науки в специальность, ученый отрывается от знания, как мировоззрения, ограничивает свой горизонт, связывает свои творческие силы и, в конце концов, становится бесталанным филистером.

Надо втолковать, не жалея времени, что поэзия не самоцель, а только определенное средство в организации общественной жизни, и как средство не может главенствовать над целью, если не хочет превратиться в пустозвон и не нужную трескотню и шумиху.

Что касается профессионального союза, как организации, защищающей правовые и экономические интересы (?), то пусть он существует, если рабочие поэты находят, что советское правительство не защищает, или мало защищает их права и экономические интересы, — и пусть существует, как секция общего союза писателей. Надо обратиться к деятелям профессионального движения, чтобы они вразумили некоторых, что теперь союзы организуются не по профессиям, и тем более не по происхождению, а по производству, и ставят своей целью, не считая, конечно, меньшевиков, не защиту правовых и экономических интересов, а задачу организации рабочей силы и помощи в строительстве общественного производства совместно с соответствующими советскими учреждениями.

Если же им общий союз писателей не нравится, они могут вступить в Союз работников просвещения и социалистической культуры, самый близкий и самый ценный для работников пролетарской культуры.

Словом, пусть идут куда их тянет, но пусть свое барахтанье в путях буржуазной идеологии не прекрывают красным словом идеологической самостоятельности, как делали, да и сейчас делают, буржуазные защитники университетской автономии.

Когда-то молодой Лассаль писал про Гейне: „он сорвал с головы яковинский колпак и надел шляпу с галунами на благородные кудри“.

Если падение некоторых дойдет до подобных границ, мы смело скажем аналогичное: „знамя пролетарской культуры, знамя строительства коммунистической жизни, вы топите в болоте мещанского профессионализма. И нам не по дороге.“

Валерьян Полянский.

Пути пролетарского творчества.

(Тезисы).

1. *Творчество*, всякое—техническое, социально-экономическое, политическое, бытовое, научное, художественное—представляет разновидность *труда*, и точно так же складывается из организующих (или дезорганизующих) человеческих усилий. Это ничто иное как труд, продукт которого *не является* воспроизведением готового образца, есть нечто „новое“. Нет и не может быть строгой границы между творчеством и просто трудом; не только имеются все переходные ступени, но часто нельзя даже уверенно сказать, которое из двух обозначений более применимо.

Человеческий труд, всегда опираясь на коллективный опыт и пользуясь коллективно выработанными средствами, в этом смысле всегда *коллективен*, как бы ни были в частных случаях узко-индивидуальны его цели и его внешняя, непосредственная форма (т.-е., и тогда, когда это труд одного лица, и только для себя). Таково же и творчество.

Творчество—высший, наиболее сложный вид труда. Поэтому его методы исходят из методов труда.

Старый мир ни создавал ни этой общей социальной природы труда и творчества, ни связи их методов. Он одевал творчество фетишизмом таинственного.

2. Все методы труда—а с ним и творчества—лежат в одних и тех же рамках. Его первая фаза—комбинирующее усилие, вторая—подбор его результатов, устранение неподходящего, сохранение подходящего. В труде „физическом“ комбинируются материальные вещи, в „духовном“—образы; но, как показывает новейшая психофизиология, природа усилий, комбинирующих и подбирающих одна и та же—нервно-мускульная.

Творчество комбинирует материалы на-ново, не по привычному образцу, что ведет и к подбору более сложному, более интенсивному. Комбинирование и подбор образов происходит несравненно легче и быстрее, чем материальных вещей. Поэтому творчество *чаще* протекает в виде „духовного“ труда,—но отнюдь не исключительно. Все почти открытия „случайные“ и „незамеченные“ получились путем подбора материальных комбинаций, а не через предварительное сочетание и подбор образов.

3. Методы пролетарского творчества имеют свою основу в методах пролетарского труда, т.-е. того типа работы, который характерен для рабочих новейшей крупной индустрии.

Особенности этого типа: 1) соединение элементов „физического“ и „духовного“ труда; 2) прозрачный, ничем не скрытый и не замаскированный, коллективизм самой его формы. Первое зависит от *научного* характера новейшей тактики, в частности—от передачи механической стороны усилий машине: работник все более превращается в „руководителя“ железных рабов, а его труд в возрастающей доле сводится к „духовным“ усилиям—внимания, соображения, контроля, инициативы, роль же мускульных напряжений относительно сокращается. Второе зависит от концентрации рабочей силы в массовом сотрудничестве, и от сближения специализированных видов труда силою машинного производства, которое во все большей мере непосредственную, физическую специализацию рабочих переносит на машины. Объективная и субъективная однородность труда возрастает, уничтожая перегородки между работниками; а при этой однородности фактическая совместность труда становится основой *товарищеских*. т.-е., сознательно-коллективистических отношений между ними. Эти отношения, с их результатами—взаимным пониманием, взаимным сочувствием и стремлением заодно действовать—расширяются, переходя пределы фабрики, профессии, производства, на рабочий класс в

национальном, а затем и мировом масштабе. Коллективизм борьбы человечества с природою впервые *осознается*.

4. Таким образом методы пролетарского труда развиваются в направлении *монистичности и осознанного коллективизма*. В таком же направлении складываются, естественно и методы пролетарского творчества.

5. Эти черты успели уже ясно выразиться в методах тех областей, где пролетарское творчество до сих пор проявлялось преимущественно—в экономической и политической борьбе и в научном мышлении. В первых двух областях это сказывалось постоянно в единстве строения организаций, которые пролетариат создавал,—партийных, профессиональных, кооперативных: один и тот же тип, один и тот же принцип—товарищеский, т.е. сознательно-коллективистический; сказывалось и в развитии программ, которое во всех них неуклонно тяготело к одному идеалу, именно социалистическому. В науке и философии марксизм явился воплощением и монизма метода и осознанно-коллективистической тенденции. Дальнейшее развитие на основе тех же методов должно выработать всеобщую организационную науку, монистически объединяющую весь организационный опыт человечества в его социальном труде и борьбе.

6. Творчество бытовое, поскольку оно выходит из пределов экономической и политической борьбы, до сих пор у пролетариата шло стихийно,—тем не менее по той же линии; о том свидетельствует и развитие пролетарской семьи от авторитетного строения крестьянской или мещанской к товарищеским отношениям, и всемирно установившаяся пролетарская форма вежливости—„товарищ“. Поскольку это творчество в дальнейшем будет идти сознательно, вполне очевидно, что его методы будут проникаться теми же самыми принципами: это будет творчество гармонически-целостного, осознанно-коллективистического быта.

7. В сфере художественного творчества старая культура характеризуется неопределенностью и неосознанностью методов („вдохновение“, и т. под.), их оторванностью от методов трудовой практики, от методов творчества в других областях. Хотя пролетариат делает здесь еще только первые шаги, но уже ясно намечаются общие свойственные ему тенденции. Монизм сказывается в стремлении слить искусство с трудовой жизнью, сделать искусство орудием ее активно-эстетического преобразования по всей линии. Коллективизм, вначале стихийный, а потом все более сознательный, выступает ярко в содержании художественных произведений, и даже в форме художественного восприятия жизни, освещая изображение не только человеческой жизни, но и жизни природы: природа, как поле коллективного труда; ее связи и гармонии, как зародыши и прообразы организованности коллектива.

8. Технические методы старого искусства развивались обособленно от методов других сфер жизни; техника пролетарского искусства должна сознательно искать и использовать материал и всех тех методов. Напр., фотография, стереография, кинофотография, спектральные цвета, фонография и пр. должны найти свое определенное место в системе художественной техники, как ее средства. Из принципа монизма методов вытекает, что не может быть методов практики и науки, которые не могли бы найти прямого или косвенного применения в искусстве,—и обратно.

9. Осознанный коллективизм преобразует весь смысл работы художника, давая ей новые стимулы. Прежний художник видел в своем труде выявление своей индивидуальности; новый поймет и почувствует, что в нем и через него творит великое целое—коллектив. Для первого оригинальность есть выражение самоценности его „я“, средство его возвеличения; для второго она означает глубокий и широкий захват коллективного опыта, и есть выражение его доли активного участия в творчестве и развитии жизни коллектива. Первый может полу-сознательно стремиться к жизненной правде—или уклоняться от нее; второй должен сознавать, что истина, объективность—это опора для коллектива в его труде и борьбе. Первый может ценить или не ценить художе-

ственную ясность; для второго она есть не что иное, как доступность коллективу, в котором живой смысл усилий художника.

10. Осознание коллективизма, углубляя взаимное понимание людей и связь чувства между ними, сделает возможным несравненно более широкое, чем до сих пор, развитие также и непосредственного коллективизма в творчестве, т.-е., прямого сотрудничества в нем многих, вплоть до массового.

11. В искусстве прошлого, как и в его науке, есть очень много скрытых элементов коллективизма. Раскрывая их, пролетарская критика дает возможность творческого восприятия лучших произведений старой культуры, в новом свете и с огромным обогащением их ценности.

12. Основное отличие нового творчества от прежнего то, что здесь оно впервые понимает себя и свою роль в жизни.

А. Богданов.

Англия, как поле пролетарской культуры.

Англия была пионером капитализма. В течении нескольких поколений большинство рабочих масс Англии были фабричными рабочими, пролетариями в современном капиталистическом смысле этого слова. Крупные промышленные центры как: Лондон, Глазго, Манчестер, Бирмингам, Лидс, Бредфорт и др. приучили и приспособили миллионы пролетариев к тяжелой и однообразной жизни раба на капиталистической фабрике и, таким образом, поглотили молодую и сильную часть деревенского населения страны. На английской фабрике была всегда тяжелая работа, а дисциплина строгая. Вне фабричных ворот всегда находились безработные, словно призрак голода; они напоминали рабочим о той участи, которая их поджидала в случае, если их работодатели были недовольны их работой. Обыкновенно по истечении рабочего дня рабочие были слишком утомлены, чтобы интересоваться культурными запросами. Созидательные импульсы были сломлены. Потребность в самостоятельности была разрушена. Правящий класс, желая сохранить свое господство, сознательно деморализовал пролетариат. Обычным стремлением было создать широкую, пассивную пролетарскую массу—*Lumpenproletariat*—без надежды, без идеалов, без мощи и без воображения.

Поколения этих тружеников жили в отравленной атмосфере промышленных городов, которая в значительной степени расслабила рабочую массу. В плоть и кровь современного английского рабочего проник яд полуторастолетнего экономического рабства, проведенного в пассивности и спячке и эксплуатированного в сырых, темных и нездоровых помещениях. Этого факта мы не должны упускать из виду, когда думаем о культурных возможностях современного английского пролетариата.

* * *

Шансы получить образование, предоставленные английским рабочим классом капиталистов, всегда были низки и незначительны. Рабочей массе давалось именно столько знаний, сколько требовалось для того, чтобы приспособить их для эксплуатации. Правда, неграмотность фактически в Англии ликвидирована. Рабочие умеют читать и писать, но только в самом элементарном смысле. Высшее образование всегда было им недоступно. Двери школ повышенного типа и университетов были всегда закрыты для них. Только при сверхестественных усилиях пролетарий может воспользоваться благами хорошего образования, и ни один рабочий не может позволить себе роскоши нести расходы, связанные с посещением больших университетов Оксфорда и Кембриджа. Тем не менее, в среде большинства пролетариата наблюдается постоянно возрастающее стремление к высшему обра-

зованию. Чтобы удовлетворить этот запрос, были созданы разные учреждения. Так, например, „Общество Образования Рабочих“ — в большой степени зависящее от буржуазного покровительства — имеет свыше двухсот отделений во всей стране. Далее „Народная Лига“, чисто марксистская, воспитательно-пропагандистская организация, не так распространена, но, тем не менее, оказывает значительное влияние, преимущественно в Южном Уэльсе, среди горнозаводских рабочих, в Лондоне и некоторых других промышленных центрах севера.

Считаясь с этим запросом, был учрежден целый ряд рабочих школ: школа „Профессиональных Союзов“ с буржуазными преподавателями, под названием „Рескин колледж“ в Оксфорде, и три марксистские рабочие школы, „Центральная Рабочая школа в Лондоне“, финансируемая Федерацией Горнорабочих Южного Уэльса и Национальным Обединением Железнодорожников, „Рабочая школа в Манчестере и Шотландская Рабочая школа в Глазго“.

* * *

В то время, как в Англии живут тысячи рабочих, находящихся под влиянием социалистической мысли и чувства, и в то время, как имеется много тысяч рабочих чувствующих настоящую потребность в лучшем образовании, мысль о создании чисто пролетарской культуры практически не существует. Для этого существует много причин, кроме подавленной жизнерадостности и недостатка в образовании. Больше всего и прежде всего английские рабочие деморализованы капиталистической прессой. Их питают ложью. Эти газеты вызывают к низким, плоским, пустым инстинктам человека и обязаны своим существованием и популярностью гнусным убийствам и легкомысленным рассказам. Усталые и измученные рабочие, слишком утомленные для серьезного чтения, волнуют свое изображение этой вредной прессой, точно так, как привычный пьяница ищет забвения в вине. Дальше существуют шантаны и кинематографы, представляющие низкую культурную ценность, которые дополняют прессу в деле деморализации рабочего класса и делают его неспособным к умственному труду и усилию. Другое интересное развлечение это так называемый спорт, который развивает инстинкты азарта больше нежели желание к здоровым физическим упражнениям. Только маленький процент рабочих действительно играет в футбол или крикет. Никто из них не принимает участия в скачках, тем не менее, тысячи, даже миллионы рабочих следят за судьбами разных футбольных или крикетных состязаний или скачек с интересом, граничащим с фанатизмом.

* * *

В то время, как эти факторы препятствуют развитию пролетарской культуры, они вместе с тем способствуют распространению других буржуазных форм психологического и интеллектуального порабощения. Так, например, религия имеет малый успех среди английских рабочих. Рабочие обыкновенно не посещают церкви. Имеется движение „Религиозного Братства“, одним из лидеров которого является гр. Артур Хендерсен, и которое старается получить влияние на социальную жизнь рабочих, однако пользуется влиянием только среди ничтожного меньшинства.

* * *

В Англии имеются многочисленные рабочие клубы, преимущественно либерально-радикального и тред-юнионистского толка. Это, главным образом, места для попок, очень мало отличающиеся от кабаков, и в которых можно приобрести спиртные напитки в те часы, когда кабаки закрыты. В них бывают концерты, развлечения и увеселения различного характера, но не ведется никакая культурная работа. Эти клубы, однако, могли бы быть сделаны источником, возбуждающим интерес к пролетарской культуре, где некоторые из постоянных пропагандистов могли бы вести энергичную работу среди рабочих

Не нужно делать выводов из приведенных выше кратких фактов о социальных факторах, окружающих рабочего в Англии, о том, что положение совершенно безнадежно. Наоборот. Существует ряд признаков, указывающих на разные возможности. Так, например, знаменательно громадное количество произведений классиков в дешевом издании, которые расходятся по рукам. „Библиотека для каждого“ и „Классики Нельсона“ снабжены лучшими произведениями всемирной литературы, в подходящей для рабочих форме, и спрос на эту литературу феноменальный. Миллионы экземпляров трудов Шекспира, Диккенса, Тикеря, Вальзака, Дюма, Достоевского, Вильямса Мориса, Анатоля Франса, Байрона, Шелли, Виктора Гюго и др. были проданы.

Другой признак это возрастающий спрос на лучшую музыку, лучшую игру и оперу. Летом даются хорошие концерты в общественных парках, а зимой организуются для рабочих тоже хорошие концерты, „Национальной Воскресной Лигой“ в театрах и концертных залах. Вне сомнения наблюдается течение в пользу развития культурной жизни среди английских масс, но в нем нельзя усматривать выражение воли и самостоятельности со стороны рабочих—оно преимущественно вдохновляется буржуазией.

Тот факт, что в течение последних двух лет в целом ряде промышленных отраслей было достигнуто соглашение относительно сокращения рабочего дня, должен также быть признан знаменательным. Восемичасовой рабочий день теперь практически проведен в жизнь. Рабочие имеют в своем распоряжении больше свободного времени. Пьянство тоже уменьшилось по сравнению с довоенным временем. Ограничения, вызванные войной, заставили рабочих не предаваться в такой степени пьянству. Их склонности теперь больше не направлены в сторону кабака. В теплое время их тянет за город, а зимою они посещают концерты и кинематографы. Это, в свою очередь должно сделать Англию подходящим полем для сеяния пролетарской культуры.

* * *

В Англии на фабрику смотрят как на место, которое следует возможно скорее покинуть. Рабочие ненавидят фабрику и смотрят на нее единственно как на место, дающее возможность пропитания. Будет трудно бороться с этой точкой зрения. Многие работодатели в последнее время стремились сделать фабрики центром социальной жизни для рабочих, но с очень малым успехом.

* * *

Из вышесказанного явствует, что английский пролетариат в своих культурных проявлениях, почти всецело зависит от господствующего класса. Все же в рабочих клубах, в разных „Тред-Юнионах“, в Кооперативных Ассоциациях, а равно и в самом Коммунистическом движении имеется чрезвычайно широкое поле для работы, для пропаганды, и для развития самостоятельности.

Коммунистическая партия находится теперь в процессе создания из недр Английской Социалистической партии и Социалистической Рабочей партии. Мы считаем долгом Коммунистической партии создать движение в пользу развития пролетарской культуры. Такое движение, думаем мы, лучше всего сумеет развиваться в тесной связи с „Лигой Народа“ и „Марксистскими Рабочими Школами“.

Его поле деятельности должно расширяться:

1. Вести постоянную пропаганду среди всех рабочих организаций, в частности в Тред-Юнионах, Рабочих Клубах и Кооперативных Ассоциациях.
2. В самом широком масштабе использовать пролетарскую прессу.
3. Стремиться к созданию настоящих пролетарских клубов.
4. Создавать культурно-просветительные комиссии на фабриках.
5. Заручиться наиболее широкой популярностью в деле укрепления пролетарской культуры за границей.

6. Дать пролетарский облик всем концертам и публичным зрелищам, устраиваемым при участии Коммунистической партии и других рабочих организаций.

7. Наложить печать пролетарской культуры на украшение помещений Рабочих Клубов, Тред-Юнионов, Рабочих Домов и Коммунистических читален.

8. И, главным образом, использовать каждый случай для возбуждения в рабочих желаний к созданию своей собственной культуры.

* * *

Мы не думаем, что задача отстранения рабочих от ложных зрелищ, устраиваемых капиталистами, будет очень трудной, если создадутся необходимые для этого условия.

Гений английского пролетариата еще не умер. Он только дремлет.

Проявления со стороны английского рабочего класса должны быть неподдельно-пролетарскими. Мы убеждены в том, что вклад, который внесут английские рабочие в мировую Коммунистическую культуру, будет большим и представит из себя постоянную ценность для всего человечества.

Том Квэлч.

Самостоятельное просвещение рабочих Англии.

Английский рабочий класс еще не совершил революции, а потому все обычные культурно-просветительные возможности находятся под контролем буржуазии. Вследствие этого у нас система классового просвещения.

Дети зажиточных родителей в юные годы посещают средние школы, а затем переходят в университет, где они продолжают свое образование, изучая дисциплины, доступные исключительно господствующему классу. Они изучают политическую экономию, право, медицину, философию и пр. Они предназначены господствовать и поэтому их образование должно сделать из них правителей.

Средний класс (мелкая буржуазия) направляет своих детей в специальные учебные заведения, и лишь некоторые из них переходят в университет. Кончают они врачами, юристами или же занимаются другими профессиями. Они предназначены быть пособниками капитализма, и их образование должно подготовить их к этой роли.

Рабочий класс получает такое образование, которое делает его полезным для работодателей. Дети рабочих учатся письму, чтению и арифметике поскольку это требуется для того, чтобы быть механиками, приказчиками, артельщиками и пр. Их немного обучают истории, но это есть история царей и царей, генералов и министров—их обучают немного географии, но им главным образом даются сведения о Британской империи и о том благодетельном режиме, который применяет Англия по отношению к подчиненным ей многочисленным странам. Об их собственном положении в обществе ничего не говорится.

Такого рода просвещение делает из английского рабочего образованного невежду. Он знает много вещей, но о самых важных вещах он не знает ничего, или почти ничего.

Для того, чтобы искоренить это зло, английское рабочее движение пошло по пути самостоятельной постановки культурно-просветительной работы.

15 лет тому назад несколько тред-юнионов решило основать рабочую школу известную под названием „Рескин-Колледж“ в Оксфорде. Здесь должны были преподаваться экономические науки, история труда и тому подобные существенные для рабочих дисциплины. Несколько лет спустя оказалось, что правоверные университеты старались распространить свое влияние на

„Рескин Колледж“. Они посылали профессоров для чтения лекций и постепенно подкапывали самостоятельность колледжа. В 1912 г. многие студенты отказались продолжать занятия и при содействии нескольких хороших товарищей основали „Центральную Школу Труда“. Некоторые „трэд-юнионы“ и до настоящего времени направляют студентов в „Рескин Колледж“, но это учебное заведение не считается больше самостоятельным.

Центральная Школа Труда помещается в Лондоне. В первые годы своего существования она очень нуждалась в деньгах, но с тех пор, как она перешла в ведение „Национального Союза Железнодорожников“ и „Союза Горнорабочих Южного Уэльса“, ее положение несколько улучшилось. Студенты в течение одного года слушают теорию марксизма, историю труда, логику, теорию эволюции, английский язык и некоторые другие дисциплины. По окончании курса они возвращаются в свои мастерские или в свои шахты и обыкновенно становятся самыми активными членами своих союзов и своих комитетов.

Кроме школьной работы, колледж наладил также и внешкольные занятия для тех, кто не может посещать дневных курсов, и параллельные занятия для тех, кто живет в слишком отдаленных от школы частях города. Вся работа протекает под знаком независимого рабочего просвещения для рабочего класса. Эти начинания встречают некоторые затруднения в виду отсутствия хороших преподавателей, а также сумм, необходимых для расширения работы. В течение ряда лет в Глазгове и Глазговском районе Джон Мак-Лейн вел занятия по экономике, в результате чего была основана „Шотландская Рабочая Школа“, начавшая функционировать в сентябре прошлого года. Руководителями этого Колледжа являются Джон Мак-Лейн и В. Мак-Лейн, которые располагают штатом из приблизительно 20 лекторов, ведущих занятия один или два раза в неделю. Работа первого года была очень плодотворной; однако, в виду того, что заведение являлось еще молодым, не удавалось привлекать слушателей, и поэтому пришлось сосредоточить все свое внимание на внешкольных занятиях.

В нашу программу входят: теория марксизма, история труда (с подробным изучением истории рабочего класса), эсперанто, английский язык и ораторское искусство, история профессиональных союзов и их структура, кооперация, политическое знание и пр. За первый учебный период—с сентября по декабрь—занималось 565 слушателей в одиннадцати классах города Глазго и 2000 слушателей в больше, чем тридцати классах в различных районах Шотландии, а за второй учебный период—с января по апрель 1920 г.—у нас было несколько больше слушателей и классов, но статистические данные не были заготовлены, когда я выехал из Англии. В ближайший учебный период, с сентября, у нас будет некоторое количество слушателей, посещающих дневные занятия, командированных трэд-юнионами.

„Шотландская Рабочая Школа“ финансируется отчасти некоторыми трэд-юнионами, как, напр., горнорабочих и техников, кооперативными организациями, и сборами на социалистических митингах. Трудно расширить работу в виду неопределенности материальной поддержки.

Обыкновенно после последней лекции лектору задаются вопросы. Слушателям предлагается писать доклады по вопросам, затронутым на лекциях, и эти доклады просматриваются руководителями и возвращаются в обычном порядке.

Нужно признать, что такого рода домашние работы не исполняются часто, в виду того, что многие слушатели заняты в своих союзах, в кооперативах, или несут партийную работу и имеют очень мало свободного времени.

Школы в городе Глазго посещают главным образом портовые рабочие, механики и некоторые другие рабочие. В школах малых городов преобладают горнорабочие, металлургические рабочие и техники. Почти все деревни, в которых находятся наши школы, носят промышленный характер. Пока мы не заропули сельско-хозяйственных рабочих. Кроме перечисленных вы

колледжей, имеется еще целый ряд школ, рассеянных по всей стране. Южный Уэльс в этом отношении особенно выдается, а Ланкашир и Нордсемберланд организовали небольшие колледжи, в которые соединились разрозненные классы. Была сделана попытка образовать национальную организацию; равным образом были созданы две конференции для обсуждения вопроса об учебных пособиях, обмена мнений и более тесного сотрудничества между всеми „классами“ и колледжами. Инициативу в этом деле взяла на себя „Народная Лига“, которая представляет из себя организацию, пропагандирующая идею самостоятельного просвещения рабочих. Она издает ежемесячный орган, под названием „Народный Журнал“, который содержит статьи, посвященные различным положениям марксизма, вопросам истории труда, библиографию и различные заметки и отчеты о просветительной работе. „Народная Лига“ была пионером в деле организации рабочего просвещения и в большой степени ответственна за свою проделанную работу.

Интересный комментарий к деятельности „рабочих классов“ был дан в 1917 г. Ряд промышленных волнений заставил правительство назначить несколько комиссий с целью выяснения их причин. Комиссия, работавшая в Южном Уэльсе, доложила, что значительное количество молодых горнорабочих и рабочих оловоплавильных заводов посещают марксистские школы и получают революционное воспитание, которое уничтожило его уважение к лидерам тред-юнионов и соблазняло их использовать всякого рода кризисы для революционных целей. Комиссия рекомендовала устройство специальных рабочих отделений при университетах, которые должны стараться привлекать молодых людей и предохранять их от учений марксизма. Эта точка зрения промышленных деятелей Южного Уэльса могла бы с таким же успехом применена по отношению к Шотландии и другим частям Англии. Всюду, где основывались марксистские школы, хотя на время, появлялся кадр активных работников, которые отказывались признавать софистические рассуждения работодателей и отказывались также от компромиссов достигаемых лидерами тред-юнионов. Два наиболее важные революционные промышленные центры это Южный Уэльс и долина реки Клейдч, вокруг Глазго, и как раз в этих двух районах рабочие школы проявили наибольшую активность.

Реакционные лидеры профессиональных союзов стоят в оппозиции к колледжам и стараются воспрепятствовать тому, чтобы нам была оказана материальная поддержка со стороны тред-юнионов, но наши дружные ряды вытесняют их с нашей дороги. Вряд ли необходимо упоминать, что и работодатели с нами борются. Недавно „Английская Государственная Лига“, организация, в состав которой входят главным образом фабриканты и капиталисты, напечатала в газетах и где угодно воззвание, требуя жертвовать деньги для борьбы с большевизмом, рабочими волнениями и „Революционными Рабочими школами“. Она предлагает основать новые „благонадежные“ собственные школы.

Движение к созданию самостоятельных школ рабочего просвещения в Англии все разрастается. Слушатели это серьезные товарищи, которые жаждут приобрести знания, необходимые, чтобы занять соответствующее место в союзах, кооперативах и социалистических партиях. Руководители преданы своему делу и прикладывают все усилия к тому, чтобы запечатлеть в умах учащихся ту точку зрения, что марксизм является не предметом для педантичных экономических диссертаций, а что он представляет из себя нечто реальное, живое и дает нам методы изучения общества.

В. Ман-Лейн.

Шотландский Рабочий Колледж.

Алексей Гмырев.

(Поэт-рабочий.)

Имя рабочего поэта Алексея Гмырева вряд ли многим известно. Оно и немудрено. При жизни его в печати появилось лишь несколько его стихотворений. Он сам безвременно погиб в тюрьме. А потом великие события—война и революция—и совсем заслонили его судьбу, и его имя.

Алексей Гмырев—не первоклассный поэт. По тому, что он сделал, нельзя, однако, судить о том, что он мог бы дать. Вся его жизнь с 16-летнего возраста протекла в нужде и болезни, в ссылке и в тюрьме. Такие пагубные условия, естественно, не дали его таланту окрепнуть и развиваться. К тому же он умер двадцати-четырёхлетним юношей, когда другие поэты—более счастливые—только начинают свою деятельность. Ныне, когда рабочий класс осуществил то, во имя чего Алексей Гмырев боролся и погиб, то, о чем он мечтал и о чем пел, наша обязанность извлечь его личность и его поэзию из мрака незаслуженного забвения и отвести ему место в истории нашей поэзии вообще и рабочей поэзии в частности.

I.

Алексей Михайлович Гмырев родился 10 марта 1887 года в Смоленске.

Отец его был железнодорожный кондуктор. Мать умерла, когда мальчику было всего 4 года. Отец вскоре снова женился на женщине, с которой жил еще при жизни первой жены. Мачиха сразу и глубоко не влюбила пасынка и делала все, чтобы отравить его детские годы. Она била его, даже когда заставляла за книгой. Отец постоянно находился в разъездах и некому было жаловаться, не на кого опереться. Мальчик жил „одиноким, как маленький зверок“—по его выражению. Не нравилось мачихе и то, что он стал посещать школу. Уроки часто приходилось готовить у товарищей или даже в лесу. Так—под постоянным гнетом—окончил он тринадцати лет шестиклассное училище в Смоленске. Год спустя, за ним приехал старший брат и отвез в город Николаев, где Алексей поступил рабочим на судостроительный завод.

Это было в те памятные годы (1901—1903), когда рабочий класс вступал на путь открытой борьбы с царизмом, когда ряд политических забастовок все более бурных и многолюдных предвещал нашу первую революцию. В этой насыщенной мятежными чувствами обстановке быстро вырос и возмужал Алексей Гмырев.

„Здесь на заводе,—писал он впоследствии,—я сразу стал взрослым. В это время было сильное брожение среди рабочих. Назревало восстание. Я своим детским сердцем прислушивался ко всему окружающему и принимал (во всем) самое горячее участие, поскольку доверяли мне мои старшие товарищи. А доверяли мне очень многое“.

О том, какие чувства воодушевляли молодого рабочего, готовившегося участвовать в революционной борьбе, свидетельствует между прочим одно из его стихотворений, описывающее его поступление на завод.

Вместо материнской тихой нежной ласки,
Вместо поцелуев и приветных слов
Надо мной раздались вихри злобной пляски
Вешеных тяжелых заводских станков.
Потянулись годы... Силы молодые
Тщетно выбивались из ярма невзгод;
Вдруг из векового мрака черной ночи
Раздались призывы к свету и борьбе.
И без колебания, радостный и гордый
Я вошел под знамя вольного труда.

В 1903 году по всему югу прокатилась мощная волна всеобщей политической забастовки. Не раздумывая, стал и шестнадцатилетний Алексей в ряды мятежников и—был арестован. Освобожденный после нескольких месяцев тюрьмы, он, как политически неблагонадежный, нигде не мог найти работы и был обречен на голодную и бездомную жизнь безработного. В одном из своих писем из тюрьмы он впоследствии картинно описал эти тяжелые дни нужды и скитаний.

„Собачью жизнь мы тянули с тобой, мой друг, и теперь, когда я вспоминаю о пережитых нами голодовках и ночных скитаниях в мороз и вьюгу, я только ахаю от удивления, как мы не поколели тогда с холода да со стужи. Помнишь, как мы, лязгая зубами от холода и голода, смоковали, проходя мимо пекарни, запахи такого соблазнительного румяного, такого вкусного хлеба. Помнишь, как мы чуть не ежедневно подходили к одной из таких пекарен и виртуозно агитировали Волика в пользу нашего голода, агитировали до тех пор, пока он не проникался мучительным нытьем наших пустых брюх и, рискуя сам остаться без заработка, соблюдая все методы конспирации, выносил нам изрядный кусок хлеба, и мы, словно голодные волки, дрожащие за свою добычу, бежали в первую знакомую квартиру и там, наконец, давали простор изнывшим от безкормицы челюстям и желудкам. А по вечерам, когда опускался над городом туманный сумрак, наша голодная семья собиралась где-нибудь на углу рабочего квартала, и мы пели грозные песни голода, труда и борьбы. И в звуках этих песен забывали на время и голод, и холод, и нищету и безработицу, и жизнь нам казалась такой прекрасной, такой величественной и так хотелось верить в будущее, что мы все, как один, объявили бы величайшим трусом и преступником всякого, кто осмелился бы напомнить нам о голоде. Поздно вечером мы расходились, куда мог, в поисках ночлега, часто такой найти удавалось, не менее часто приходилось всю ночь пробродить в ветхой одежде, под вечно холодным и равнодушным небом. А утром нас опять ждал голод, опять ждали поиски работы и хлеба, и долго жили мы так изо дня в день, пока тебя не забрали в солдаты, а меня не заковали в цепи“.

В 1905 году Алексей Гмырев был снова арестован, просидел в тюрьме семь месяцев, считался в поисках заработка между Николаевом и Elizavetgradом и в январе 1906 года был арестован, в третий раз. Его сослали в Архангельскую губ. в город Холмогоры. „Мне было ужасно досадно,—писал он из Вологодской тюрьмы невесте,—что ты не видала, как нас отправляли из Николаева. По дороге наш поезд провожали крестным знаменем встречающиеся женщины. Везде пели революционные песни. Почти весь народ относится к нам сочувственно. Это доказывает, что ненавистный царизм доживает последние дни. Скоро Россию охватит всеобщее восстание. Скоро мы будем свободны“. Дорогой его неотвязно преследовала мысль о победе. Прибыв в Архангельскую тюрьму, он пишет невесте: „беспощадный поезд быстро мчится все дальше от благодатного юга, от близких и любимых. О, будьте вы прокляты ненавистные царские опричники... Многие товарищи пытались бежать. Некоторым удавалось. В большинстве случаев их по дороге задерживали и вновь высылали в еще более дальние уезды. Тем не менее, через неделю, я, наверное, уже буду в бегах. Боже, как-то мне это удастся. Я с ума сойду, если меня задержат“...

Из Архангельска Алексея отправили в Холмогоры. „Если бы ты знала,—писал он невесте,—как здесь скучно. Ни песен, как у нас, ни смеха, ничего не слышно. Течет серенькая мешанская жизнь. Все спит равнодушным мертвым сном. Здоровье мое совсем плохо. Беспрестанные головные боли, болит глотка, зубы, ноги, внутренности. Эх, лучше бы уж умереть... Все-таки не позднее 16 (июня) я убегаю“. В конце июня ему в самом деле удалось бежать в Николаев, откуда, спасаясь от полиции, но перебрался в Elizavetgrad, где в октябре (1906 года) снова был арестован.

Революция, расстрелянная в декабре 1905 года, все еще бушевала в стране, и, полный надежды, он писал из Елизаветградской тюрьмы: „Скоро нашу многострадальную Россию охватит всеобщее восстание. Трудовой народ свергнет ненавистный царский произвол и завоюет себе вольную волюшку. И я свободный, гордый вновь прилечу в Николаев. Люблю Николаев, люблю его широкие, прямые, зеленые улицы. Люблю голубой Буг и глубокий Ингул. Люблю статность и широту нравов николаевского пролетариата. Люблю стойких, непобедимых николаевских братьев-рабочих“.

Вернуться в Николаев ему уже не было суждено. В продолжение двух лет водили его этапным порядком из Елизаветграда в Херсон, из Херсона обратно в Елизаветград. Письма, писанные им невесте, брату, партийным товарищам из херсонской и елизаветградской тюрьмы, живо рисуют его настроение, в котором бодрые нотки жизнерадостности то и дело пронизывают золотыми лучами тоску и печаль вынужденного одиночества.

„Вот я снова очутился в Херсоне,—пишет он партийному товарищу, тяжело мне, как будто я сейчас на своих плечах вынес тяжеловесную ношу, от которой все порвалось в груди. В Николаеве меня встретила и проводила группа добрых знакомых. В числе их была и М. (невеста)“.

Мы молча глядели друг другу в глаза
Сквозь злую решетку вагона,
У ней на реснице горела слеза,
Во мне шевелилися стоны.

И в страстном страданьи я крикнуть хотел:

„Терпи, о терпи, дорогая“.

Мне сладостны цепи, отраден позор
За счастье родимого края.

Пусть нагло глумятся тупые враги
Над нашей святою любовью,
Час мести настанет, заплатят они
За все своей черною кровью.
Терпи же, родная, терпи и борись.

Раздается третий звонок, и пароход быстро отходит от гавани. „Прощай, родная“, шепчу я, не отрывая глаз от родного лица. Не „прощай“ а „до свиданья“ залепетали игривые волны, поднятые тяжелым винтом громадного парохода. „До свиданья“ шепчу я последний раз, бодро и упрямо взмахнув шляпой. Пароход делает крутой поворот, и образ дорогой исчезает от меня вновь на долгие мучительные месяцы тюремного заключения... Скоро ли спадут цепи? Сердце сдавила тоска. А за окном дождь и ночь. Воли мне, воли! Скажите мне, существует ли в России теперь наша партия и если да, что она делает? Каковы ее отношения к выборам в Государственную думу? Любопытный момент переживаем мы. Ну и время, привольное время“.

„Идет весна,—писал он невесте,—17 марта мне исполнится 20 лет. Как быстро идет время. А я так мало был счастлив. Что принесет мне 2 год? Счастье или смерть. Как мало надежды на первое и как много горькой веры в последнее... Грустно, тяжело, обидно... Но не все еще взято у меня жизнью. Есть у меня брат, которого я горячо люблю. Он 17 марта освобождается из тюрьмы. Есть у меня друзья хорошие, честные, искренние друзья. Итак, я верю еще в жизнь. Израненный, окровавленный я гордо верю в жизнь“. Наступила Пасха.

„Как хорошо я эти дни проводил, будучи когда-то давно на воле. А теперь, теперь я совсем другой. Прошлое кажется сном, но никак не действительностью. И это немудрено. Как только я перешагнул последнюю ступень своего беззаботного детства, жизнь мощно подхватила меня и унесла в грозный океан Великой Российской Революции, одна из широких волн которой прибила меня молодого, но изрядно помятого бурей, прибила, как маленькую щепочку отломившуюся от корабля освободительного движения к „тихой пристани“, т.е. к одной из многочисленных российских тюрем.

Тщетно рвалась и билась душа, ища выхода к бурному родному морю. Стены и решетки злой преградой стали на моем недалеко пройденном пути, и я надолго физически остался далеко от жизни и борьбы. Только мыслью я был всегда с оставшимися на воле братьями-борцами, которые, я верю, завоюют себе в честной борьбе с гнетущим произволом счастливую долю. Завоюют и возвратят меня и многих мне подобных снова к свету... Я устал, изнемог. Хочется покоя, зеленого шумного покоя. Уйти бы в поле, в лес и под шелест травы, цветов, листьев, сладко заснуть... Я верю, это возвратило бы мне прежнюю силу. И я снова стал бы в ряды работников-борцов и счастливый, юный, бился бы с темными силами, повиснувшими кровавым кошмаром над нашей многострадательной родиной". И он кончает письмо бодрым аккордом: „Народ не забудет нас и скоро вырвет из цепких лап издыхающего царизма. Мы будем свободны и счастливы. Нужно только гордо терпеть и верить". В июне он уже снова был в Елизаветградской тюрьме, откуда писал невесте:

„Вокруг меня все так безрадостно, кошмарно, угрюмо. Даже хуже. Здесь я переодет в позорную одежду вора, разбойника и убийцы. Сажу в маленькой тесной, как гроб, камере, и не один, а тринадцать человек. Нет ни одного из них, с кем бы я мог разделить всю горечь моего душевного состояния. В голове зреют мрачные безумные мысли о самоубийстве. Если бы жизнь имела определенное олицетворение, то я, умирая, плюнул бы с злорадством в ее безобразную физиономию". Но и это начатое в таком пониженном тоне письмо заканчивается повышенно-бодрыми нотками: „В начале письма я чувствовал себя разбитым, не способным для жизни и борьбы, а теперь, теперь во мне закипел где-то далеко таившийся в недрах души родник пламенных, животворных сил и мне хочется любить, страдать и бороться". На ряду с письмами, которые он писал из тюрьмы близким, настроение заключенного, заживо-погребенного, рисуют его стихотворения. Это в полном смысле слова поэтический дневник рабочего, замурованного в „келье тоскливой и душной". Невольно мысли его уносятся на волю.

Весна

Сияют небеса, гудит веселый гром.

Как хорошо теперь на воле!

Проснулся спящий лес и зашумел листвою;

Цветами и травой украсилось поле.

И хоры птиц поют в лазури голубой.

Как хорошо теперь на воле!

Марусенька моя из синих васильков

Плетет большой венок сестрице милой Зое,

А та бежит за ней и ловит мотыльков.

Как хорошо теперь на воле!

Все ожило, цветет, и даже мой народ

Смелее и бодрей стремится к лучшей доле.

Как хорошо теперь на воле!

Отчизна милая. Ужели никогда

Твоей родной красы я не увижу боле.

Ведь жить так хочется, весна так молода.

Как хорошо теперь на воле!

А здесь в тюрьме, „в келье тесной и душной", со всех сторон его обступили мрачные впечатления. В камере, где он заключен, до него уже погибло двое смелых борцов, и он невольно говорит себе:

Преклони с тихой грустью колени,

Когда в сумраке серых углов

Пред тобой станут честные тени

Двух безвременно павших борцов.

И все новые и новые герои-борцы гибнут в проклятой темнице.

Три плотника ночью в тюремном дворе
Тревожно и быстро стучали,
За юным героем на самой заре
„Попа и казаков“ прислали.
Он вышел в оковах в глухой коридор
И крикнул нам: „Братья, прощайте!“
Скорей выходите на вольный простор,
„Невесте привет передайте“.

Или вот убил часовой через волчок рабочего, политического М. Клина
(в Херсонской тюрьме).

Пал борец, сраженный пулей,
С криком мести на устах.
Спи, товарищ, спи спокойно
Час расплаты настает!
Семя мести всенародной
Грозно зреет и растет.
Спи, во тьме зловещей ночи
Образ твой горит борьбой.
Спи, товарищ, спи рабочий,
Мы с тобой, всегда с тобой!

Два утешения только и осталось у заживо замурованного. Это прежде
всего вдохновение. Но в тюрьме оно редкий гость.

Не поются песни, улетела муза,
Тяжело должно быть ей в тюрьме со мной.
Что ж? Она свободна. Вечного союза
Я не заключал с ней.

Это, во-вторых, надежда на свидание с близкими, которые принесут ему
привет и память с далекой воли.

В грезах вся ночь пролетела,
Утро настало: и вот
Чую я сердцем: родные
Ждут уж меня у ворот.
Кажутся днями мгновенья,
Жду, притаюсь у дверей,
Слышу зовут на свиданье,
Сердце забилося сильнее.
Хлынули в комнату люди
С плачем и смехом любви,
Вот и ко мне подбежали,—
„Здравствуйте, братья мои“.

А потом снова тянутся мучительно однообразные дни тюремного одино-
чества. В голове зреют „безумные мысли“ о самоубийстве. Так и хочется

О сырые стены голову разбить,
И своею смертью доказать насилию,
Что орел не может без свободы жить.

Но как в письмах заключенного сквозь уныние и печаль то и
дело золотым лучом вспыхивала бодрая жизнерадостность, так и в его
тюремных песнях громче тоски и скорби звучит радостный гимн жизни и
борьбе.

Из оков моей темницы
В блеске солнечного дня
Мчатся странной вереницей
Грезы, полные огня.
Мчатся гордые, купаясь
В синем воздухе весны,
Беззаботно улыбаясь,
Навевают воли сны.

На душе светло, привольно,
Нет ни боли, ни тоски,
В сердце искрятся раздольно
Мощной силы огоньки.

Прочь холодные сомнения,
Все безрадостное прочь,
К солнцу гордое стремленье
Не скует тюрьма и ночь.

И несутся из темницы
В блеске солнечного дня
Вольной, страстной вереницей
Грезы, полные огня.

II.

26 января 1908 г. Алексея Гмырева судили в Елисаветграде. Он ни на минуту не сомневался, что его оправдают. Он глубоко ошибся. Суд осудил его на *шесть лет и восемь месяцев каторги*. Алексей был подавлен такой неожиданностью и жестокостью. Он пошатнулся и промолвил: „Говорят, есть Бог, есть Закон, есть Правда. Люди лгут. Для нас рабочих в жизни есть лишь цепи, да пули, пули да цепи“. И тут же у него пошла горлом кровь. Охватившее его „после суда“ горькое чувство обиды он поспешил излить в стихотворении.

Суд кончен, и вот результат:
На всех, кроме двух малолетних,
Тяжелые цепи звенят.
Ну, что ж! От душителей воли
Иного нельзя было ждать,
И каждый из нас, зная это,
Безропотно должен страдать.
Страдать и не падать душою,
Но с верой в рабочий народ
Готовиться к смертному бою,
Лишь бой нам свободу скует.

Алексея Гмырева отправили в Херсонскую каторжную тюрьму, где он и умер три года спустя. После приговора, для него столь неожиданного, он находился словно в каком-то оцепенении. „Что теперь осталось у меня,— писал он невесте,—ничего“... Незаконное осуждение на каторгу окончательно разбило мои слабо теплившиеся надежды на счастливое освобождение, и я проклял день, в который родился... Я знал, что после суда меня отправят в Херсон, знал, что по пути буду проезжать через Николаев, а следовательно, встречусь с тобой, но ко всему этому отнесся я как-то безразлично, и сердце мое было полно тоски и холода... Кружок добрых друзей сочувственно проводил меня. Тяжело дыша, поезд остановился (в Николаеве). Я выглянул в окно сквозь решетку вагона, ища жадным взором тебя. Отчего ты была так неприветна—грустна. А я, я тоже осунулся, постарел за это время. Цепи положили неизгладимый след и на лицо, и на душу мою. Переживу ли я испытание, обрушившиеся на меня всей тяжестью, всей неожиданностью своей...“ Но молодость всегда остается молодостью, не увядающей

и верующей. „Как бы там ни было,—заканчивает он письмо,—но шесть лет и восемь месяцев я переживу и выйду на волю сравнительно еще молодым и сильным. А к тому же положение вещей в нашей российской действительности не может быть вечно одинаковым. За шесть лет во всем нашем прогнившем укладе обязательно должны произойти резкие перемены и, конечно, не к худшему, а к лучшему. В этом я глубоко убежден“.

Здоровье заключенного становилось все хуже, особенно весной и осенью. „Переутомился я,—писал он невесте,—и едва ли донесу свой крест. А умирать не хочется. Если бы ты знала, как не хочется умирать“... Только надежда на свидание с ней поддерживала заживопохороненного, заживоразлагавшегося. „Я жду тебя... Где то—не то далеко, не то близко—горит совсем померкший огонек. Ярче и ярче разгорается он и плывет ко мне и зовет меня, и сулит мне много, много счастья. А ночь-то, ночь-то, как черна. Родина, когда же ты оденешься в светлое платье“. „Ты не поверишь, как радостно мне теперь после свиданья с тобой. Ни прежней тоски в сердце, ни сомнений“. С нетерпением ожидал он ссылки в Сибирь, куда—как он был убежден—за ним поедет невеста. „Там тебе до меня подать один шаг и—счастье, счастье“. Среди учащавшихся приступов болезни он все вновь и вновь возвращается к этой мысли. „В Сибирь к нам приедут Н. и В., первая будет лечить людей, второй учить, ну, а мы с тобой, коли сможем, будем делать и то, и другое. Это ли не счастливое будущее, чорт возьми“. Понятно, в какое уныние он впадал, когда по тем или иным причинам свидание с невестой не могло состояться. „Должен ли говорить, что я пережил за эту неделю,—пишет он ей.—Радость ожидания, боязнь не показаться тебе слишком больным, искусственные цветки схороненного в сердце для минут свидания смеха. Господи, как наивно,—глупо готовился я к встрече с тобой. Бедные воздушные замки. Неумолимая логика тюремных инструкций едва коснулась их своим ледяным дыханием, и наши грезы о свидании лопнули, как мыльные пузыри. Я устал, страшно устал от горя. Бог видит я перестал любить жизнь. Здоровье мое ужасно гадко, и я совсем разучился бороться с хворью. Да и с чего же здесь можно быть здоровым. Индивидуальность моя здесь бубально обезличилась. Сажу в больших общих камерах, и как губка впитываю в себя мелочи общежития“...

В сравнении с этой, в буквальном и переносном смысле каторжной жизнью, юношеские годы голода и скитаний, естественно, казались заключенному раем. „С каким неизмеримым счастьем променял бы свою настоящую долю на прошлый голод, невзгоды и скитания,—писал он товарищу, с которым когда-то делил тягостную жизнь безработного.—Ведь там все-таки была воля, были и мимолетные радости, которым так беззаветно отдавался, а здесь... Здесь в кошмарном хаосе переплелись между собою и цепи, и позор и беспросветные, бесконечные страдания, от которых холодеет кровь, и в 20—25 лет становишься ни на что неспособным инвалидом. О, будь ты проклята немилосердная судьба, бросившая меня в эту живую могилу. С каким бы наслаждением я плюнул в твою бесстыдную морду, если бы ты могла иметь человеческий образ. О будь ты проклят, безобразный рок, со всей своей титанической силой, и деятельностью холопа, кующего цепи всему благородному, что есть на земле. С какой справедливой злобой отдал бы я на съедение шипящим гадам земли твое грязное сердце, если бы ты мог явиться предо мною в образе человека. О будьте прокляты, прокляты, прокляты“.

А болезнь брала свое. Жизнь догорала. Как бесплодно протекла она. Сколько ярких, душу возвышающих впечатлений в ее начале, а теперь какой мрак—мрак близкой могилы.

Вот и прожита жизнь. Оглянусь ли назад:
Виджу юность стоит вдалеке,
Вся в огне боевом, на верху баррикад
С ярким знаменем воли в руке.

Настоящее ль мыслью печальной взгляну:
Видю молодость—смысл бытия—
Бесполезно проходит и гибнет в плеску,
Тяжело кандалами звеня.
Кровь из сердца сочится у ней на груди,
Нештотажная скорбь на челе—

И идет она к смерти во тьме без пути,
С затаенным упреком земле.

Вот и прожитая жизнь. Только на ноги встал.

Исказал всему миру: „Люблю!“

Налетала гроза—надломился—упал!

И теперь у могилы стою.

Еще несколько дней и не станет меня,

Мрак, безмолвье, черви. За что?

Для чего я родился и жил, не живя?

Кто на это ответит мне? Кто?

Он умер в начале октября 1911 года в Херсонской тюремной больнице. Лежавший рядом с ним больной—тоже из рабочих—следующим образом описал его последние минуты.

„Пришел он сюда в больницу в первых числах сентября. Мог еще самое-как двигаться, но болезнь брала свое. Ел очень мало... В субботу спрашивает меня: „Могу ли я иметь свидание. Если бы побыть на свидании с Марусей хоть несколько минут, я был бы бесконечно счастлив. Чувствую, что я бы ожил“. Потом задремал. Вдруг подзывает меня и говорит: „Скажи, Афоня, этим мужикам, чтобы они одели шляпы и шли с Богом. Что им от меня надо. А то, ишь поставили стол, одним концом упирается в небо, а другим в землю“. Бред усилился. Называл какие-то имена. Утром, часу в седьмом я подошел к нему, смотрю не спит. „Как здоровье“, спрашиваю. „Эх, Афоня, если бы ты знал, как не хочется умирать. Боже мой. Да ведь я еще не жил. Ведь я только начинал жить, только хотел жить, а уж пришла смерть грубая и говорит: „Собирай свои вещи и пойдем“. „Куда?—Спрашиваю я—и зачем? Да разве я тебе говорил, что мне здесь плохо“. Потом вдруг зарыдал. Так зарыдал, что, казалось, стены содрогнутся. Далее говорит: „напишем письмо Марусе и Ване. Я, говорит, продиктую, а ты напишешь и конец“. Не пришлось ему диктовать. Пока я отвернулся на одну минуту, чтобы взять бумагу, его уже не стало.

Алексей был в высшей степени интеллигентный человек. Умирать ему ужасно не хотелось, да кому хочется умирать и еще в такие молодые годы. Да, симпатичный человек был. В высшей степени гуманный и порядочный. Чем и объясняется, что все его любили.

Ему не было и 25 лет.

Так погиб замученный царскими опричниками, даровитый раб из которого при иных условиях мог бы выработаться крупный поэт.

III.

Поэтическое наследие безвременного погибшего Алексея Гмырева чахнет художественным блеском. В нем нет ни яркой образности, выражения, ни мелодичности напева. Он, впрочем, сам,—как Барне был обольщен своей музой.

Нет в моих песнях ни тени искусства,

Нет в них ни музыки, ни красоты

признается он.

Стихотворения его—ни создания художественной мысли, ермолч меТ в поэтическую форму исповедь рабочего, жертва насилия, жаждущая свободу.

В стенах глухой и холодной темницы
Их порождали тоска и любовь.
Только лишь тот их поймет и оценит,
Кто, как и я, беспредельно страдал,
Тот, кто, как я, в волю светлую верен,
Тот, кто, как я, без борьбы изнывал.

Впрочем, мы не имеем права подходить к оценке поэтического наследия Гмырева с чрезмерной строгостью. Он не только умер в юные годы, когда его талант не мог еще проявить всю ему свойственную силу — тюрьма и болезни должны были, естественно, пагубно отозваться на его творчестве. Он это сам прекрасно понимал: «обстановка, в которой я нахожусь, давит мысль и чувство», — писал он, — и поэтому мои творения не носят систематического характера. Надеюсь, при лучшей обстановке запеть красивее и сильнее. А когда это будет, трудно сказать».

Нет в поэзии Гмырева и ничего специфически пролетарского. Нет и намека на заводскую жизнь, на шум и грохот машин, нет образов и мелодий, подсказанных заводским бытом и машинной техникой. Если невзначай с пера его сорвется и рабочая песня, то это не более, как жалоба приниженного и переутомленного бедняка.

Эх, ты жизнь моя,

Бесприветная,

Словно ноченька беспросветная.

Средь чужих людей

В шумном городе

Ты проходишь вся

В нужде — голоде.

Не любви огонь

Волновал тебя,

Не сердечный друг

Миловал тебя,

Нет, в другом огне —

За работою,

Ты пришла с тоской

Да заботою,

Поздно вечером

Прибрелешь домой,

Словно ад стоит

В голове больной,

Обесильный

И озлобленный

В постель кинешься,

Как надломленный.

И так день за днем,

Год за годами,

Ты идешь с нуждой

Да невзгодами.

Эх, ты жизнь моя,

Несчастливая,

Сердце темное

Терпеливое.

Словом, поэзия Гмырева не поэзия квалифицированного рабочего, не поэзия рабочей аристократии, а отзвук чувств и мыслей рядового массовика.

Тем громче звучит в его стихах тот революционный пафос, который жил в груди рабочей массы в достопамятный период от первых политических

забастовок (1901—1903 г.) до октябрьского и декабрьского движения 1905 г. На тему о рабочем восстании им написано несколько стихотворений, два из которых мы здесь приводим:

В черном мраке душевной ночи

Стонет злой набат,

Тойны грозные рабочих

В улицах кипит.

Их жилищ своих с проклятием

Бековым папам

Они встали дружной ратью

На беду царям.

И на место жизни ада,

Где давил их мрак,

Вырастают баррикады,

Рвется красный флат.

А набат мятежным словом

Бьет их по сердцам.

„Смерть врагам! Долой оковы!

Жизнь и честь борцам!“

В черном мраке душевной ночи,

В боевом дыму,

Рать свободная рабочих

Рушит жизнь-тюрьму.

Или вот стихотворение из того же цикла.

Под знамя восстания, под знамя борьбы

Во имя труда и свободы марш атакуем

Стекаются грозно отсюда рабы,

Как шумные вешние воды.

И бросив свой вызов проклятью врагов,

Давивших их черным копмаром,

Они озарили твердыню врагов

Восстанья великим пожаром.

И гневно сжигая в мятежном огне

Позорную рабскую долю,

Понесся сзывающий крик по стране:

„За волю, за волю, за волю“!

Но крепки оплоты тупых палачей,

Солдат ослепленные рати,

И бой, разгораясь сильнее и сильнее,

Сливается с гулом проклятий.

На месте погибших народных борцов

Являются новых отряды,

И в ужасе падают стены дворцов,

И грозно растут баррикады.

И гневно, свергая в мятежном огне

Позорные цепи и долю,

Несется сзывающий клич по стране:

„За волю, за волю, за волю“!

Не было для заключенного, заживо похороненного, более тягостного сознания, как то, что он обречен прозябать в „живой могиле“, тогда как там, за тюремной стеной, кипит и ширится борьба.

Благовест весенний, благовест пасхальный,

В воздухе лазурном весело пудит,

Только для меня он песней погребальной

И воспоминаньем прошлого звучит.

Всех объединили общие невзгоды,
 Всех сроднит позорный, ненавистный гнет,—
 И во имя права поправной свободы
 Поднялся, как море, труженик народ.
 Только мне на долю дал удел печальный
 Догорает юность в душевной полутьме.
 Благовест весенний, благовест пасхальный!
 Не звучи весельем... я в тюрьме, в тюрьме.

Но пусть он сам, отрезанный от всего живого железной решеткой, замураванный „в келье душевной и темной“, лишен возможности участвовать в борьбе, он, как горьковский Данко, вырвет из груди своей сердце, и зажженное, как факел, оно воспламенит огнем протеста и мятежа не мало других сердец.

Гори, мое сердце, бестрепетно, смело,
 Не прихотью чувства, не бесплотной тоской,
 А жаждой великого общего дела
 Борьбы за свободу отчизны родной.
 Гори. Твое честное пламя
 Охватит немало таких же сердец,
 Гори, мое сердце, как красное знамя,
 Которое поднял рабочий борец.

Из своей „кельи душевной и тесной“ одинокий заключенный продолжал звать товарищей на воле, несмотря на торжествовавшую реакцию, продолжать вооруженное восстание против гнета и произвола, за волю и счастье рабочего народа.

Нет, товарищи, так дольше жить нельзя,
 Лучше смерть, чем жизнь позорная рабов,
 Выходите же на улицу, друзья,
 Из своих прогнивших домиков-гробов.
 Прочь, бессилые. Становитесь в ряды.
 И вперед. На верх горящих баррикад. За свободу!
 Тот изменник, кто вернется с них назад,
 Выходите же на улицу скорей.
 На борьбу, на верх горящих баррикад.
 Стидно жить под гнетом мрака и цепей,
 Смерть или воля. Вот наш позунг и набат!

И, несмотря ни на что, он верил до конца, что битва рабочего класса завершится желанной победой, и из хаоса разрушения, вызванного великой социальной бурей, выйдет в солнечном блеске мир свободного труда.

Лес шумит. Молодой жизнерадостный лес,
 Полный веры в свободу и счастье,
 Гордо рвется листвою в глубь маяющих небес
 И звенит, и поет песню вольных чудес
 И горит необъятною страстью.
 Лес шумит. Тяжко стонет раскатыстый гром,
 Хмуро танцуют по небу тучи,
 Дико ветер гудит и в сумрачный кругом
 Собирает грозу... Тьма нависла кругом.
 Лес всему шлет свой вызов могучий.
 Лес шумит. В грозном вихре великой борьбы
 Смокли долгие стоны бессилья.
 Гневом-мстью горят молодые дубы
 Против тьмы вековой и железной судьбы,
 Против рабских цепей и насилия.
 Лес шумит. Долго длится борьба. Но за ней

Солнце мира осветит природу,

Поле битвы залет морем ярких лучей,

И на нем не найдет ни рабов, ни цепей,

А увидит лишь труд и свободу.

IV.

На ряду с общественно-революционными мотивами в поэзии безвременно-погибшего поэта-рабочего значительное место занимают и мотивы личных переживаний. Любовь к невесте, доставлявшая ему как на воле, так и потом в тюрьме, столько радости и утешения, была—после музыки борьбы—его главной вдохновительницей. Почти нет ни одного к невесте письма, к которому бы заключенный не приложил стихотворения, полного ласк, клятв и привета. Отдав всю жизнь, все помыслы свои делу рабочего класса, делу пролетарской революции, он взял себе один только миг—миг первого свидания.

Счастливый миг. Я не забуду

Твое чуть слышное „люблю“

С ним я бестрепетно повсюду

Борюсь, страдаю и ною.

В борьбе за счастье и свободу

Страны любимой и родной

Я отдал нашему народу

Весь жар груди моей молодой.

Я отдал все: здоровье, силы

И думы страстные мои,

И все, что в жизни мне сулило

Восторги счастья и любви.

Одно лишь первое свиданье

У жизни взял я для себя.

Порой перо поэта, разлученного с той, которая была для него дорожее всех людей, чертит ее образ „русалочки“ находя для него краски непривычные и неожиданные.

Ее личико бледно печальное

Хорошо, хорошо, как мальва,

Как малиновок пенье хрустальное,

Как родных васильков синева.

Ее бровки—два прутика лозные,

Частый гребень ресниц—красота,

Просинь век ее—крылья стрекозные,

Две расцветших гвоздики—уста.

Ее волосы темные, длинные

Тяжелы, тяжелы, как тоска,

Как о рабстве рассказы старинные,

Как подвальная песнь бедняка.

Ее груди—две хрупкие лилии

Плечи—мрамор, лесные снега,

Руки—лебедей вольных воскрилии

Зелень глаз—заливные дуга.

Любимая девушка для него возлюбленная и товарищ в одном лице, свободный человек и свободная подруга.

Я люблю в тебе мудрое знание

Человека и Вольной Жены

О, мой друг, я хочу, чтобы в страданьи

Как и в счастье мы были равны.

Жизнь Алексея Гмырева сложилась так трагично, что из него не мог выработаться крупный поэт. Потому, что он сделал, никак нельзя судить, однако, о том, что он мог бы сделать. Освобожденный из тюрьмы, в свободной стране, он, несомненно, занял бы почетное место в первых рядах наших пролетарских поэтов.

Долгое время Алексей Гмырев крепко верил, что победа рабочего класса—дело недалекого будущего, и из восторженной его груди вырвутся песни, обвешанные красотой и силой.

Пой, мое сердце. В окопах неволи

Негодованием и местию звучи.

Близко, уж близко желанная война,

Скоро позорно падут палачи.

Знайте, товарищи, годы страдания

Мстью, борьбою я вмиг искуплю

И на развалинах рабского злания

Вольные песни тогда запою.

Для заживо замурованного поэта—рабочего этот светлый миг не наступил, и нам—его пережившим—остается только повторить по адресу палачей, сгубивших его молодую жизнь, его многообещающий талант, его страстное:

„Будьте прокляты, прокляты, прокляты“!

В. Фриче.

К созыву второй Всероссийской Конференции Пролеткультов.

Норма представительства.

На конференцию посылают представителей с решающим голосом:

Иваново-Вознесенский губернский Пролеткульт—5 делегатов.

Московский городской Пролеткульт—5 делегатов.

Петроградский городской Пролеткульт—5 делегатов.

Тульский губернский Пролеткульт—5 делегатов.

Губернские Пролеткульты посылают каждый по 3 делегата.

Городские и уездные Пролеткульты каждый по 2 делегата.

Районные и фабрично-заводские Пролеткульты каждый по 1 делегату.

Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта—15 делегатов.

Организационное Бюро по созыву Конференции—5 делегатов.

Редакция журнала „Пролетарская Культура“—2 делегата.

Ревизионная Комиссия Всеросс. Совета Пролеткульта—2 делегата.

Центр. Ком. каждого производственного профес. союза—1 делегата.

Центр. Комит. Союза Работников Просвещения и Социалистической культуры—1 делегата.

Третий Интернационал—1 делегата.

Всеросс. Центр. Испол. Ком. Советов—1 делегата.

Центр. Ком. Росс. Коммун. Партии—1 делегата.

Всеросс. Центр. Совет Профессиональных Союзов—1 делегата.

Центр. Комитет Коммун. Союза Рабоч. Молодежи—1 делегата.

Народный Комисariat Просвещения—3 делегатов.

Социалистическая Академия—1 делегата.

Политическое Управление Рев. Воен. Сов. Республики—1 делегата.

Главный Комитет Трудармии—1 делегата.

Московский Совет—1 делегата.

Московский Комитет Росс. Ком. Партии—1 делегата.

Московский Совет Професс. Союзов—1 делегата.

На конференцию посылают представителей с совещательным голосом:

Незарегистрированные Пролеткульты каждый по 1 делегату.

(Решающий голос будет даваться по представлению мандатной комиссии и с утверждения Конференции.)

Клубы „Пролетарской Культуры“ каждый по 1 делегату.

Отдельные лица приглашаются по решению Орган. Бюро.

Порядок для Конференции.

Пленарные заседания.

Отчет Центр. Ком. Всеросс. Сов. Пролеткульта.

Объем и характер работ Пролеткульта (докл. В. Полянский).

Методы пролетарского творчества (докл. А. Богданов).

О профессионализме рабочих в искусстве (докл. А. Луначарский).

Рабочий театр (докл. П. Керженцев).

Организационные вопросы (докл. В. Игнатов).

Секционные заседания.

Научная секция (докл. А. Богданов).

Литературно-Издательская секция (докл. В. Плеханов).

Театральная секция (докл. В. Смышляев).

Музыкально-вокальная секция (докл. В. Красин).

Секция Изобразительных искусств.

Клубная секция (докл. А. Додонов).

Детская секция.

Организационная секция: а) о профессиональном союзе работников пролеткульта (докл. В. Игнатов), б) о возрастном составе студийцев, в) о стипендиях и стипендиатах (докл. Ст. Кривцов).

Инструкция делегатам Конференции.

1) Каждый делегат, отправляясь на конференцию, должен иметь мандат за печатью организаций, которыми он делегируется, за подписью председателя и секретаря.

2) Делегат должен привести заполненным отпечатанный ниже анкетный лист за надлежащей подписью и печатью.

3) Новые вопросы могут быть включены в порядок дня конференции не позже, как за две недели до ее открытия. Для этого необходимо в письменной форме сообщить Орг. Бюро тему доклада, имя, отчество и фамилию докладчика и приложить отпечатанные на машинке в 10 экземплярах тезисы.

4) Прибывшие на конференцию делегаты должны зарегистрироваться в Орган. Бюро.

Регламент Конференции и ее секций.

1) Занятия конференции происходят два раза в день: утром от 10 до 2 и вечером от 4 до 9 час.

2) Каждый член конференции обязан принять участие в работах одной из секций.

3) Докладчик пленума и секций имеет 45 мин. для доклада и 20 мин. для заключительного слова.

4) Оппоненты имеют слово первый раз в 15 мин., второй—в 5 мин.

5) К вопросам порядка дня, к голосованию, к предложениям и тому подобное дается слово за и против по 3 минуты.

6) Личные заявления в конце собрания по 3 минуты.

- 7) При голосовании резолюций по докладам пленума дается слово за и против по 10 минут, при голосовании поправок по 5 минут.
- 8) При голосовании резолюций, предложенных секциями, докладчику от секций 10 минут и 5 минут на заключительное слово. Оппонентам по 5 минут.
- 9) Каждая секция выбирает президиум: председателя, тов. председателя и секретаря; президиум ведет протоколы своих заседаний и утверждает их.
- 10) Каждая секция принимает резолюцию и выбирает из своей среды докладчика для защиты ее на пленуме.

Анкета.

- 1) Название организации и адрес ее.
- 2) Район деятельности и количество объединяемых и просто обслуживаемых организаций (перечислить в отдельности точные названия первых и вторых). Характеристика района в производственном отношении (какие существуют промышленные предприятия, связь рабочего с деревней).
- 3) Время возникновения и краткая история организации.
- 4) Взаимоотношения с другими организациями (профес. союзами, комитетами Рос. Ком. Партии, Отделами Народ. Образован. и т. п.).
- 5) Пользуется ли организация помощью других организаций, каких именно, и в чем помощь выразилась?
- 6) На какие средства живет организация?
- 7) Отчет о деятельности организации за время ее существования. (По возможности сообщите в цифрах).
 - а) Какие отделы имеет организация (научный, литературно-издательский, театральный, изобразительных искусств, музыкально-вокальный, клубный, детский, организационно-инструкторский и другие)?
 - б) Какие студии работали, сколько времени работали каждая студия, сколько было в каждой студии студийцев, их социальный (рабочие, полурабочие, крестьяне, мещане, интеллигенты) и партийный (коммунист, меньшевик, эсер, анархист, беспартийный) состав?
 - в) Какие студии работали с перерывом и по каким причинам?
 - г) Социальный и партийный состав руководителей студий?
 - д) Социальный состав клубов и других учреждений Пролеткульта?
 - е) Сколько было стипендиатов, в каких студиях и на каких условиях?
 - ж) Что издано Пролеткультистом вообще, его студиями, его клубами, школами и учреждениями?
 - з) Что имеется к изданию и почему не издано?
 - и) Какие общие лекции читались для всех студийцев? Их посещаемость?
 - к) Какие лекции читались в каждой студии? Их посещаемость?
 - л) Какие работы велись в каждой студии?
 - м) Театральный репертуар (перечислить, что ставится).
 - н) Музыкально-хоровой репертуар (перечислить исполняемые произведения).
 - о) Какие достижения в студиях, клубах и других учреждениях Пролеткульта?
 - п) Чем обуславливались успехи и неудачи в работе?
 - р) Сколько было общественных выступлений и каких (театральных, хоровых, агитационных, вечеров и т. п.)?
 - с) Устраивались ли инструкторские курсы?
 - т) В чем ощущается наибольшая нужда?
- 8) Каково отношение рабочих к культурно-творческой работе?
- 9) Точное количество студийцев, членов клубов и руководителей в своей организации, во всех объединенных и во всех обслуживаемых.
- 10) В чем выразилась помощь фронту?
- 11) Какая работа больше интересует рабочих?

Организационное Бюро просит ответить на все вопросы возможно обстоятельнее и присоединить к анкете весь имеющийся печатный материал. Все, более или менее имеющее значительный интерес, будет напечатано в нашем журнале „Пролетарская Культура“ или же отдельным выпуском.

Вторая Всероссийская Конференция Пролеткультов назначена на 15-ое сентября с. г. в гор. Москве. Товарищи, готовьтесь!

Орг. Бюро Ц. И. В. Сов. Пролеткульта по созыву Конференции.

Хроника „Пролеткульта“

За границей.

Мы помещаем ниже статью, появившуюся в газете „Коммунист“ от 1 мая 1920 г. № 4. Газета издается в небольшом фабричном городке Швейцарии — Биле. Этой газетой руководит Пролеткульт.

Пролеткульт.

Работа Пролеткульта сильно отличается от просветительной работы, как она до сих пор ведется буржуазными элементами и рабочим движением. Совершенно порывается с методом докладов, при котором рабочий-слушатель, часто усталый и изнеможенный от дневной работы, часами должен слушать лекцию выше его стоящего по развитию товарища, так что слушатель не может справиться с мыслями и в конце концов убегает с лекции. Такова практика многохвальной просветительной работы социал-демократов. В Пролеткульте докладчик должен быть лишь руководителем дискуссии, при чем все понятия вырабатываются совместно, коллективно. Ему приходится не только учить, но и учиться самому, так как рабочий — мыслящий человек и в дискуссию имеет возможность внести нечто совсем новое. Он перестает быть пассивным и становится самостоятельным, что наиболее необходимо коммунизму. Так выясняемые методы находят наиболее непосредственное практическое применение. Умственно ленивый и неопытный, благодаря этой системе, неизбежно побуждается к работе. Эта система должна вводиться уже со школы. Провозглашенная пролетариатом единая трудовая школа должна приводить учащихся к теоретическим выводам одновременно и параллельно работе, которую они сами выполняют. В общежитии, в ежедневной работе, этот метод приведет к тому, что рабочие не будут механизироваться и притупляться, но, по крайней мере наиболее одаренные и способные, смогут продуктивно и сознательно работать и находить радость в своем труде. Теперь еще нельзя предвидеть всех новых возможностей, но они заключены в самой сущности метода, который стремится со временем развить объединение умственного и физического труда. Это будет большой победой культуры и разрешением важнейшего вопроса коммунизма, который стремится усовершенствовать машины и освободить человека.

Организация „Пролеткульт“ (полное наименование „Пролетарская Культура“) необходима, как специальная коммунистическая культурно-просветительная организация, которая собирает наиболее передовые и развитые силы пролетариата.

Задача состоит прежде всего в том, чтобы на пути к строительству в области науки и искусства вести борьбу за окончательную победу над буржуазией. Пролеткульт должен в период борьбы стойко поддерживать умственную жизнь и интересы рабочих, организовывать духовную работу, концентрировать общественную активность, внутренне связывать членов с движением и втягивать безразличные элементы. Далее, Пролеткульт должен открыть наиболее развитым пролетариям возможность творческого сознательного труда в науке и искусстве.

Комитет, образованный из инициативной группы и представителей различных секций партий, заводских коммунистических ячеек, рабочих советов и проч., вырабатывает единую образную программу работы, при чем после выработки весь комитет разделяется на отдельные группы.

Образуются следующие отделы:

1. Инструкторский отдел, — он организует так называемые курсы для руководителей, где теоретически проходят методы Пролеткульта в связи с различными способами применения искусства и науки. Весьма желательным было бы ближайшее участие специалистов в области науки и искусства.

2. Клубный отдел имеет задачей создание в различных округах местности рабочих клубов и клубов-читален, в которых концентрируется вся духовная и общественная жизнь участников.

В клубах должны быть образованы отделы литературы и искусств.

а) Литературная секция, в которой читаются и критически разбираются собственные произведения участников или чужие.

б) Хоровая секция, если возможно, с небольшим оркестром.

в) Драматическая секция, небольшие сцены, диалоги и проч.

г) Секция изобразительных искусств: живопись, прикладное искусство, обучение ценить произведения, посещения с руководителями выставок.

ОБЖОМ Секции устраивают смешанные художественные вечера с докладами, музыкой, чтением революционных стихов и прочее.

Каждый клуб обладает одной из вышеперечисленных секций.

3. Библиотечный отдел, имеющий задачей снабжать всю организацию книгами, газетами, журналами и в особенности собирать все произведения рабочих.

4. Научный отдел должен составлять программы и распределять руководителей в разные секции. В неделю должен происходить по меньшей мере один дискуссионный вечер по примерной программе:

а) Политический и экономический курс (программа партии, политическая экономия, учение о развитии хозяйства).

б) Научная часть, в зависимости от имеющихся сил. Всегда необходимо начинать с разъяснительной дискуссии о сущности Пролеткульта и методах творчества пролетарской культуры.

в) Редакционная часть. Издательство журналов и прочих печатных произведений.

6. Международная часть. Вступает в связь со всеми коммунистическими партиями с целью образования Пролеткультов и обмена опыта и литературы. Присоединение к Всероссийскому Пролеткульту и тесный контакт с ним.

4-й Съезд Всероссийского Совета Пролеткульта.

1-3 июля происходили заседания 4-го съезда Всероссийского Совета Пролеткульта. Присутствовали делегаты из Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Тамбова, Тулы, Твери, Рыбинска, Челябинска, Саратова, от Организационного бюро Украины, Кавказа и Крыма и из других мест.

В порядке дня стояли вопросы:

1) О Всероссийском Профессиональном Союзе писателей рабочих.

2) Объем и характер работ Пролеткульта.

3) Текущие дела.

Приняты следующие решения:

1) О 1-ом Всероссийском Съезде пролетарских писателей.

4-й Всероссийский Съезд Совета Пролеткульта, ознакомившись с работами Всероссийского совещания пролетарских писателей 15 мая 1920 г. и считая, согласно решению 1-ой Всероссийской Конференции Пролеткульта, что организационное бюро по созыву всероссийского съезда пролетарских писателей должно быть при Ц. К. Пролеткульта, обязывает членов пролеткультов в Орг. Бюро проводить нижепечатаемый наказ.

В случае же невозможности осуществить этот наказ, члены Пролеткульта оставляют Орг. Бюро, а всероссийский съезд пролетарских писателей созывается самостоятельно от имени Всероссийского Совета Пролеткульта.

Наказ.

1) На съезде могут присутствовать пролетарские писатели, если они в своем творчестве стоят на точке зрения классовой пролетарской культуры.

2) Те из пролетарских писателей, которые почему либо не могли печатать свои произведения, удовлетворяя 1-ому пункту данного положения, должны иметь документ от авторитетной организации, свидетельствующей о их работе, как писателя.

3) Писатели-рабочие пользуются решающим голосом, писатели не рабочие—совещательным голосом.

4) Членские карточки съезда выдаются мандатной комиссией, по рассмотрении заполненной приехавшим на съезд анкеты.

5) Кроме того на съезд приглашаются с решающим голосом по 1 представителю от Ц. К. С., Ц. К. Р. К. П., В. Ц. С. П. С., Ц. К. Е. С. М., Н. К. Пр., Ц. К. В. С. Пр. Московского городского, Петроградского, городского, Иваново-Вознесенского губернского и Тверского губернского Пролеткультов.

6) Порядок дня съезда:

1) а) Текущий момент и задачи пролетарской литературы.

б) О пролетарском творчестве.

в) О пролетарской критике.

2) а) О всероссийском профессиональном союзе пролетарских писателей.

б) Утверждение устава.

7) Съезд созвать на 20 сентября 1920 года.

2) По вопросу о Всероссийском Профессиональном Союзе Пролетарских писателей.

Объединение пролетарских писателей (публицистов, критиков, беллетристов, поэтов и работников в области науки) должно существовать в целях экономическо-правовой защиты своих интересов, как секция соответствующего Всероссийского Профессионального Союза работников Пролеткульта.

Идеологическую же работу объединение ведет в Пролеткультах, организационно и творчески работая в соответствующих отделах.

3) По вопросу о Всероссийском Профессиональном Союзе работников Пролеткульта.

4-й съезд Всероссийского Совета Пролеткульта после продолжительной дискуссии принял решение, указанного профессионального союза не создавать; вопрос поставить на 2-й Всероссийской Конференции Пролеткульта.

4) По вопросу об объеме и характере работ Пролеткульта.

4-й съезд Советов в целях дальнейшего развития организационно-творческой деятельности Пролеткульта, признает необходимым:

1) В первую очередь направить деятельность всех Пролеткультов на подготовку через свои студии ответственных структурно-организационных и творческих сил в области пролетарской культуры для образования из них творческих показательных групп, по специальным отраслям про-

летарского творчества, регулярно отчитывающихся в творческих достижениях пролеткульта перед пролетарскими массами, проводя этим широкую агитацию и пропаганду идей пролетарской культуры.

В этих же целях съезд поручает Ц. К. Пролеткульта организовать при себе Центральные, Всероссийского масштаба, студии во всех областях деятельности Пролеткульта.

2) Для установления строгого единства, идейного и организационного, в работах студий Пролеткульта, вменяется в обязанность Ц. К. Пролеткульта внести по этому вопросу на 2-ю Всероссийскую Конференцию Пролеткульта детально разработанный план с надлежащим идейно-теоретическим обоснованием.

5) Пролеткультам.

4-й съезд Всероссийского Совета Пролеткульта обращает внимание всех губернских, городских и районных Пролеткультов на организацию фабрично-заводских Пролеткультов согласно плану организации Пролеткульта.

В провинции.

По газетам за январь—апрель.

Пролеткульты.

Петроград. В местной „Красной газете“ отмечается, что в драматической студии пролеткульта идет усиленная работа по подготовке сценария ко дню годовщины Красной армии. Помимо практических работ в студиях пролеткульта идут учебные занятия по общеобразовательным предметам.

24 февраля во дворце пролетарской культуры состоялся большой спектакль-концерт, посвященный годовщине Красной армии. В программе значились: инсценировка в 4-х картинах в исполнении драматической студии пролеткульта, концертное отделение при участии хора и солистов музыкально-вокального отдела пролеткульта и при участии декламаторов театральной студии.

Петроград. В издательстве пролеткульта в скором времени выйдет в свет первая книга стихотворений для детей, написанная тов. Б. Богомоловым; книга издана иллюстрирована и выходит под заглавием „Зори“.

Петроград. В пролетарской школе музыки пролеткульта открывается класс оперного ансамбля.

Петроград. 18 апреля во дворце пролетарской культуры состоялись: 1) утро памяти Левских событий, 2) публичный диспут на тему „Культура пролетариата“ и 3) спектакль-концерт.

Петроград. Учениками музыкальной школы пролеткульта был устроен первый концерт. Этот концерт на слушателей произвел приятное впечатление. Особенно присутствующим понравилось исполнение детьми галона в шесть рук; этой игрой публичка была приведена в восторг.

Ижевск, Вятской губ. В начале апреля в местном пролеткульте состоялось общее собрание членов литературной студии. На этом собрании произошли выборы организа-

ционной комиссии по выработке плана и методов для предосвоения студийных работ.

Боровичи, Новгородской губ. В конце апреля местной женской секцией был устроен спектакль. Артисты были из пролеткульта; шли „Евреи“.

Тамбов. Губпролеткультам предложено всем уездным организациям выделить наиболее способных товарищей и командировать их в студию губернского пролеткульта. При этом 3—4 товарища от каждого уезда обеспечиваются за счет губпролеткульта, а остальные службю в г. Тамбове.

Кирсанов, Тамбовской губ. С 11 марта при пролеткульте открывается художественная студия. В студию будут приниматься только члены профессиональных союзов.

Тамбов. Тамбовский губернский пролеткульт, недавно представлявший из себя маленькую и еще заметную музыкально-художественную ячейку, ставивший главной своей целью организацию пролетарского хора, ныне развернул свою работу в губернском масштабе.

За непродолжительное время пролеткульта были открыты классы музыки, пения, художественного чтения (декламации и мелодекламации), хореографии и балетных танцев.

Результатом умелой постановки работы в этих классах было настоящее превращение пролеткульта во дворец пролетарского искусства.

Особенный интерес проявляется к музыкально-художественному искусству. Этот интерес захватил даже самых юных детей, которые шумным потоком хлынули в пролетарский хор.

По отзывам местных „Известий“, даже враги революции, буржуазия, очень завидует и удивляется, видя детей пролетариата в храмах искусства в качестве творцов и исполнителей.

Тверь. 24 февраля состоялось расширенное заседание совета городского пролеткульта. На этом заседании выяснилось, что ту работу, которую до сих пор вел пролеткульт, можно безотказно передать внешкольному подразделу отнабразова. Теперь же студийной работы, где выявлялось бы творчество пролетариата, нет.

После долгих прений решено созвать общегородскую конференцию пролеткульта 10 марта.

Тверь. Советом пролеткульта командирована на местные советские курсы работница фабрики „Победа“, тов. Батанова, член совета пролеткульта.

Кострома. 1 февраля состоялось собрание Президиума Пролеткульта, на котором решено: 1) сконструировать Президиум, устраивать собрания, установить дежурства членов, организовать при клубе Художественную мастерскую, установить работу в студиях литературной, художественной, драматической и музыкальной.

Кострома. С 1 марта в рабочем клубе пролеткульта открылись лекции-беседы о театре. Регулярные занятия с студийцами решено начать с 5 марта.

Нижегород. Военным пролеткультам по случаю двухлетней годовщины Красной

армий был поставлен концерт-митинг, бесплатный для красноармейцев.

Брянск, Орловской губ. В самом конце февраля пролеткульт был реорганизован. По отзывам местной прессы, с реорганизацией пролеткульта стала великолепно работать театральная секция. Ставится лучший репертуар.

Правление пролеткульта составлено из лучших работников-пролеткультовцев.

Сердобск, Саратовской губ. За февраль месяц театрально-драматической секцией пролеткульта было поставлено 2 спектакля, при содействии, повидимому, пролеткульта, школой II ступени—2, труппой моряков—1, подотделом местного гарнизона—2; всего, включая сюда спектакли, организованные в „неделю фронта“, было поставлено 12 спектаклей; посетителей было 6570 человек.

По мнению рецензента газеты „Серп и Молот“, деятельность театрально-драматической секции принимает все более и более широкие размеры.

Сердобск. 29 февраля в Народном доме был устроен митинг-спектакль для мобилизованных. По окончании митинга начата спектакль. Труппой пролеткульта была разыграна 5-актная пьеса Красовского: „Женя из Ножевой линии“. По отзывам местной газеты „Серп и Молот“, пьеса имела большой успех.

Симбирск. Под редакцией пролеткульта вышел сборник „Смех сквозь слезы“, рассказы тов. Белоцерковского, председателя пролеткульта и председателя горкомитета Р. К. П. Сборник в художественном издании будет распространен в количестве 4000 экз. по фабрично-заводским районам; сборник одобрен губкомиссией, так рекомендованная книга для чтения в школах II ступени и в школах для взрослых.

Ярославль. 5 марта состоялось собрание клубного совета. Новому президиуму поручено советом в двухнедельный срок созвать конференцию для создания пролеткульта и заранее подготовить необходимые для этой цели материалы. Таким образом давно назревшая необходимость в пролеткульте, неоднократно обсуждавшаяся на страницах местной печати, выливается в реальные формы. Все попытки объединения культурно-просветительной деятельности в Ярославле таким путем, хотя бы в виде центрального клуба, успехом не увенчались. Создание пролеткульта, мощного пролетарского объединения всех клубов, культурно-просветительных комиссий, кружков и т. д., безусловно положит конец тому хаосу в этой важнейшей отрасли местной жизни, который царил до сих пор, когда работа велась врозь, без определенного плана, без единого руководящего центра.

Орел. Поднят вопрос о необходимости создания Пролеткульта, который раньше существовал, но распался из-за отсутствия работников.

Смоленск. Смоленский губернский пролеткульт, чтобы создать литературную студию при пролеткульте, обратился ко всем пролетарским писателям с предложением вступить в учреждаемую литературную студию.

Одесса. Открыт клуб, как ближайшая ступень в пролеткульту.

Пенза. Губпролеткульт сообщает, что им решено устроить целый ряд концертов и спектаклей.

Пенза. Советом местного пролеткульта на пасхальной неделе был устроен митинг-концерт с докладами на тему „задачи пролеткульта“ и о „рабочем клубе“.

Первый вечер в рабочем клубе был посвящен памяти недавно скончавшегося пролетарского поэта и романиста П. Вессалько. **Пенза.** С 12 по 18 апреля в театре пролеткульта были поставлены „Савва“, Андреева, „Мать“, Горького, „На дне“, Горького, „Дети Ванюшина“ и „Дни нашей жизни“; кроме того был проведен один митинг на тему „О пролетарской культуре“.

Тула. При патронном заводе раньше существовала культурно-просветительная комиссия; теперь эта комиссия преобразована в Чулковский районный пролеткульт. Несколькими позже в состав последнего вошла культурно-просветительная комиссия райкома и союз молодежи. Объединяя в одно целое культурную работу в районе патронного завода, Чулковский пролеткульт является отделением губпролеткульта.

В настоящее время Чулковский пролеткульт имеет свой театр (средняя посещаемость около 600 человек), кинематограф, струнный великорусский оркестр (30 человек), студию духовых инструментов (20 человек), библиотеку-читальню (5000 томов, посещаемость—80 человек), переплетную мастерскую, 3 детских сада (200 человек, посещаемость до 150 человек), детскую столовую, в которой пользуются обедом до 1200 человек, спортивный кружок, детский пролеткульт для объединения детей и направления их деятельности на трудовых началах (до 150 человек), ремесленное училище и воскресные курсы для взрослых с преподаванием токарного, слесарного, кузнечного и столярно-модельного ремесла.

Тула. Тульский районный железнодорожный пролеткульт приводит следующий конкретный (цифровой) отчет за зиму 1920 г.

Платных спектаклей было поставлено 60, из них на станциях железнодорожной линии—10, бесплатных—19, из них по станциям—10, концертов—8, митингов—5, лекций—16, детских спектаклей—4, детских билетов—6, и кинематографических сеансов—18.

Пролетарские университеты и курсы.

Москва. 17 января с. г. слушатели рабочего факультета I Московского государственного университета праздновали свою первую годовщину существования названного факультета.

Слушатели сейчас, главным образом, рабочие, до 1000 чел. С 5 до 10 часов вечера жизнь на факультете бьет ключом во всем громадном университете (новое и старое здания). Работа кипит всюду. Прием слушателей возрастает. Во всех правящих органах факультета, комиссиях, вплоть до президиума, имеются представители от слушателей. Громадная ячейка, около 200 человек, в лице своего бюро фракции работает всюду.

Созданы группы для изучения социалистической мысли в России с участием лучших преподавателей. Устраиваются воскресники с участием беспартийных.

Москва. При местном политехническом институте открыт рабочий факультет.

Рабочий факультет имеет целью сообщить широким массам рабочих целый цикл знаний, освещающих производимую ими повседневную работу с технической и социально-экономической точек зрения на общеобразовательной основе.

На ряду с самостоятельным назначением факультет является в то же время подготовительным к академическим отделениям института и других высших технических школ и университетов.

Москва. При местном институте инженеров путей сообщения имеется рабочий факультет. Слушателями этого факультета являются исключительно рабочие и крестьяне, жаждущие знаний и горящие желанием помочь Советской Республике в деле строительства новой жизни.

Несмотря на то, что труд у станков 8-часовой, рабочие очень аккуратно посещают лекции.

Лесбилье, Тамбовской губ. В городе уже около 2 лет существует народный университет. В числе его слушателей насчитывается около 150 чел. Среди них имеются члены профсоюзов, служащие советских учреждений, женщины — работницы и крестьяне, командированные местными культурно-просветительными организациями.

Помимо образовательных предметов в программу университета входят предметы социологии (политическая экономия, история культуры, знакомство с конституцией Р. С. Ф. С. Р.).

Кроме обычных лекционных часов, занятия в университете ведутся кружковым способом. При университете имеется несколько кружков, — например, кружок по изучению родного края, литературы, химии и др. Кроме того, при университете функционирует бухгалтерское отделение, имеющее целью подготовку опытных счетоводов, бухгалтеров. Предполагается организовать курсы по радио-телеграфу для подготовки, так называемых, „слушачей“; местные условия этому вполне благоприятствуют (есть радиостанция).

Недавно было решено несколько видоизменить структуру и сущность народного университета, превратив его в орган коммунистического просвещения масс и частично придав характер школы партийной и советской работы.

Иваново-Вознесенск. При содействии местного педагогического института в апреле месяце открываются учительские рабочие курсы. Курсы эти имеют своей целью подготовку кадра лиц из рабоче-крестьянской среды к преподаванию в нашей единой трудовой школе первой ступени.

Прохождение программы рассчитано на 6—7 месяцев при условии интенсивных занятий со стороны слушателей.

Вся программа курсов разбивается на две части: первые 4—5 месяцев (800 часов) будут уделены проработке материала, необхо-

димого для преподавания в школе первой ступени. Сюда входят естествознание, математика, русский язык, советское строительство и конституция Советской Республики, история социализма и коммунизма, история культуры, иллюстративные работы и трудовые процессы.

Занятия на курсах предполагаются вести путем активного участия в них самих слушателей; поэтому при преподавании гуманитарных наук большое место будет уделяться беседам и рефератам, вводящим в изучение того или иного предмета; при занятиях же по естественно-историческим дисциплинам предполагается применять, главным образом, лабораторный метод, студийную работу, экскурссии и пр.

Вторая часть программы охватывает специально педагогические предметы и рассчитана на 400 лекционных часов. Сюда входят экспериментальная психология и педагогика, история педагогики и трудовой школы в связи с социальным воспитанием, детская литература и организация детских библиотек, рассказывание и драматизация, подвижные игры и физическое развитие, организация трудовой школы, сельское хозяйство, школьный музей и школьная экскурсия, методика ознакомления ребенка с природой человека, методика родного языка, математика и мироведение.

Иваново-Вознесенск. При местном политехническом институте для рабочих и крестьян открыт рабочий факультет.

Обладая всеми правами факультета, рабочий факультет пользуется всеми физическими и химическими лабораториями и всеми другими вспомогательными пособиями и материалами института.

Главными предметами являются математика, физика, кроме того, уделяется значительное место политической экономии, биологии, черчению и иностранным языкам.

При факультете организованы научные студии для тех товарищей, которые почувствуют в себе призвание к теоретической работе.

В зависимости от запаса сведений и общего развития все приняты на рабочий факультет разбиваются на пять основных семестров, из которых два первых составляют первую ступень, а три последних — вторую. Кроме указанных пяти семестров при факультете организовываются подготовительные группы. Прохождение всего курса на пяти семестрах рассчитано на 20 месяцев. Для поступления на первый семестр требуется твердое знание четырех действий над целыми числами, любой величины, быть хорошо грамотным и знакомым с азами грамматики.

Метод работ не лекционный, а сводящийся к вовлечению слушателей в интенсивную работу.

Петроград. Отделом Внешкольного Образования разработан проект об открытии Народных Университетов во всех районах Петрограда. Во многих районах университетов открыты.

Петроград. Исполкомом одобрен проект учреждения в Петрограде рабочего политехникума. Проект этот является началом осуществления новой программы в области на-

саждения специального образования среди широких рабочих масс.

Петроград. При рабочем политехникуме открыт целый ряд курсов, поставивших себе целью подготовить ряд высоко-квалифицированных рабочих и командиров труда для поднятия производительных сил Республики.

Петроград. Клубной секцией Отд. Нар. просвещения, слившейся с клубной секцией профкульты, будут созданы курсы для подготовки кадра опытных инструкторов, которым могла бы быть поручена клубная работа на местах.

Петроград. Петроградский комитет постановил организовать по районам политические школы.

Районные школы рассчитаны на 100 человек и будут существовать как постоянная организация, при чем состав слушателей предполагается постоянным: каждый выделенный товарищ обязан прослушать все 4 цикла лекций школы.

Слушатели школы выделяются исключительно коллективом. Районная политическая школа ставит своей задачей выработать из слушателей вполне сознательных коммунистов, с твердой, выдержанной принципиальной марксистской линией, знающих программу партии и ее основную линию по всем вопросам.

Казань. 18 декабря при университете открыта пролетарская школа.

Казань. При редакции «Знамя революции» открыты краткосрочные курсы журналистики (газетной работы).

Кострома. Жизнь и занятия на рабочем факультете начинают постепенно налаживаться.

Томск. Состоялось торжественное открытие рабочего института практических занятий. Занятия начались на сельскохозяйственном отделении и на отделении коммунального и местного хозяйства.

Жаитск. Смоленской губ. Открыт университет имени Петра Алексеева с 4 факультетами: 1) общеобразовательный, 2) административно-хозяйственный, 3) социально-педагогический и 4) сельскохозяйственный.

Нижков. Программа местного пролетарского социалистического университета предусматривает два курса: 1) основной и 2) специальный. Основной курс — общеобразовательный; учебный план его обнимает следующие научные дисциплины: математика, естествознание, социология; слушателям 2) курса представляется свободный выбор изучать один из следующих циклов знаний: во-первых, административно-хозяйственный; во-вторых, политический и, в-третьих, этический.

Саратов. Состоялось торжественное открытие рабочего факультета при государственном университете.

Саратов. При политехническом институте открылся рабочий факультет, имеющий целью дать кадр специалистов по организации народного хозяйства республики.

Камышин. Саратовской губ. Открыт рабочий университет с агрономическим, техническим и общеобразовательными факультетами.

Петровск. Саратовской губ. Рабочий университет доводит до сведения слушателей,

что с 16 февраля будут функционировать следующие отделения: счетоводно-экономическое, музыкальная школа и с 19 февраля — рабочий техникум.

Кузнецк. Саратовской губ. В местном рабочем университете с приближением сезона сельскохозяйственных работ были открыты сельскохозяйственные курсы.

Курсы захватили все основные знания по полководству, огородничеству, скотоводству и садоводству.

Аткарск. Саратовской губ. Аткарский пролетарский университет возобновил свои занятия с 16 апреля.

Астрахань. 19 марта исполнилось 2 года со дня открытия первых в г. Астрахани вечерних технических курсов для рабочих.

Этот день постановлено отметить особым актом и выставкой работ слушателей по черчению и рисованию.

Орел. Открыты политехнические курсы для подростков — учеников фабрично-заводских предприятий для подготовки из них пролетарско-технического персонала.

Ташкент. 19 февраля. Состоялось торжественное открытие рабочего факультета.

Омск. Открыт народный университет.

Нижний-Новгород. Состоялось открытие матросского университета.

Нижний-Новгород. В середине января на Ташинском заводе открылись профессионально-технические курсы.

Работа на курсах, благодаря сознательному и добросовестному отношению технических сил завода и руководителей квалифицированных рабочих завода, протекает успешно. Большую помощь курсам оказывает местный коммунистический союз молодежи.

Курсы двухгодичные.

Новоржевск. Псковской губ. В имении «Алтуни» Псковской губ. открыт высший сельскохозяйственный техникум. В имении также организованы курсы квалифицированных рабочих и мастеров. С февраля открывается секция огнестойкого строительства, садоводства и огородничества.

Тверь. Пролеткультом совместно с губсовпрофсоюзом приступлено к организации курсов по подготовке работников в области культурно-просветительского дела. При курсах будут устроены выставки с ценными пособиями и диаграммами.

Тверь. Советом текстильного техникума 8 марта были открыты вечерние курсы по прядению, ткачеству, крашению и механике. Цель курсов — создать из кадра рабочих обоюбого пола квалифицированных работников, смотрителей отделов, мастеров и т. д.

Тверь. Возрастающая необходимость в стенографистах побудила культурно-просветительный отдел объединенных фабрик Тверской и Рождественской мануфактур открыть для лиц обоюбого пола курсы стенографии.

Курсы бесплатны, трехмесячные; занятия происходят три раза в неделю.

Симбирск. С 1 февраля открывается факультет общественных наук.

Симбирск. Профессиональным союзом рабочих полиграфического производства открыта школа наборного дела.

Харьков. 13 марта открыты курсы по подготовке рабочих-администраторов. Препода-

ватели—профессора местного технологического института.

Витебск. 18 февраля открылся коммунистический университет для подготовки ответственных работников из рабочей среды.

Уральск. При рабочем клубе открылись курсы по огородничеству и садоводству. Решено в предстоящем сезоне ни одного вершка земли не оставлять не засеянным. Все дворы на свободных землях будут превращены в огороды. Профессиональные союзы берут сады, которые будут возделывать собственными силами.

Самара. В Сызрани открыты железнодорожные курсы с отделениями общеобразовательным и специальным.

Для всех слушателей рабочего факультета рабочий день сокращен на 2 часа.

Пенза. Профсоюз работников земли организовал трехмесячные сельско-хозяйственные курсы. Основной целью этих курсов является поднятие умственного и культурного сознания сельско-хозяйственных рабочих, дать им минимум общего и специального технического образования.

Курсы организованы в 3 уездах, где имеется более 10 советских хозяйств.

При курсах организованы образцовые хозяйства с животноводством, птицеводством и пчеловодством.

Орша, Смоленской губ. Оршанским пролетарским университетом 8 марта были открыты 3-недельные курсы красных сестер и братьев милосердия.

Орша. Приходится отметить, что посещаемость на гуманитарном отделении пролетарского университета начинает падать. Выходит сборник брошюр и статей о деятельности Оршанского пролетарского университета.

Орша. Возобновились занятия в пролетарском университете.

Великие Луки, Псковской губ. Открыт пролетарский университет с факультетами: политическим, сельско-хозяйственным и культурно-просветительным.

Воронеж. Возобновлены занятия в университете имени Я. М. Свердлова.

Екатеринбург. Открылся на Урале рабочий политехникум.

Пролетарские студии.

Могилев. В советском театре состоялось торжественное празднование годовщины первой рабочей музыкальной студии.

Этот праздник был не только праздником участников этой культурно-просветительной организации, но и праздником всех рабочих г. Могилева.

Первая рабочая музыкальная студия, в подавляющем большинстве состоящая из рабочих и рабочей молодежи, развивалась при особенно неблагоприятных условиях эвакуации, многочисленных переселений и все же дожила до своей годовщины.

Задача студии—выявление из среды рабочих руководителей пролетарской идеологии в области музыки.

При музыкальной студии существует ателье союза молодежи. В ателье 20 человек; все они ведут активную работу среди остальных своих товарищей.

При студии существует культурно-просветительная комиссия, открывается читальня и намечается открытие целого ряда кружков.

Олонецк. Моряки Онежской флотилии на днях открыли в Петрозаводске театральную студию при клубе имени т. Луначарского.

Помимо этой студии моряки организовали занятия по музыке, создали литературный кружок, кружки физической культуры, школу живописи и лепки, ввели в клубы кинематограф, устраивают симфонические концерты и музыкальные вечера.

Петроград. Весной Театральная арена петербургского пролеткульта предполагает совершить гастрольную поездку в Москву. В драматической студии пролеткульта идет усиленная работа по подготовке большого сценария к годовщине Красной армии.

Петроград. 13-й театральной студией пролеткульта в спешном порядке ведутся работы по созданию пьесы "Народное Революционное Движение в России".

Воронеж. При клубе открыта драматическая студия.

Новотроицк. 20-го декабря открылась при Пролеткульте театральная студия, принимаются исключительно рабочие и их дети. Приступлено к организации положения о Театральной Секции. К совместной работе привлечены Политпросвет и другие организации.

Ижевск. Театральная студия пролеткульта ставит драму Е. Карпова "Зарево". Театральным отделом к дню 1-го мая готовится к постановке "Легенда о Коммунаре".

Ижевск, Вятской губ. В местной пролеткултовской театральной студии зарегистрировано до 100 человек.

На общем собрании членов театральной студии, состоявшемся 7 апреля, постановлено вести теоретические занятия, заслушивать две-три лекции по истории театра и присутствовать к практическим занятиям, к обсуждению пьес, постановке голоса и пробных репетиций.

Тверь. 15-го января открылись при Пролеткульте классы живописи и лепки. Советом тверского пролеткульта поручено тов. Эленгори организовать и открыть студию фотографии при тверском пролеткульте.

Ржев. Признано необходимым организовать собеседования в студиях по вопросам пролетарской культуры.

Смоленск. 27 января состоится открытие музыкальной студии пролеткульта.

Смоленск. Драматическая студия пролеткульта уже второй раз выступала перед публикой с импровизациями, в государственном театре и во дворце труда.

При импровизациях тема артистам дается кем-либо из публики. Получив задание, студии удаляются за кулисы, обдумывают его исполнение, и сейчас же перед зрителем начинают разыгрывать сцены на заданную тему. В последний раз, были очень удачно проведены "Ревизиция в квартире" и "Почему я стал коммунистом".

Осташков, Тверской губ. В самом начале апреля, в помещении профессионального союза кожевников, местным пролеткультом

были открыты студии хорового и сольного пения и изобразительных искусств.

Сыраны, Симбирской губ. Правлением пролеткульта решено приступить к организации литературной студии.

Студия должна сообщать слушателям принципы литературы, как искусства, дать им общее литературное образование, провести слушателей через школу технических навыков, чтобы подготовить из них работников, владеющих идейным содержанием.

В рабочем клубе на первое место будут выдвинуты лекции, беседы, диспуты, декламации, музыка и проч.

Гомель. Секция изобразительных искусств Губотнаробраза открывает в Гомеле художественную студию для трудового населения.

Театры Пролетарские и Народные.

Петроград. В первом героическом рабочем театре была поставлена "Сказка о царь-рыбного государства", 4-актная пьеса, соч. Козлова.

Устюжна, Новгородской губ. 9 и 12 февраля группой петроградских артистов была поставлена пьеса "Катастрофа".

Кострома. В городе в течение недели фронта несколько раз шла пьеса т. Выхина "Через победу к миру". Пьеса представляет из себя один из эпизодов гражданской войны. Действие разворачивается в белом казацком лагере. Смотрится она с интересом, хотя и имеет ряд весьма существенных недостатков. Пьеса эта рисует то, чем мы живем в настоящий момент.

Петровск, Саратовской губ. В конце февраля состоялся художественная выставка.

Хвалынский, Саратовской губ. Давнишняя мечта Хвалынского пролеткульта, наконец, осуществилась. Теперь местный пролетариат "своею собственной рукой" создал собственный дворец хранения и светоч пролетарской культуры.

Дворец создан по мысли упроборо, исполкома и комитета.

При дворце имеется клуб и библиотека.

Смоленск. 17 декабря 1919 г. открыт Большой Государственный театр, до сих пор в Смоленске не было зимнего театра кроме "Народного Дома".

Смоленск. Дом просвещения политического управления западного военного округа сделался центром просветительной работы среди местного гарнизона и образцово-показательным учреждением для всего округа.

С 15 октября минувшего года в доме просвещения было поставлено 52 спектакля, устроено 19 концертов-вечеров, 23 лекции и митинга, 18 кино-сеансов, не считая некоторого количества спектаклей и концертов, поставленных другими организациями и учреждениями в помещениях дома просвещения.

Кроме этого, дом просвещения объединяет в себе курсы по подготовке политпросвет-работников с 42 курсантами, образцово-показательную школу I и II ступеней с 35 учащимися, драматическую студию, подготовляющую артистов для красноармейских театральных кружков с 80 студийцами и

студию изобразительных искусств с 23 студийцами.

Иваново-Вознесенск. В Рабочем крае отмечается, что местным пролеткультом сделано очень немного. За все время своего существования им было поставлено две пьесы по несколько раз: "Денгибба" Тоголя и 2 акта с вымарками из "Зорь" Верхарна. Первые спектакли прошли хорошо, а остальные слабее. Кроме пьес были устроены и концерты, но в них отмечалась однообразность.

Библиотека пролеткульта не имеет достаточного количества книг, и читатель не может найти то, что ему нужно и необходимо.

До сих пор пролеткульт не открыл литературной студии, которая необходима, так как члены штурм стихи, рассказы и т. п.

Всю вину пролеткульта относит к тому, что у него нет денежных сумм.

С. Борисово, Муромского уезда. 1 февраля на сцене Народного дома ставился спектакль в пользу Красного фронта. Шла пьеса: "Его Величество Трифон".

Сердобск, Саратовской губ. По отчетам: пролеткультом поставлено 30 бесплатных спектаклей, 10 платных. Организован музей, в котором находится свыше 200 экспонатов.

Сердобск, Саратовской губ. 18 марта, в день Парижской коммуны, в местном Народном доме труппой пролеткульта был дан спектакль.

Была поставлена драма в 4-х действиях Невежина "Вторая молодость".

Весь сбор поступил в пользу голодающих детей красных столиц.

Белое. 23 января детский пролеткульт устраивает вечер в партийном клубе, посвященный 9 января 1905 г. Ставился пьеса: "В сельской школе", исполнители—до 30 детей.

Муром. В конце января организовался при Рабочем клубе Литературный кружок. Отсутствие опытных руководителей мешает работе, но сглаживается дружными коллективными усилиями членов кружка.

Шуга. На сцене пролетарского клуба красноармейской труппой была поставлена драма "Волчи зуби".

Петроград. В клубе коллектива Невского судостроительного завода "Знание и Сила" была поставлена драма: "Поруганный".

Петроград. В показательном красноармейском театре шла пьеса "Король-Арлекин". В революционном театре готовят к постановке пьесу Бессалько "Каменщики" и "Парь Петр" Козлова.

Петроград. В клубе "Знамя", за Невской заставой, была поставлена 3-х актная драма: "Под игом капитала". Написана она рабочим Александровского вагонно-строительного завода. Драма эта была разыграна самими рабочими.

В драме тонко выражены издевательства, угнетения, угрозы, начиная от капиталиста-фабриканта, домовладельца, золотогогонника и, наконец, городского. Все они пьют рабочую кровь и за всякое слово протеста бросают в тюрьмы.

По сведениям местной печати на зрителях эта драма произвела такое сильное впечатление, что многие плакали, а в последнем действии рыдали.

Петроград. 18 марта в Московском районе был устроен спектакль-концерт, посвященный Парижской коммуне.

Большой зал театра был переполнен рабочими, работниками и школьной детворой. До начала спектакля была прочитана лекция о Парижской коммуне. После драматического кружка инсценировал отдельные события из дней Парижской коммуны. Кружком хорового пения были пропеты революционные гимны и песни. После декламаций, посвященных Парижской коммуне, торжественно был исполнен „Интернационал“.

Зрители остались очень довольны праздником.

Петроград. Работницы принимают самое активное участие во всех кружках. К международному дню работницы сами создали свою пролетарскую инсценировку из русской жизни.

Петроград. В театре Дворца Труда устраиваются специальные концерты для рабочих.

Петроград. Во второй половине апреля в первом революционном героическом клубе шла трехактная пьеса: „Красные и белые“.

Автор этой замечательной пьесы тов. Вермишев, недавно убитый на нашем петроградском фронте белогвардейцами.

В пьесе „Красные и белые“ рисуется деревенское кулачество и показывается, как прорывается новая жизнь со всеми ее политическими проявлениями, ведущими к светлому будущему. Образы героического молодого поколения, проникнутые идеями коммунизма и братства, настолько убедительны и прекрасны, что приводят зрителей в экстаз.

Несомненно, что если бы даже самый бесознательный и яркий белогвардеец попал на эту пьесу, то он невольно понял бы всю мерзость и несостоятельность буржуазного строя.

Действующие лица, как говорится, схвачены прямо с натуры. Тут нет ни шаржа, ни сгущенных красок, а только одна действительность, одна правда.

О рабочем героическом театре можно сказать, что он умеет подбирать пьесы и умеет их ставить. Художественная постановка этой пьесы не оставляет желать ничего лучшего. Режиссер сумел воплотить в жизнь все мысли автора пьесы. Великолепный ансамбль, сыгранность, костюмы, грим и воодушевленная игра исполнителей—все это дает яркую картину настоящей жизни и вызывает истинный восторг.

Орел. Несмотря на многие препятствия, культурно-просветительному отделу губпрофсоюза все же удалось достигнуть значительных положительных результатов. Так, контингент слушателей на лекциях, зрителей на спектаклях значительно возрос. Билеты на них расходятся с удивительной быстротой. Клубная работа в стадии развития. Библиотека открывается. Детские утра проходят с интересом и доставляют юным зрителям большое удовольствие.

Тверь. Малый Пролетарский театр (б. Берговская фабрика) ставит: „Борис Годунов“ Пушкина. Чье-либо исполнение даже трудно выделять, только коллективным трудом, общей дружной товарищеской работой,

можно достичь таких результатов (по отзывам газет).

9 января была поставлена пьеса Карпова: „Возрождение“, написанная в 1913 г. под впечатлением, ожившегося после Ленского расстрела, рабочего движения.

Тверь. В клубе III Интернационала шла пьеса Андреева: „Дни нашей жизни“.

Тверь. Студийцы начинают пробовать свои силы, выступая с дублейными спектаклями. 5 февраля в клубе III Интернационала была поставлена пьеса Чехова: „Свадьба“. Было много неверных приемов игры, которые надо надеяться, в дальнейших постановках исчезнут.

Тверь. 4 апреля культурно-просветительской комиссией при 902 госпитале был дан спектакль для служащих госпиталя и больных красноармейцев.

Было поставлено: „На конспиративной квартире“, комедия в двух действиях.

Играли любители драматического кружка культурно-просветительской комиссии госпиталя.

Постановка и игра были довольно удачны и вызвали дружные аплодисменты зрителей.

Сызрань. Прерванная в виду занятия здания военным ведомством, работа Пролеткульта возобновилась постановкой спектакля для членов Профсоюза.

Сызрань. В Народном доме Сызрано-Вяземской железной дороги красноармейская труппа культпросвета запасного строевого полка при участии местного пролеттеатра поставила пьесу „Обездоленные“.

Пьеса собрала большое количество зрителей.

Сызрань. В местном пролетарском театре был поставлен: „Воспитатель Флакман“.

Содержание этой пьесы—борьба народного учителя, проникнутого новыми веяниями, новыми идеями в области воспитания с миром „людей в футлярах“, закаменивших рутинеров. Содержание полно динамики и внутреннего действия.

В пьесе нарисованы типы немецкого учителя.

Симбирск. 26 января состоялся вечер пролеткульта, шла пьеса Белоцерковского: „Бифтекс с кровью“.

Симбирск. Местным культотделом народной связи в здании бывшего епархиального училища в честь годовщины революции (свержение самодержавия) был дан спектакль: „Борцы за свободу“ и водеvil: „Ад в раю“. **С. Дмитриевское, Шуйского уезда, Владимирской губ.** Дмитриевским культурно-просветительным кружком молодежи был поставлен детский театр. Шла пьеса: „Шерлок Холмс“, в 3-х действиях. Пьеса прошла удовлетворительно.

Желательно бы было ставить пьесы на темы из современной жизни.

С. Трескино, Кирсановского уезда, Тамбовской губ. Местными крестьянскими артистами недавно было поставлено ряд спектаклей. Ставили: „Не та жизнь, как хочется“, Островского и другие вещи.

Молодые крестьянские силы показали свою способность сыграть сверх ожидания, тем более, что большинство участвующих лиц были первый раз на сцене.

Публика осталась очень довольна и просила ставить подобные вещи почаще.

Ижевск. Вятской губ. В Народном доме поставлена пьеса Островского: „Воспитанница“.

Ижевск. Вятской губ. В коммунистическом клубе, при большом стечении публики, был дан спектакль. Шла пьеса: „Красная заря“ (в дни революции), драматические сцены в 4-х действиях, соч. Боровского.

По своему сюжету пьеса „Красная заря“ чисто революционного содержания, обрисовывает последние дни царизма с его тяжелым гнетом, когда все лучшее и светлое подавлялось усердными слугами царского трона—жандармами, провокаторами, и первые дни февральской революции, когда русский народ, сбросив с себя цепи рабства, увидав зарю долгожданной свободы и в эти дни, произвел чудеса героизма в борьбе за свое счастье.

Александров. Драматической труппой Уотнаробраза поставлена драма Гаузмана: „Михаэль Крамер“.

Боровичи. В Городеком театре труппой Наробраза ставилась драма: „У моря“, Георга Энгеля.

Воронеж. 14 января в Свободном театре было очаровательное представление пьесы Чирикова: „Легенда Красного Замка“.

С. Кимляк. Культурно-просветительным кружком поставлены пьесы: „Наши дни“ и „Это она“.

Алексин. Тульской губ. Труппой Уотнаробраза поставлена содержательная, красивая вещь Булацели: „Жизнь за многовеще“.

Алексин. В Клубе поставлена комедия XVIII века: „Девичий переполох“.

Ветлуга. 14 января кружком при Ветлужской потелконторе поставлена: „Исповедь узника“. Вещь сыграна живо и оставила глубокое впечатление у публики.

Нижний-Новгород. В клубе рабочих Водяного Транспортера 23 января было поставлено: „Распродажа жизни“, соч. Смурекского.

С. Сурьмино. Сызранского уезда. С большим успехом прошел миминг-спектакль, разыгран пьесы: „Ворона в павлиньих перьях“.

Грязовец. Культурно-Просветительным кружком служащих и рабочих Советского Хозяйства организовано два концерта, сбор с которых поступил в помощь фронту.

С. Никологоры. Вязниковского уезда. Функционирует рабочий кинематограф, который привлекает очень много посетителей.

Сезды и конференции.

Москва. 10 мая состоялся всероссийский съезд пролетарских писателей, переименовавшийся себя из „съезда“ в „совещание“.

Москва. На 12—14 апреля была назначена армейская конференция. На повестку дня конференция был поставлен вопрос о культурно-просветительной работе в новой армии.

Орел. Состоялся съезд клубных работников Орловского военного округа.

Постановлено: 1) немедленно приступить на местах к организации культурных митингов и ряда беседований; 2) установить самую тесную организационную связь между всеми существующими клубами; 3) немедленно

приступить к открытию целого ряда курсов; 4) установить на местах самую тесную связь с отделом народного образования через междудомовенственную комиссию; 5) широко использовать все местные культурные силы в том числе и силу командного состава; 6) немедленно приступить к организации клубов при госпитальных и 7) проводить на местах идею единого общепролетарского клуба путем привлечения в красноармейский клуб самых широких слоев рабочего класса.

Кроме того, были сделаны доклады по библиотечному и театральному делу.

Тула. Состоялась первая губернская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций.

На конференции была дана полная картина деятельности местного пролеткульта.

Тульский пролеткульт начал свою деятельность с 22 сентября 1918 года, но срок его нормальной работы продолжался только до 1 мая.

Прежде чем начать культурную работу, пролетариат выявил новые формы культуры, став на путь самостоятельного овладения ценностями прошлого и в то же время дал возможность широкого проявления способностей, создавая студии, как условия, при которых вся сила творчества могла бы свободно проявить себя. Первая часть работы оказалась уже выполненной и задачей пролеткульта явилась выработка тех элементов, которые являются характерными для пролетарской культуры, и по своей сущности отличаются от буржуазной культуры.

Драматическая студия в феврале 1919 года имела 235 участников, но в январе 1920 года число студийцев сократилось до 35.

В музыкальной студии работало 850 человек. Этой студией созданы новые музыкальные композиции, написаны опыты оперы, создан симфонический концерт.

В уездах было организовано 11 пролеткультов.

Петроград. В середине мая предполагается созыв общегородской клубной конференции; на этой конференции примут участие представители центральных учреждений, фабрик и заводов.

Муром. Владимирской губ. Состоялась III конференция рабочих текстильной промышленности Муром-Меленковского района.

На конференции было обращено внимание на малую посещаемость созданного рабочими руками рабочего клуба; к представителям фабрик и заводов было сделано обращение, чтобы они на местах оказали максимальное внимание к усилению культурной и просветительной деятельности.

Петроград. На собрании пролетарских писателей решено созвать съезд пролетарских писателей на Украине.

Петроград. 12 января открылся съезд работников просвещения в Красной армии и флоте.

Петроград. 20 февраля состоялась губернская конференция союза строительных рабочих. Присутствовало свыше 150 делегатов.

Конференция признала необходимым отдать все свои силы на развитие культурно-просветительной деятельности, как базы для

укрепления завоеванной пролетарской революции.

Петроград. На организационном заседании пролетарских писателей 15 февраля были заслушаны доклады о необходимости самого тесного сближения между собой пролетарских писателей и о более серьезной литературной работе.

На этом заседании решено организовать еженедельные собрания для ознакомления с пролетарской литературой и для чтения новых произведений.

Тут же было избрано информационное бюро из двух товарищей, чтобы давать исчерпывающие сведения о деятельности пролетарских писателей.

Тверь. 25 и 26 января. Первая Тверская Общегородская конференция по внешкольному образованию. Произошел съезд по профессионально-техническому образованию. Предполагается съезд по рабоче-крестьянскому театру.

Тверь. В клубе „III интернационал“ состоялась вторая городская конференция пролеткульта.

Главным вопросом, стоявшим перед конференцией явился вопрос о дальнейшем существовании пролеткульта.

В результате прений в принятой резолюции признана необходимость самостоятельного существования пролеткульта, при этом было указано на необходимость самой тесной связи с рабочими массами, чего до последнего времени почти не наблюдалось.

Осташков. На 22 декабря состоялась 1 Осташковская общеуездная конференция беспартийной молодежи.

Новоторжск. 1 февраля открылся съезд рабочих и крестьян.

Осташков. В интересах развития дела внешкольного образования Внешкольный подотдел созывает на 29 февраля съезд—курсы.

Осташков. Тверской губ. Состоялась 6 Осташковская общеуездная конференция профсоюзов. На этой конференции особое внимание было уделено вопросу о культурно-просветительных задачах среди пролетариата.

Нижний-Ломов. Пензенской губ. На 1 уездной конференции профсоюзов была принята следующая резолюция: „Борьба за пролетарскую культуру есть третья и окончательная стадия борьбы рабочего за освобождение труда. Культура—рабочему классу. Главная задача пролетарской культуры—это воспитание трудящихся масс в социалистическом духе, развитие в массе классового самосознания и братского сожительства между всеми народами земного шара. Вторая задача, тоже не менее важная,—это широкое воспитание масс в смысле профессиональных знаний“.

Астрахань. 12 января состоялось последнее пленарное заседание 1 культурно-просветительной конференции частей гарнизона.

Объявлена беспощадная борьба с неграмотностью. Обращено самое серьезное внимание на лекции по школам и на библиотеки.

Сердобск. Саратовской губ. В конце марта в редакции местной газеты „Серп и молот“ состоялось собрание поэтов и журналистов. На этом собрании, между прочим, было

постановлено обратиться в Сердобский пролеткульт, чтобы издать за счет пролеткульта произведение тов. Гололобова, недавно скончавшегося.

Кроме того, собрание постановило образовывать литературную секцию при пролеткульте для живейшего участия в литературно-музыкальных вечерах.

Рославль. 20 февраля 1-ая уездная конференция рабоче-крестьянской молодежи Рославльского уезда.

В. Луки. 15 февраля союзом молодежи созвана беспартийная конференция рабоче-крестьянской молодежи Великолукского уезда.

Казань. 19 января открылась первая конференция текстильщиков Казанского промышленного района.

Кузнецк. 10 января открылась первая уездная конференция рабочих просвещения.

Могилев. 16 января IV уездный съезд советов.

Воронеж. 16 декабря состоялась конференция профсоюзов.

Пролетарские праздники и выставки.

Петроград. Возник вопрос об организации в Петрограде рукописного музея при пролеткульте. К созданию такого музея приступает литературно-надательская коллегия, где скопилось множество оригинальных произведений литературы и искусства.

Петроград. Март месяц, по преимуществу, месяц пролетарских празднеств. Так, 8 марта—день работницы, 12—низвержение самодержавия и 18—день Парижской коммуны.

В виду этого на собрании заведующих агитационным отделом решено провести по заводам целый ряд митингов, спектаклей по театрам и рабочим клубам.

12 марта решено ограничиться только торжественным заседанием, так как нет времени для подготовки к этому празднику, в виду близости 18 марта, которое должно быть торжественно оспрашено.

Кроме того, на том же собрании решено делать подготовительные работы по проведению беспартийных конференций.

Вязьма. Смоленской губ. В конце марта состоялось совещание уполномоченных представителей от всех 23 местных профсоюзов с бюро выставки по вопросам об участии профсоюзов в деле создания выставки под названием „Социалистическая культура“. На этом совещании было заявлено, что профсоюзы, которые в данном случае своей самостоятельности не проявят, будут представлены на выставке чистым листком бумаги с наименованием союза. В то же время бюро с чувством удовлетворения отмечает, что некоторые профсоюзы создают для выставки экспонаты, действительно достойные профессиональных организаций, вступивших на пути созидательства новой жизни.

Союз коммунистической молодежи.

Петроград. 28 февраля в помещении союза текстильщиков состоялась культурно-просветительная конференция.

На конференции были приглашены представители фабричных „компесий“ и заведующие клубами.

Тула. 20 марта состоялась I пролетарская общегубернская конференция культурно-просветительных организаций.

Смоленск. 1 марта состоялась III общегородская конференция рабочих и учащейся молодежи; на этой конференции присутствовало 100 делегатов, представлявших более 1000 юных пролетариев.

Настроение у всех учеников конференции приподнятое, революционное.

Орел. Во всех более или менее крупных предприятиях организованы ячейки коммунистической молодежи. Со самого начала своего существования ячейки эти приступили к работе в области, главным образом, проведения в жизнь узаконений о труде подростков.

В целях достижения намеченных задач был создан клуб. Клуб, в свою очередь, организовал секции, кружки, митинги, концерты и лекции.

Для подростков открыта школа грамоты **Гарачев, Орловской губ.** По уезду создано 4 волостных ячейки Р. К. С. М.

Воронеж. При Т-м Национальном Заводе существует организационная ячейка молодежи, для которой открылась школа, в ней насчитывается более 50 человек.

Воронеж. На днях, в селе Перлевке, Землянского уезда, организовался коммунистический союз молодежи. Записалось около 30 человек, по преимуществу крестьяне. На общем собрании союза, по заслушании доклада по текущему моменту была вынесена следующая резолюция: „Мы, члены Перлевского коммунистического союза молодежи, первый раз в жизни получившие возможность объединиться вокруг красного знамени, клянемся на предстоящем собрании служить примером несовзательным массам и быть оплотом р. к. п. (б) и советской власти и идти в первых рядах борцов за освобождение трудящихся масс от эксплуататоров и паразитов“.

Клим, Московской губ. При фабрике Попова организовался союз молодежи.

21 декабря он устроил субботник.

Дружной работой в несколько часов были выгружены 6 вагонов дров.

Вологда. Здесь организовалась художественно-драматическая секция; главная задача секции, — это чтение рефератов для рабочей молодежи, чтобы члены молодежи могли в свободное время отдохнуть и получить хоть кое-какое самообразование.

Брянск. Закончившаяся в Бежице Конференция Рабочей Молодежи единогласно решила обратиться к трудящейся молодежи с обращением, где молодежь призывается к общественной революционной работе и вступлению в Рос. Ком. Союз Молодежи.

Пенза. Городской Комитет Р. К. С. М. издал письмо с обращением к молодежи фабрик и заводов вступать в организуемую при Комитете школу рабочих подростков. Записываться могут все, умеющие читать и писать. По характеру своей работы школа является переходной к школе второй ступени. Кроме того, Союз предполагает организовать целый ряд общеобразовательных докладов.

На суковной фабрике, бывшей Шатровой, из числа рабочих около 500 есть всего около 15 подростков, которые недавно образовали, выделив шесть человек, ячейку Союза Молодежи. Они уже приступили к изучению программы партии.

Муром. Организовался драматический кружок из рабочих подростков—учеников и учениц школ при заводах Бучиха—Торской и бумаго-ткацкой фабрике. Первый спектакль был поставлен в рабочем клубе в понедельник 19 января. Шли пьесы: „Дядя старика“, инсценированная по рассказу Л. Н. Толстого, и „Шемакин Суд“. Перед началом спектакля был произнесен ряд речей.

Могилев. 24 декабря в клубе рабочих подростков имени Карла Либнехта, состоялся вечер, посвященный М. Горькому.

Тоска. Беспартийная рабочая молодежь двух деревень Клеусеево и Гаврилово объединилась в кружок под названием „Кружок объединенной молодежи при деревне Гаврилово“ Имени Спиридона Дмитриевича Дрожжина“. Кружком в двух месячных его существование организованы курсы для взрослых, постановка спектаклей, маскарардов, вечеров, лекций, митингов и предпринято много полезных начинаний.

Витебск. Культурно-просветительная работа Союза Рабочей Молодежи выразилась в устройстве двух собраний с рабочими подростками на темы Школа и рабочая молодежь и Охрана труда подростков. 5 января открылся клуб-читальня при Союзе.

Тотьма, Вологодской губ. В городе Тотьме организован союз молодежи, насчитывающий в своей среде 45 членов.

Союз начал энергично работать; в настоящее время он захватывает только учащуюся молодежь.

Предполагается усиленно вести работу среди рабочей молодежи.

При Готемской организации будет образована секция, которая должна будет заботиться о снятии с работ подростков до 14 лет и о 6-часовом рабочем дне для подростков до 16 лет.

Астрахань. При Р. К. С. М. с 9 апреля открывается школа рабочей молодежи. Так как среди учащихся большинство рабочих с советских мелких, часто работающих в вечерние смены, то возбужден вопрос об освобождении молодежи от вечерней работы.

Постановлением комиссии при подотделе охраны труда от 14 апр. вся молодежь, записавшаяся в школу рабочей молодежи при Р. К. С. М., освобождается от работы в вечерних сменах и переводится в дневные и утренние. Молодежь для посещения школы должна быть освобождена не позже 5 часов вечера. Техническую работу по распределению молодежи по сменам выполняют рабочие комитеты.

Новгород. В августе 1919 года молодежь Окуловских плетехумажных фабрик организовалась в коммунистическую молодежь. Шесть месяцев непрерывной работы дали свои результаты. Союз послал четырех своих товарищей на курсы красных офицеров, четырех в продотряд, одного на

курсы профессионального движения. В дни, когда Петрограду угрожала опасность, союзом было выделено восемь лучших товарищей для защиты очага пролетарской революции.

В настоящее время в союзе состоит 32 человека.

Любань, Новгородской губ. Местный коммунистический союз молодежи открыл

клуб для пролетарской молодежи. Клуб организован исключительно усилиями и на средства союза, без всякой помощи со стороны.

Клуб на редкость удобный и состоит из нескольких чистых и светлых комнат; имеется зал для собраний, библиотека-читальня, драматическая студия и комната для спорта и буфета.

Библиография.

Ф. Меринг. *Карл Маркс. История его жизни.* Государственное Издательство. Петроград. 1920 г. 442 стр. Цена 80 руб.

Навонец международный пролетариат имеет историю жизни своего духовного отца К. Маркса. Книга Меринга богата не только своим содержанием, но и блестящим, живым, ярким языком, который делает книгу настолько увлекательной, что не хочется отрываться от нее. Моменты личной жизни, даже интимные ее стороны, автор умело сочетал с моментами глубокой напряженности мысли, и пред читателем непрерывно в своем развитии стоит образ К. Маркса, как человека, доброго, нежного, семьянина, вечно эмигранта, изгояемого из страны в страну, думающего, как оплатить почтовые расходы по пересылке рукописи, или на что ссоронить своего любимого мальчика, как великана мысли и великой непоколебимой воли революционера.

Одновременно это глубоко-научный труд, по которому читатель может проследить, как зарождались, развивались и оформлялись в сознании Маркса, в отчасти и Энгельса, идеи научного социализма.

Для молодого поколения рабочих, которым условия времени не дают возможности внимательно заняться изучением социалистических, экономических и философских проблем марксизма по его отдельным трудам, отчасти слишком обемистым, отчасти слишком трудным по языку, книга тов. Меринга должна явиться своего рода краткой энциклопедией по вопросам марксизма, — энциклопедией, в которой оно найдет ясное, точное, но и простое изложение „Капитала“, „Коммунистического Манифеста“, „Ницетн Философии“, исторических работ и т. д. Из этой работы читатель ознакомится с духовным состоянием Западно-европейского общества того времени, с умственным развитием отдельных передовых социалистических деятелей и широких рабочих масс. В ней он найдет и блестящую картину первого Интернационала. На ней он может воспитать и закалить в себе дух идейной борьбы, не знающей компромиссов и сентиментальной снисходительности к врагу.

В жизни каждого человека есть свои недочеты и слабости, были они, конечно, и в жизни К. Маркса. В то время, как одни нападали на Маркса, другие слагались во чтобы то ни стало сделать из человека — Маркса непотопляемого святого, тов. Меринг изоб-

разил Маркса, живого, действительного, не преувеличивая, но и не преуменьшая ни ошибок его суждений, ни его ошибок в отношениях к другим. Меринг строго объективен, хотя каждая строчка его работы говорит с какой горячей любовью, нежностью и внимательностью он относится к каждой детали в жизни этого гения человечества.

Прочсть книгу Меринга — пережить великие моменты близости к Марксу. И отказать от этого нельзя и невозможно. Эта работа при неиссякаемом богатстве содержания, естественно, заменит немногие другие работы по этому вопросу. Но чтение ее требует все-таки известной подготовленности.

Книга издана прекрасно, четким шрифтом на хорошей бумаге. В начале имеется хорошо исполненный портрет К. Маркса.

Нам хочется усильно рекомендовать эту книгу, но по нынешним временам вряд ли многие увидят ее. А увидеть и прочесть должны все.

Пав. Лебедев.

В. М. Фриче. *Новейшая европейская литература (1900 — 1914). Выпуск I. Капитализм и социализм в литературе.* Москва, 1919 г. Издательство „Декланта“. 50 стр. Цена 10 руб.

Работа Фриче не является новой, — она печаталась ранее в „Истории нашего времени“ (современная культура и ее проблемы), но была неизвестна широким кругам читателей из рабочих, так как не всякий рабочий, да и не только рабочий, мог выписывать дорогое издание бр. Гранат более чем в 30 выпусках. А работа заслуживает внимания и представляет интерес, особенно в данный момент, когда много говорят, пишут и спорят о пролетарской литературе, о ее характере и о ее особенностях, неизвестных буржуазной литературе. Появление работы отдельным выпуском мы приветствуем. Она даст читателю рабочему яркое представление о капиталистической литературе начала последнего десятилетия, она развернет пред ним психологию буржуазной интеллигенции в капиталистическом обществе со всеми ее порывами и беспомощностью в путях буржуазной идеологии, которая захватывает временами даже и рабочих — писателей.

Книга носит подзаголовок: „Капитализм и социализм в литературе“. Это неточно. Во всей рассматриваемой автором литературе

элементов научного социализма, да и всякого другого, нет. Поэзию машинизма, социального движения, унанимизма и универсализма отождествить с социализмом ни в коем случае нельзя. Суть дела не в теме, а в разработке и освещении.

Но эта неточность ничуть не умаляет ценности работы. Автор разбил ее на десять глав: 1) Отражение роста капитализма в литературе, 2) Поэзия большого города, 3) Поэзия машинизма, 4) Поэзия средств „передвижения“, 5) Поэзия „сил“ и „движения“, 6) Повал художественной форма, 7) Поэзия морального эстетизма, 8) Поэзия воиствующего империализма, 9) Поэзия социального движения и социального чувства и 10) Поэзия унанимизма и универсализма. Этот сухой перечень глав сам по себе должен возбудить интерес к книге, и всякий, прочитавший ее, будет многим обязан. Надо отдать честь автору, книга написана беспристрастно, строго объективно, что придает ей особую цену.

Помимо специального интереса для работников в Пролеткультах, книга Фриче имеет большое культурное значение вообще; ведь у нас так мало распространено теоретическое знание европейской литературы, за исключением отдельных авторов, излюбленных интеллигенцией. А теперь, когда мы строим новую жизнь, знакомство с художественной литературной капитализма представляет особую необходимость; ведь она зеркало, в котором отразилась вся жизнь буржуазного общества.

Книга издана опрятно и недорого.

В. Г.

Н. Степной. *Пролетарий.* Издание Самарского. Губернск. Аген. Центропечати. 1920 г. 71 стр. Цена 15 руб.

Н. Степной (Афиногенов) в литературе не новичок. Он начал писать с 1904 года и с этого времени выпустил: „Степное сказание“, „Записки ополченца“, „Сказки Степи“, „Этапы великой русской революции“ и роман „Пролетарий“.

Видно, что автор глубоко переживает описываемые моменты и чутко, нервно прислушивается к мыслям, к блению сердца своих героев. Но он не обладает большим художественным талантом. Замыслы его грандиозны, но средства выполнения ограничены.

В своем романе „Пролетарий“, в первой части, Степной рисует картину начальной стадии развития профессионального движения, а во второй гражданскую войну периода Брестского мира; на страницах романа вы встретите много общественных и строго личных настроений, рожденных в раздвоенной психологии Юлии, который чувствует черноземную силу Марии и не может оторваться от ласки родных васильковых глаз Полянки. Тут и восторги большевизмом и проклятия, обывательская злоба против него, свидетелем чего мы бываем каждый день. Тут и наступления и отступления, казни, реквизиции, слезы, жалобы, радости, порывы... Словом, целая картина современности — и радостной и мучительной. Но все это набросано как то эскизно, торопливо, нервно,

местами в проламывающем стиле, местами рядом длинных и скучноватых рассуждений. Автор любит стень, но у него не чувствуется и широкого размаха, и краски его бледны, нет той красочности, яркости и ароматности, которыми так богата стень.

Чувствуется, что автор спешит и мало работает над своими произведениями, как бы не поспевая за своей торопливой, нервной мыслью. В результате нередко встречаются промахи языка.

Но у *Степного* есть и свои достоинства, которые выделяют его среди других. Он один из первых попытается дать типичных современных общественных деятелей, вышедших из рабочей среды, не вырвавших их из обычной, повседневной жизни, а, наоборот, показав их жизнь даже в далеком прошлом, — он попытается отразить современный быт — и революционный и обывательский. И в этом его заслуга. Он не вполне справился со своей задачей; но типы его верны, живы, нежны. Автору чужда предвзятая идея что-либо доказать. Он не доказывает, а показывает, а это и придает известную литературную ценность произведению.

Кроме того в романе есть моменты, особо интересные для переживаемого момента. В нем вы найдете рассуждения о роли буржуазной литературы и новых песнях, новых мыслях; — о классовой, групповой психологии и роли ее в творчестве новой жизни, о трудности перерождения человека, выросшего в определенных условиях. Автор так и говорит: „— я рассматриваю человека в зависимости от тех данных, в каком положении стоят его средства производства... т.е. покажи мне, что делаешь, и я скажу тебе, кто ты есть“. И, наконец, о коллективном чувстве и коллективной воле. Это как раз те вопросы, которые стоят перед нами, которые еще не разрешены жизнью. И велик будет тот пролетарский художник, который своим творческим прозрением подглядит эти элементы пролетарской культуры в вихре крутящихся событий, — подглядит и предугадает путь их пыльного, радостного и торжественного расцвета. Но эта грандиозная задача будет разрешена, конечно, не одной силой, а коллективом, частью которой почувствует себя автор „Пролетария“. И в этом он найдет нравственное удовлетворение.

В. Полянский.

В. Белоцерковский. *Сборник рассказов „Слезы сказки слезы“.* Издание под редакцией Сибирского Гор. Пролеткульта. 66 страниц. Цена 30 руб.

Писатель — самоучка, побывавший в Европе, Азии и Америке и всюду на себе самом испытывавший гнет капитализма, поэтому его рассказы и дышат такой сильной, страстной ненавистью к миру эксплуататоров.

Рассказы не отличаются ни образностью, ни особой стройностью или точностью психологии героев; фабула их тоже несложна, но присущая автору искренность чувства, передаваемая простым, легким языком делает его рассказы интересными.

Темы рассказов взяты не из русской фабричной жизни или революционной борьбы, а из жизни пролетариев моря, безработных Италии и Америки, эксплуатируемых белыми негров и т. п. Мало знакомая широкому читателю описываемая природа, обстановка и быт придают рассказам большую привлекательность и усиливают впечатление.

Автор не вполне владеет техникой литературного произведения. Передача событий на протяжении всего сборника, за исключением отдельных мест, ведется от лица самого автора, и действующие герои вырисовываются перед читателем большею частью вне развития событий. Это могло бы убить интерес к рассказам, если бы не разнообразие сюжетов.

По данной книжке судить о будущей литературной судьбе тов. Белоцерковского нельзя. Это первая проба пера, — она говорит, что автор имеет писательские задатки, умеет наблюдать текущую жизнь и облекать ее в литературно-художественную форму, но необходима интенсивная работа, иначе он может затеряться среди других рабочих-писателей и погибнуть.

Когда-то А. Пушкин писал: „бойся упительных похвал и не страшись язвительных насмешек“. Эти слова пришли нам на память, когда мы прочли заявление от редакции, что тов. Белоцерковский „один из ярких представителей“ пролетарского искусства и „всесовершенный талант“.

Редакция, очевидно, мало знакома с литературными талантами — это раз; во-вторых, такие непродуманные утверждения часто портят авторов, давая им излишнюю самоуверенность и самовлюбленность, что отчасти сказалось в страничке „от автора“.

А тов. Белоцерковскому надо много еще работать, надо гармонично строить свои вещи и освободиться от известной доли подражательности.

В. П.—ий.

Евг. Тарасов. Стихотворения. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г. 46 стр. Цена 3 руб.

Стихотворения Тарасова не пользуются такой популярностью, как стихи других его товарищей, между тем они интересны; если же принять во внимание, что все они написаны в период первой русской революции, то они вдвойне интересны; уже в те годы у поэта родились настроения, которые так пышно расцвели у пролетарских поэтов наших дней.

Как сейчас вспоминаю светло-зеленую записку стихов Тарасова в издании „Нового Мира“ 1907 года. С какой жадностью и любовью она читалась рабочими. Не раз они отдыхали над этой скромной книжкой, которая в период арцыбашевской „Санинщины“ давала им силу прогнать через надвигающуюся пелену столипинской реакции в светлое будущее, рождающееся в тяжелых муках в наши великие дни социальной мировой революции.

Уже в те далекие годы поэт сознавал, что пролетарские песни слагаются под „грохот станков“.

„Но звучит в них бескрайняя ширь...
Это звон разбиваемых нами оков,
Это сила, грядущая в мир“...

Поэт видел „будни“ жизни, в которых мы, побежденные, покорные. Но тут же добавлял, что, „скорбь побежденных сильнее“. С глубокой силой он бросал дерзание, вызывающие слова:

„Ликуйте машины, змейтесь проводы,
Торопите, гоните нескорые годы—
Мы в грохоте вашем еще безрассудней,
Сердца наши в грохоте бьются быстрее.
Сквозь дьявольский скрежет,
В дыму и пыли
Нам радость грядущего заревом брезжит,
Над заревом брезжит вдали“.

Разве это не первые звуки той новой пролетарской мелодии, которую мы слышим у Гастева, Садовьева, Кириллова и других?

Теперь эта мелодия сильна, ярка, широко захватила рабочие массы и глубоко проникла их своим настроением, а тогда слышны были только первые ее аккорды, и по теперешним временам они робки и слабы. Но от этого их историческая ценность и значение не могут быть уменьшены.

Поэт твердо верит в торжество пролетарской „звезды“, — он поет славу „дерзости“. „Ошибайтесь — но дерзайте!“ „Глубже взгляды, шире замахи, больше дерзости святой!“ — восклицает он. Он знает, что

„Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет свято навсегда“.

А взять силой — значит вступить в беспощадный бой, в самом точном, самом жестком смысле.

„Нас давили, нас жгли, убивали, и вот—
Мы восстали и каждый убить“ —

гордо, с полным сознанием, без всякой сантиментальности заявляет автор.

Но эта жестокость поэта ничуть не говорит о его жестоком сердце. Он только „сердцем не раб, а бестрепетный воин“.

Он хочет
„Творить беспокойным, сверкающим словом,
Быть чутким, как сталь, и как сталь же суровым,
Быть цельным везде!“

Глубоко чувствовал поэт и жизнь города. Он стремился

„Пашные, дальние мимо скучных, до
Земляющих, беззвучных,
Мимо сонных, утомленных
Утомленных
Городов и деревень!“

Но он знал, что этот „город скованный“ „встретит завтра ясный день“.

Сюжеты *Евг. Тарасова* довольно разнообразны; он воспевает „Беспокойные нивы“, „Весенние ручьи“, „Ночной поезд“, „Север“, „Революцию“, „Товарищеский“ и т. п. И все эти мотивы сочно пропитаны одним великим настроением — призывом к решительной беспощадной борьбе с капиталом.

Побеждена первая русская революция, но поэт находит силы для призыва. Он обращается к своим братьям:

„Клянитесь же над свежими могилами
Все выдержать, все вынести, ить пасть!“
Как в родной матери, поэт обращается к революции:

„О, мать моя, приди! У нас уже не плачут,
У нас уже молчат... Без граней твоя

А на море— туман, в тумане чуть маячат
Твои обманутые ветром корабли.

О, мать моя, скорей! Убей все то, что

Уставшие гореть и злобствовать сердца,
Пусть будет каждый пьян веселостью

Пусть будет всюду ад, и пир чумы, и

О, мать моя, мы ждем, мы знаем, где

Веди нас за собой, неси им хаос суровый,

Они уже полны боязнью суеверной,

Над пропастью веков неверны их шаги.

Скорей, скорей, мы ждем, мы голодны и

И наших не сочтешь змеящихся рядов,
И пусть погибнем мы под прахом горо-

дов—
Воскреснет новый мир на сером пепе-

Приди и пронесись по высохшим полям,
Как красный, дымный вихрь—огнями и

О, дай мне жесткости—да буду волно-

резом
Твоим стремительно-бегущим кораблям“.

И этот страстный, огненный призыв революции-мать услышала. Она пришла и принесла своему сыну-пролетарию то счастье, которое он искал в своей мастерской, в своем заводе.

Полный пролетарской скромности, Евг. Тарасов писал про нового поэта:

„Он не пришел, но он меж нами.

Он в шахтах уголь достает,

Он тяжким молотом дует,

Он раздувает в горне пламя.

В его руках победы знамя—

Он не пришел, но он придет.

..... Из гибкой стали

Создаст он чуждые печали

Напевы воли и труда“.

И эти напевы мы слышим теперь повсюду.

И чем шире они звучат, тем сильнее мы

должны любить и больше изучать их пред-

вестников.

Стихи Евг. Тарасова не уступают при-

знанным поэтам и со стороны своей тех-

В. П-ий.

Я. Бердников. Цветы сердца. Издание
Петроградского Пролеткульт. 1919 г. 46 стр.
Цена 3 руб.

Я. Бердников поэт молодой, жизневостановленный. Он знает тяжести завода и обманчивый блеск города, но они еще не успели

наложить на его стих отпечатка грусти и тяжелых испытаний, что мы замечаем у многих других рабочих-поэтов. Поэт больше знает город и завод последних дней. Его город

„заводами грохочет

И трамваями звенит,

Режет сталь, пилит и точит“.

Но одновременно он

„О градующих днях пророчит,

Мировой кует зенит...“

Разрывая мрак на части,

Окрыляя жизнью свет,

Из волшебной красной пасти

Он струит свободы счастье,

Шлет и радость и привет“.

Точно так же и завод:

„Он рычит, горит, как ад,

Из труб швыряя дым и смрад“.

но он

„Гремит, гудит, сзывая рать,

Чтобы цепи яркие порвать“.

Поэт так и говорит:

Закалены в горниле огнеликом,

Мы дышим силою железа и труда,

Покорны бури нам в движении великом,

Пучины вод, гиганты города.

Наш братский мир огнем и сталью снаем...

Сожмемся мы под камни и металл

Из дульных нор, с оборванных окраин,

Чтоб раздробить зловещий капитал“.

Однако поэт интересен не этими стихами,

характерными для наших дней, а своей

жизнерадостностью борьбы, вольной мечтой и

любовью к природе.

„Ветер, ветер легкокрылый!

Я теперь вольней, чем ты.

Оживлен я новой силой

Гордо-пламенной мечты“.

пишет Бердников про себя.

Стихи его не отличаются ни оригиналь-

Технические недочеты, конечно, есть, и временами довольно сильные. Как кандалы так и ковыль у автора „стозвонны“. Создал автор и новое словечко: „взорлила“. Чужое оно, не наше, не пролетарское. Непозволительны и рифмы в роде: „в телеге я“, „Элегия“.

Поэзия Я. Бердникова некоторыми своими сторонами сближается с поэзией А. Поморского. Оба они являются по преимуществу поэтами своих переживаний. Все окружающее — повод, толчок, оно вызывает в них гамму настроений.

В. П.-ий.

Ник. Рыбацкий. На светлый путь. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 года. 32 стр. Цена 2 р. 25 к.

В этом небольшом сборнике всего восемнадцать стихотворений; большая часть из них написана до нашей февральской революции 1917 г., и только три — в наши радостно-грозные дни бурь и ликований. Поэтому говорить о каких-либо новых переживаниях автора, рожденных в момент борьбы за коммунистическую жизнь, не приход. тся. Наши дни не вырвали у автора ни жгучих призывов к борьбе, ни беспредельной радости торжества. Но и в отражении прошлого автор небогат темами, хотя каждый чувствует, что он верный сын своего класса, которого не может сломать ни реакция, ни тюрьма, ни ссылка, никакие гонения, — это основной мотив его настроений, недаром он первым поместил стих:

„Не малодушествуй! К былому нет
возврата,

А счастье там... далеко впереди.
Споткнешься — встань, паденьем жизнь

богата,
Воспрянь душой — и вновь иди, иди!“

Стихом Н. Рыбацкий владеет не хуже многих других рабочих-поэтов, но все-таки нельзя не отметить, что „сквозь ритм“ и рифму проглядывает рассудочность.

Этот сборник не дает материала, чтобы развернуть широкую картину духовной жизни поэта и заложенных в нем поэтических возможностей выражения своих чувств.

В. П.-ий.

Н. Отсоли. Стихотворения. 1910 — 1916 г. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г. 14 стр. Цена 1 р. 60 к.

А. Кузнецов. Стихотворения. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г. 16 стр. Цена 1 р. 60 к.

Два небольших сборничка, — в первом восемь, а во втором — тринадцать стихотворений, и все-таки они дают материал для некоторых заключений.

Тот и другой автор, несомненно, имеют поэтическое дарование.

Отсоли — ровное, спокойное, временами даже холодное, несмотря на то, что поэт убежден, — вот, вот

„... заалает восток —

Мгла редет, рассвет недалек“.

несмотря на то, что его „полон гнева, могучий Сампсон притаялся и ждет у высоких колонн“ разрушить капиталистический дворец.

В его стихах не чувствуется бурной страсти, они — торжествующее спокойствие даже и в те минуты, когда „сердце бьется в мятежной груди“ и душа его „сомнений полна“.

Кузнецов наоборот. Он шумит, как „бурливая река“. Солнце, красное знамя, пожары борьбы, — вот стихия его творчества. И в ней он „вольный, могучий и гордый“, полный радости пред новою жизнью, слагает гимны свободе, труду и зовет „с оружием, вперед“, хотя его капризное сердце иногда живет и другими настроениями, как будто несвойственными нашему кипучему, творчески-боевому времени. Поэт пишет:

„Люблю, когда крылатая
На землю почь спадет,—
Тогда пирь необятная
В простор меня зовет.
Ты, поле, поле сонное,
Прими же под крыло:
Пусть сердце утомленное
На миг забудет зло“.

Новых пролетарских настроений ни в том ни в другом сборнике нет, и они войдут в сокровищницу пролетарской поэзии, как материал для изучения психологии пролетариата в прошлом.

В. П.-ий.

Василий Князев. Первая книга стихов (1905—1916 г.). Государственное Издательство. Петербург 1919 г. 416 стр. Цена 75 руб.

Князев, несомненно, обладает литературным дарованием, но он слишком по-фельетонному пользуется этим дарованием, превращаясь в жертву обязанности писать на „дежурных темах“, как он сам любит говорить. Там, где даже наши великие поэты десятки раз выправляли свои творения, Князев быстро разрешает вопросы, вместо образов давая набор частиц, наречий и междометий:

„Ведь, сколь скоро“...

„Гикуют... Ну и ну“.

Оказывается это „ну и ну“ пужно для рифмы со строкой:

„Страхну ли седла“.

Для этой же рифмы к слову „Соллогуба“ он подбирает „голуба“, а строчки кончающиеся „он у нас“, „не лабаз“ он рифмует: „и либеральный даже да-с“.

Оригинальны и сравнения: снег — это или мел или манна.

Но мы не будем останавливаться на внешней стороне творений шустрого автора и перейдем к содержанию.

„Нет участи горше на свете,

Как петь под чужой камerton.

И в честной марксистской газете
Веселый вести фельетон.

Прочтут, ухмыльнутся: „Вещица!“

Не вредно, и мысль не плоха.

Но, знаете ль... Нам не годится

Подобная тонкость стиха...“

«Нам нужно»...
 О, странная раса,
 Им нужно, чтоб звучный куплет
 Был точным подобием фугасы,
 Был пламенем адским согрет.
 Оттачивать стих?—не пытайся;
 Прочь тонкие нити острот!
 Здесь нужно: «Вставай, подымайся»,
 И рифма—«вперед» и «народ».

Так писал автор в 1913 году, когда уже была легальная рабочая пресса.

И эти строчки говорят о многом:—прежде всего о непонимании задач, стоящих перед литературой. Литература это не просто «тонкие нити острот», она всегда отражает классовые и групповые интересы общества. Вещь может быть очень остроумна, но далеко не соответствовать задачам пролетариата, и естественно, что она не может появиться на страницах рабочей прессы. В то время, когда пролетариат готовится восстать на своих врагов, ему абсолютно безразлично, кто из буржуазных писателей и поэтов торгует своим дарованием и как устраивает свои делишки. Наконец и рифма: «вперед» и «народ»; несравненно выше, чем многие князевские потуги, в роде: «разом» и «эпитузиазмом», «так сказать» и «назвать».

И все-таки Князев, конечно, человек передовой.

Смотрите, как он хлещет в отделе «Литературные скальпы» своих коллег по перу Сокологуба, Рославлева, Городецкого, Цензора и других. Сам он не ушел ни в «Лукоморье», ни в «Новое время» и, ни разу «не намазав краской рожи», с сознанием своего превосходства остался в «Сатириконе».

А как разит он нарождавшиеся в былое время спекулятивные журналы:

«Почти без риска,
 Объявляется подписка;
 Журнал—«Киска».
 Рассказы, повести—
 Без стыда и совести,
 Стихи, поэмы
 На разные темы...
 Разрешение половой проблемы,
 Проманы...
 Караул, береги свои карманы!»

Подобные вещи мы не раз встречали у рекламщика панипрос «Дяди Михея», но Князев, конечно, талантливее.

«Мы бедные мошки
 Спавившие крылья...
 Взлететь бы с дорожки,
 Да тщетны усилья».

Пишет про свою общественную группу Князев. И все-таки, несмотря на приданность жизни, он гордо и смело задыхаясь, кричит:

«Сгинь, трехлетней подлой почт
 Нескончаемая жуть».

И тут же добавляет:

«Душа болит... Мучительно и нудно...
 Забыться бы, уйти куда-нибудь...
 Или уснуть
 На век непробудно».

Оказывается, чувства и воли у автора «тонких нит острот» хватает только на выкрики, на то он и патентованный интеллигент, а не на борьбу. Заснуть бы непробудно... это легко, а то вот бодрствуй и борись, когда глаза от мрака слипаются. Но, впрочем, этого требовать от Князева не справедливо, потому что он ровно ничего не понимает в общественных движениях. В июне 17 года, перед июльскими днями, он стоит с тупым взглядом вперед и с бессмысленным бряканьем:

«Надеяться? Не смеется...
 Довольно прежних ран!».

Очевидно, он предпочитает покориться капиталу, или встать в стороне, воспевав кровь пролетариата. Он продолжает:

«Одно вдали виднеется...
 • Все тот же злой туман,
 Все так же тяжело дышится,
 Все тот же давит гнет,
 И те ж призывы слышатся—
 Вперед, вперед, вперед».

В сборнике много отделов, десять, но мы не можем останавливаться на всех них. Есть стихи, посвященные Санкт-Петербургу, Питершине, Маю—есть стихи написанные «наедине с душой», которая, вопреки всем фактам, подсказала автору, что со смертью А. Чехова литература осталась «без пастыря и единения».

«Он—
 Оставил без преемника свой трон,
 И вот плоды повсюду рознь, шатанье,
 Междоусобицы, взаимоослепание,
 Боренье, ненависть... Какой-то черный бред!».

Конечно, фельетонисты не обязаны изучать историю литературы, но все-таки блистать полной невинностью в этих вопросах не удобно.

Сердце автора, конечно, благородно и чисто.

«Ни во сне, клянусь, ни на яву
 Я не ведал с милой сладострастия;
 Я в одном с ней городе живу—
 И не падо мне иного счастья».

Какой возвышенный аскетизм. Но так ли это? Не боится ли автор своей Насти, которая

«Целый день, как киска,
 Ласково мяучит,
 Но притворясь близко—
 До смерти замучит».

Автор человек благоразумный.—за минуты счастья он не даст себя мучить. Ведь у Насти

«Розовые ногги
 Превратятся в когти
 И не промахнутся—
 Прямо в грудь вопьются».

Но это не мешает автору мечтать о Клавочке особенно в весенние дни. Вот он что смакует:

«Это было на лавочке
 Возле скам.

Я на блузке у Клавочки
 Две французских булавочки
 разыскал...
 Тесно нам на завалинке,
 Но за то,
 С ножек миленькой Аленьки
 Я противные валенки...
 что?
 Ничего.
 А конец этой басенки...
 Я скажу вам: у Тасеньки
 Словно вишенки, красненьки...
 что?
 Ничего.

Выходит, что благородный аскет... у Клавочки разыскал на блузке две булавочки, у Аленьки снял валенки, а у Тасеньки разыскал красны вишенки. Это благородство становится уже подозрительным. Боясь жгучей Настеньки, которая даром в руки не дается, автор упивается наслаждением с тремя мягкими и покорными, а больше всего предпочитает „пастушеские идиллии“.

„Там, возле горошка,
 Нежна и легка,
 Раскинулась пойма
 Белей молока.
 Стройней, чем у лани,
 Томленьем полна,
 Спирокко желаний
 Рождала она“.

Интересен отдел „Питерщины“. Вот он:

„Ой, у Катеньки
 Губки слатеньки...
 Ай для Катеньки у тятеньки
 Поставлен теремок,
 Ходит к Катеньки усатенький
 Фартовый паренек“...
 „Жила у бар кухаркою
 Томилась день денской
 Над жаркою, над жаркою
 Горячую пилот“.
 Вдруг... как те свет пощипавити.
 Удалой молодец:
 Ты, Марфа, гыт, красавица
 Валим, гыт, под венец“.

А вот и питерский дворник; он спешиво заявляет про себя:

„Не уступим никому
 На четвертой роте—
 Все куфарки на дому
 Сохнут по Федоте.
 Кайна в горницы зовет,
 Кайна взгляду рада,
 А Федот на них—цлюет,
 Потому: не надо!“

Мы далеко еще не исчерпали „Первую книгу стихов“ Князева, в ней ведь четыреста слишком страниц. С большой скукой и нетерпением мы ее прочли, еще с большим нетерпением спешим закончить рецензию. Мы вполне понимаем Князева, когда ему хочется видеть изданным все им написанное, но к чему весь фельетонный материал издало Государственное Издательство, нам абсолютно непонятно.

П. Рудопол.

„Кузница“. Орган пролетарских писателей.
 № 1. Май, 1920 г. Издание Литерат. Отдела Наркомпроса. Москва. 26 стр. Цена 15 руб.

Кузница пролетарской поэзии... Группа ее организаторов в редакционном заявлении характеризует свою задачу скромно. Создать оригинальную пролетарскую поэзию в настоящее время она считает невозможным или непосильным для себя. Но она надеется „набить руку в высших организационных технических приемах и методах поэтического мастерства“, и уже тогда—но только тогда, не ранее—пролетарские мысли и чувства „вковать в оригинальные поэтические формы, создать оригинальную пролетарскую поэзию“ (стр. 2). Журнал, следовательно, не только студийный, но еще уже, технически-студийный, „руконабивочный“, придерживавшийся терминов этого предисловия. Вот рамки, заранее связывающие критику: судить она должна ведь с точки зрения поставленных задач, не далее... Правду сказать, простор не особенно большой.

Рецензент „Коммунистич. Труда“, разбирая два взаимно посвященных стихотворения В. Александровского и М. Герасимова („В пути“), нашел в одном из них „обывательско-меньшевистское“ мироощущение, в другом — „активно-творческое большевистское“ мироощущение („Коммунистич. Труд“, № 52, 1920). Как видим, рецензент был неправ, вышел из положенных ему границ: в „руконабивочном“ или „высшем техническом“ смысле об этом толковать не приходится: один практикуется на одном, другой — на другом, не все ли равно? И мы тоже были бы неправы, если бы, напр., отметили, что стихотворение Н. Полежаева, идущего „по полям, в родимое село“ и стремящегося „по холоду скорей туда“ добраться — и по идее, и по образам всецело народническое: еще не „набили руку“, еще рано „вковывать пролетарские мысли и чувства в оригинальную пролетарскую поэзию“.

Предположим, мы высказали бы опасение, что Ключев с Есениным предьявляют часть авторских прав на стихотворение тов. Образовича „Рабочая“, — наибольшая доля его образов и выражений оправдывали бы такую претензию: там и „Жар-Птица“, которая „мир накрыла пылающим крылом“, и упоминания о „распятом на кресте“, и „черноземная ладонь края“, и т. п. Но и такое опасение редакции „Кузницы“ легко отстранила бы: ведь „оригинальной пролетарской поэзии“ пока еще не предполагается, это просто — усвоение „высшей техники“ крестьянских поэтов...

Значит, что же нам остается? Разбирать, каковы „достижения“ в этой „высшей технике“? К сожалению, пока не блестящие.

Вот стихотворение М. Герасимова „В пути“. Оно начинается так:

Глаза горящие не выпьют
 Могильно-синие снега,
 Пусть старый мир голодной вышью
 Визгливо выжигается в ногах...

Вот они, высшие достижения: есть и рифма-модерн (выпьют — вышью), и звучная аллитерация (целых пять в: «вышью визгливо

вьюжиться в ногах»). Но сколько недоуменных вопросов! Во-первых, кто кого «не выплет», глаза ли — снегов, или совсем напротив? Во-вторых, где водится выпль, которая «визглива»? Это птица с необыкновенно низким и глухим голосом. Затем, как она, в единственном числе, может «вьюжиться»? Вьюжиться могут массы снежинок, пуху, перьев, сухих листьев, пыли, пожалуй, каких угодно предметов, захваченных вихревым движением в большом количестве. Пусть даже «старый мир», как собрание разных элементов, способен «вьюжиться», но в образе единой выпли...

Какая же это «высшая техника», которая достигает паторной аллитерации, жертвуя живым образом и смыслом?

Или вот, из других стихотворений сборника:

...Валетайте стружки выше

От солнечных ресниц.

Ресницы, как орудие для строгания! Разве это стройный образ, когда и понять-то его сколько-нибудь можно лишь после того, как вместо слова «ресницы» подставим «лучи»?

Несется и трясет гроза

Зевоту Будды, Браммы и Шамана.

Гроза трясет зевоту... И троица совершенно «диспаратная», неслаженная: два могучих бога рядом со скромным, кривляющимся знахарем, и т. д.

Единственный прозаический рассказ, «Марсель», М. Герасимова. И тот технически плох.

— Думал, не придешь, Марсель, вон какой веселый жид-вест разыгрался, — дружески сказал он.

— Если бы он превратился в безумный самум Сахары, я и то была бы здесь, — возразила она коротко, но восторженно.

Во-первых, это не коротко, а длинно. «Мне и самум не помешал бы» — втрое короче. Во-вторых, это не восторженно, а напыщенно.

— Товарищи, наступает час великих держаний для всемирного труда! — с подъемом начала Марсель.

Это не «высшая», а наивная техника — сообщать, что героиня говорит «с подъемом», вместо того, чтобы *показать* это...

Да стоит ли, собственно, толковать о подобных мелочах? — скажет читатель. Ну, сами говорят, что ученики учатся «высшей технике», — понятно, что им надо будет еще очень долго учиться, пока хоть сколько-нибудь овладеют ею. Нам было бы интереснее другое: должны же они выражать, хотя бы несовершенно, то новое, что пролетариат вносит в жизнь, его мироотношение, мирочувствование, пути его миростроительства.

Да, в сущности, критика не обязана держаться в рамках ремесленно-технической программы, которую выдвинула редакция «Кузницы»; мы можем критиковать и эту программу, предъявлять и иные требования. Но обойти ее мы не могли, особенно потому, что авторы сборника обнаруживают значительные иллюзии насчет успешности ее выполнения. В критической статье одного

из них о другом, последний характеризуется, как «поэт, который сумел соединить в своих произведениях все богатство техники отмирающей буржуазной культуры и пролетарское чувство коллективного труда», не как «новичок в мире искусства», а как «сознающий свою силу властелин»... В подкрепление приводятся две строфы, которые заканчиваются стихом:

«Звенящий высеки гранит», — стоящим на уровне отнюдь не высшей, а скорее державинской «техники».

Нет, задача, поставленная редакцией сборника, хотя и не очень возвышенная, тем не менее, весьма не легка именно для пролетарских поэтов; настолько же нелегка, насколько бесплодна. И мы имеем основания думать, что она, отвлекая и поглощая силы молодых авторов, плохо отозвалась на содержании их работы. Содержание бедное. Прославление революции, гимны коллективному труду, картины завода, — все это вещи, конечно, хорошие, и все это есть в полутора десятках стихотворений сборника; но, если не считать явных отклонений в сторону народничества, все это держится в прежних формах, в давно наметившихся рамках. Не видно расширения кругозора, не чувствуется развития.

И уже есть признаки зарождения кружковщины. Один начинающий поэт пишет, под видом критической статьи, панегирик другому, третий — четвертому: прямой путь к самообольщению, сужению опыта, к остановке.

Товарищи, не тем надо заниматься! Никто не требует от пролетарских поэтов «высшей буржуазной техники»; она вам и не в лицу, — как манеры и костюм лондонского донди (тоже ведь «высшая техника» буржуазного быта) не пристали рабочему-социалисту. Надо учиться, учиться широко и глубоко, а не «набивать руку» в хитрых рифмах и аллитерациях.

Вы говорите, что еще нет оригинальной пролетарской поэзии, вы ставите ее в зависимость от усвоения «высшей» буржуазно-поэтической техники. Вы слишком низко ее цените, товарищи, и плохо знаете, где ее искать. Ее мало пока в форме стихов и прозы; но ею полна жизнь пролетариата, полна мысль революции много социализма. Ищите больше и лучше. Вы думаете, мало ее в чистоте и ясности товарищеских отношений, в стройности и сплоченности рабочих организаций, в революционно-научной критике Маркса и в его социально-философском творчестве? И если вы сами — живые частицы растущей коллективной души пролетариата, если умеете видеть его глазами, чувствовать его сердцем, то через творческое восприятие вы найдете эту поэзию во всей природе, и во всем великом, что создано усилиями человечества, трудом и научным познанием и художественным отображением мира. Тогда у вас будет, что сказать, и само собою найдете, как сказать.

А. Богданов.

ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА

Орган Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

№ 1. 1918 г. Июль. От редакции. — Под знамя „Пролеткульта“. В. Полянский. — „Пролеткульт“. Орган пролет. самостоятельности. — Керженцев. — Пролетариат и творчество. Ф. Калинин. — Что такое пролетарская поэзия? А. Богданов. — О репертуаре рабочего театра. В. Богданов. — К созову Всеросс. конф. к-пр. рабоч. орг. Орган. Бюро. — Хроника „Пролеткульта“. Ст. Кривоцов. — Библиография: „Красный огонек“. Е. Х. — „Пламя“. „Творчество“. А. О. — „Грядущее“. П. Л.

№ 2. Июль. Национализм и социализм. В. Полянский. — Наша критика. Ст. 1-ая. А. Богданов. — Рабочий клуб. Ф. Калинин. — Идеал воспитания. А. Богданов. — К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Революция и культурные задачи пролетариата. В. Полянский. — Наука и рабочий класс. А. Богданов. — Пролетариат и искусство. А. Луначарский. — Идеалы социалистического воспитания. Н. Ульянова (Н. Крупская). — Железный мессия. В. Кириллов. — Похороны. А. Поморский. — Чужда работы. А. Гастев. — Хроника „Пролеткульта“. Втор. конф. Петрогр. „Пролеткульта“. П. Л. — В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: Литерат. Альманах. В. П. — К. Тимирязев. Красное Знамя. А. О. — Известия Москов. Пролет. Ун-та. О. Д.

№ 3. Август. Мотивы рабочей поэзии. В. Полянский. — Наша критика. Ст. 2-ая. А. Богданов. — Клубовая работа. Ст. Кривоцов. — Классовый театр. К. Малинин. — К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Пролетарский клуб. Ст. Кривоцов. — Норма представительства и план работ конференции. Орган. Бюро. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: А. Богданов. „Красная Звезда“ и „Инженер Мэнни“. С. Д. — Ж. Тьерсо. Празднества и песни французской революции. Т. Р. — Две рецензии. А. О. — От редакции.

№ 4. Сентябрь. Тов. Н. Ленин. В. Полянский. — Методы труда и методы познания. А. Богданов. — Путь пролетарской критики и поэзия А. Гастева. Ф. Калинин. — Труд воспитательный и труд производительный в новой школе. В. Полянский. — Чем должен быть рабочий клуб. Н. Крупская. — Всероссийский Союз рабочих писателей. В. Игнатов. — К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Рабочая кооперация и пролетарское культурное строительство. Н. Василевский. — Завод весенний. Песня о железе. Стихи. М. Герасимов. — Хроника „Пролеткульта“. Московский „Пролеткульт“. Отчет. В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: „Грядущее“. П. Л. — „Пламя“. А. О. — „Литерат. Прилож.“, № 1. В. Г. — „Творчество“. А. О. — В. Кириллов. Стихотворения. П. Л. — В. Фриче. Пролетарская поэзия. В. Г.

№ 5. Ноябрь. Год пролетарской диктатуры. В. Полянский. — Идеология производства. Ф. Калинин. — Пролетарский университет. А. Богданов. — Организация литературного творчества. В. Керженцев. — Первая Всероссийская конф. пролет. культ.-просвет. организаций. В. Кунавин. — Резолюции конференции. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: „Горн“. В. Полянский. — „В буре и пламени“. В. П. — „Венчальные ризы“. А. О. — „Из дневника детского сада“. Е. Херсонская. — „Горнило“. В. Г. — „Грядущая культура“. П. Л.

№ 6. 1919 г. Февраль. Международная революция и пролетарская культура. В. Керженцев. — Об идеологии. Ф. Калинин. — Очердные вопросы. В. Полянский. — Методы работы „Пролеткульта“. В. Керженцев. — Теория и практика. Т. Седельников. — План организации „Пролеткульта“. — Предместья. Стих. М. Рубинштейн. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривоцов. — Пролетарские культ.-просв. организации. — Библиография: „Пролетарский сборник“. В. Полянский. — „Вестник жизни“. В. Кунавин. — „Грядущая культура“. П. Л. — „Завод огнекрылый“. А. О. — С. Малашкин. „Мускулы“. А. О. — С. Есенин. Преображение. В. Г. — П. Орешин. „Красная Русь“. В. Г. — С. Срединский. „Основы газетного дела“. М. М. — „Зарево Заводов“. В. Полянский. — „Мир и человек“. П. Л.

№ 7-8. Апрель-май. Пролеткульт и советская культурная работа. А. Луначарский. — Наши задачи и пути. В. Полянский. — Очерки организационной науки. А. Богданов. — О профессионализме рабочих в искусстве. Ф. Калинин. — О профессионализме. В. Плещев. — Коллективное творчество в театре. В. Керженцев. — О футуризме. Ф. Калинин. — Поэзия советской провинции. В. Полянский. — „Жреца искусства“. Стих. В. Кириллов. — Авиаторы. Расск. А. Шляпников. — Примерный устав клуба „Пролеткульта“. Всеросс. Сов. Пролеткульта. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. — Инструкторские курсы. Ст. Кривоцов. — Конференции. — Отчеты. — Библиография: А. Сидоров. — „Революция и искусство“. О. Д. К. — Залевский. — „Искусство и пролетариат“. Ст. Кривоцов. — „Грошик. Рассказы. П. Рудокон. — В. Игнатов. — „Свадебная вечеринка“. П. Рудокон. — „Гудки“. В. Г. — „Наш горн“. В. П. — „Красное утро“. А. О.

№ 9-10. Июнь-июль. Пролетарская культура и ее критики. Ф. Калинин. — Очерки организационной науки. Ст. 2-я. А. Богданов. — Ч. Дарвин и К. Маркс. К. Тимирязев. — Познавание в свете истории. В. Полянский. — Рост Пролеткульта. О. Райнин. — О тенденциях пролетарской культуры. А. Гастев. — О тенденциях пролетарской культуры (ответ Гастеву). А. Богданов. — О провинциальных пролетарских университетах. А. Богданов. — К закрытию пролетарского университета. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. О. Райнин. — Отчеты. — Библиография: М. Герасимов. — „Завод весенний“ и „Цветы под огнем“. П. Л. — В. Александровский. — „Рабочий поселок“ и „Север“. В. П. — А. Поморский. — „Цветы восстания“. В. П. — „Пролеткульт“. А. О. — „Пролеткульт“. П. Рудокон. — „Труд и Творчество“. П. Рудокон.

№ 11-12. Декабрь. Куда мы идем. В. Полянский.—Начало пролетарской эстетики. А. Луначарский.—Очерки организационной науки. Статья 3-я. А. Богданов.—Пролетаризация науки. М. Смит.—О методах работ в Пролеткультах. Ф. Калинин.—Изучение трудовых процессов. М. Смит.—Кладбище паровозов. Стих. Н. Н. 32 показания. М. Ф.—Хроника „Пролеткульта“. В Пролеткультах. С. С.—Пролеткульт—Красной Армии. Е. О.—Работа Тамбовского Пролеткульта в Красной Армии. В. М.—В провинции. Библиография: Самобытник. „Под красным Знаменем“. В. Полянский.—К. Лаптин. „Рассвет“. В. Пий.—Г. Нежаев. „Вечерние песни“. В. Пий.—„Взмахи“. А. О.—В. Попов. Рассказы. А. О.—Н. Тихомиров. „Красный мост“. А. О.—В. Кунов. „Возникновение религии и веры в бога“. Л. Д.—Г. Гортер. „Исторический материализм“. П. Л.—А. Богданов и И. Спепанов. Курс политической экономии. Т. 2. В. 4. П. Л.

№ 13-14. 1920 г. Январь-март. Ф. И. Калинин. П. К. Бессалько.—Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру. А. Луначарский.—Трудовая Армия. В. Полянский.—Очерки организационной науки. Ст. 4-ая. А. Богданов.—Две поэзии. В. Полянский.—Простота или утонченность. А. Богданов.—Пути пролетариата в изобразительном искусстве. В. Арсатов.—Борьба за социалистический театр. П. Керсновский.—Трудовая школа в представлении среднего рабочего. Ф. Калинин.—К созыву 2-й Всерос. Конф. Пролеткультов.—Хроника „Пролеткульта“. За границей. Съезды. В провинции. Библиография: Д. Садовское. „Динамо-стихи“. В. Полянский.—П. Бессалько. „Алмазы Востока“. В. Пий.—Сборник Рыбинского Пролеткульта. В. Пий.—В. Фриче. „Пролетарская поэзия“. В. Г.—В. Львов-Рагозинский. „Поэзия новой России“. П. Рудокот.—Э. Рендервальде. „Социализм и искусство“. П. Лебедев.—П. Бессалько и Ф. Калинин. „Проблемы пролетарской культуры“.—Ст. Кривцов.—Пальме. Нравы и искусство французской революции. Ст. Кривцов.—Художественная жизнь. Изобразительное искусство. П. Рудокот.—В. Врогов. „Наука о стихе“. О. Брик.

Государственная

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

в Ленинграде.

XVIII—25555

1919 г. Сентябрь

№ 7-8. Апрель-май

№ 9-10. Июнь-июль

Издатель **Редактор**

Государственное издательство **Редакционный Коллегия**

Цена 25 рублей.

Никем из книгопродавцев указан-
ной на книге цена не может быть
повышена.

Государственное Издательство.

Вышли из печати:

- П. Бессалько и Ф. Калинин.** Проблемы пролетарской культуры. Кни-
гоиздательство „Антей“, 80 стр. Цена 10 руб.
- Р. Пельше.** Нравы и искусство французской революции. Государственное
издательство. 52 стр. Ц. 12 р.
- „Пролетарская Культура“.** Сборник журнала № 1—10 в одной книге.
Второе издание. Государственное издательство. Цена 35 руб.
- „Пролетарская Культура“.** № 11—12. Цена 12 р. № 13—14. Цена 25 р.
- Организация Пролеткультов.** Устав. План организации. Конференции.
Студии. Пролетарский Клуб. Диаграммы. Цена 20 руб.
- Под знамя Пролеткульта.** Сборник статей В. Керженцова, А. Луначар-
ского, В. Полянского. Цена 20 руб.
- Наука и Пролетариат.** Сборник статей А. Богданова, В. Полянского.
Цена 20 руб.
- Пролетариат и искусство.** Сборник статей А. Богданова, Ф. Калинина.
Цена 20 рублей.
- Портреты.** Ф. И. Калинин. П. К. Бессалько. Цена 5 руб.

Печатаются:

- Памяти Ф. И. Калинина.** Сборник статей А. Богданова, А. Коллонтай,
А. Луначарского, В. Полянского и других.
- А. Богданов.** Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего
класса.
- Пролетарская поэзия.** Сборник статей А. Луначарского, А. Богданова,
В. Полянского.
- Методы работы Пролеткульта.** Сборник статей Ф. Калинина,
В. Керженцева, С. Кржижановского, Н. Крупской.